

Анна Берсенева

Третье издание
правильно
3.000 руб.
заказывать

Редкий синтез сюжетной увлекательности и прекрасного стиля ставит автора на особую ступень в русской литературе: проза Берсеневой – лучший образец изящной словесности, belles lettres

Рената Флори

Анна Берсенева

Рената Флори

Анна Берсенева

Сильные чувства – удел молодости. А когда молодость проходит, ничего необычного ожидать обычной женщине уже не приходится. Работа – дом – работа... В этом привычном кругу и живет Рената Флори с тех пор, как ее дочь вышла замуж и уехала в Америку. О сильных чувствах Рената давно уже думать забыла: и характер у нее сдержанный, и работа в роддоме не оставляет времени для отвлеченных размышлений. И вдруг чувства врываются в ее жизнь как вихрь и все в ней меняют. Вместо стройного Петербурга – размашистая Москва, вместо одиночества – калейдоскоп необыкновенных лиц и событий. И неужели все это – лишь случайное стечение обстоятельств?

Часть первая

Глава 1

Дежурство закончилось так рано, что город еще не был виден в утренней полумгле. Он лишь угадывался, и то не видом своим, а обликом – смелостью и стройностью. И близостью большой воды, свободного холодного пространства.

Конечно, Рената не думала обо всем этом вот так определенно, отчетливо. Она до того устала после дежурства – все мамочки зарожали под утро, одновременно, будто по команде, – что передвигалась в этом пространстве – конечно, и смелом, и стройном, и свободном – машинально, совсем его не замечая.

Она вышла из больницы и направилась по Второй линии к метро. Когда-то в детстве она и жила здесь, на Васильевском, и родители ее здесь жили, и бабушка с дедушкой, и все поколения семейства Флори с тех самых пор, как судьба занесла их в Россию, в стройный город Петербург. Но когда Рената училась в третьем классе, их коммуналку расселили и жильцам дали квартиры в Озерках. Кажется, об этом никто и не горевал. Во-первых, что же горевать, если все равно ничего не изменить – выселяйся куда велели; тридцать лет назад никому и в голову не могли прийти иные мысли. А во-вторых, ванна, которая не стоит посередине кухни, отделенная от газовых плит клеенчатой занавеской, а располагается в отдельной ванной комнате, а значит, в ней можно мыться в любое время дня и ночи, притом без очереди, – это было такое очевидное благо, обсуждать которое казалось, право же, странным.

В эту самую ванну Рената и мечтала теперь погрузиться. А потом немедленно уснуть. Способность не спать сутками, приобретаемая всеми медиками еще в институте, с недавних пор стала ее подводить. Не всегда, правда, но все же. Возраст, видимо, такой подошел. Рената думала о своем возрасте спокойно, без надрыва и без присущего большинству женщин страха.

Так что по сторонам она не смотрела и ничего вокруг не замечала. Только Нева была огромна, как вздох, ее невозможно было не замечать даже в тусклых февральских утренних сумерках.

В вагоне Рената задремала, но проснулась ровно за две минуты до своей станции. С тех пор как в Озерки пустили метро, жить здесь стало удобнее.

В хлебном киоске возле дома она купила сдобную булку. Утром всегда были свежие, даже теплые еще, и она всегда покупала здесь сдобу – после

дежурства для себя или по дороге на работу к общему чаю.

Уходя вчера в больницу, Рената поменяла постельное белье, и теперь, после ванны, с удовольствием вытянулась на свежей простыне.

«Это ли не блаженство?» – сонно подумала она.

Конечно, это было именно блаженство: прийти с любимой работы, чувствуя толковую усталость ума и тела, принять ванну и со спокойным сердцем уснуть в чистой, теплой постели.

И она закрыла глаза, улыбнулась и уснула.

Телефон зазвонил, кажется, ровно через минуту после этого. Рената быстро села на кровати. Она никогда не отвечала на звонки лежа, потому что обычно это бывали какие-нибудь срочные больничные вопросы, отвечать на них надо было внятно, а резкое движение помогало быстро вынырнуть из сна и поставить голову на место.

– Рената Кирилловна! – Голос Антона звучал растерянно. – Ирка родила.

– Как родила? – Невозможно было, кажется, задать более глупый вопрос! – Когда?

– Да сейчас. Только что. Утром забрали, к вечеру родила.

Все правильно, в Нью-Йорке сейчас именно вечер. Но рожать-то Ира должна была только через месяц!

– Антоша, но почему же вдруг? – воскликнула Рената. – Что с ней случилось?

– Ничего не случилось, – пробормотал зять. – Пошла утром умываться, ой, говорит, рожаю... Ну, и забрали ее.

– И... как? – с замиранием сердца спросила Рената.

– Что – как?

Все-таки Антон иногда производил впечатление клинического идиота, несмотря на весь свой математический талант!

– Дети как?!

– А!.. Дети здоровы, – тем же растерянным тоном ответил зять. – Только маленькие какие-то. Мальчик килограмм и четыреста граммов, а девочка килограмм и двести. Их под колпаками держат, – зачем-то уточнил он.

– Это нормальный вес на таком сроке. Для двойни даже хороший.

Рената постаралась, чтобы ее голос прозвучал спокойно. Не для Антона постаралась, а для себя: она так испугалась, что ей больше надо было успокоиться, чем зятю, который, кажется, даже и не понял, насколько опасны роды на восьмом месяце беременности.

– Ирка спит, – предупреждая ее вопрос, сообщил он. – И сказала, чтобы я вам позвонил, что врачи сказали, что все в порядке, а сама она потом

позвонит, когда отоспится.

– Хорошо, – вздохнула Рената. – А ты их видел?

– Врачей?

– Детей!

– Ну да, – ответил Антон. Теперь тон у него был не растерянный, а опасливый. – Они страшные вообще-то. На людей не очень похожи.

– Ладно-ладно, – улыбнулась Рената. – В зеркало почаще смотри. Поздравляю, папаша!

– И я вас тоже, – вяло ответил Антон.

Расспрашивать его еще о чем-нибудь было явно бессмысленно. Пусть приходит в себя и привыкает к новому своему положению. О том, что к новому положению надо привыкать и ей, Рената как-то не думала. Может, потому что внуки родились так далеко от нее. Да нет, скорее по всегдашней своей готовности к любым переменам участи.

Вообще-то это было странно, такая вот готовность. Все-таки жизнь ее текла так ровно и даже однообразно, что любое мало-мальски значимое событие должно было бы производить эффект разорвавшейся бомбы.

А может, удивляться такому своему качеству как раз и не приходилось, и именно по этой причине – из-за привычки к ровному течению времени и событий. Когда живешь в таком течении не год, не два, а практически всю жизнь, то и жизнь свою воспринимаешь уже соответствующим образом. Ну и характер у нее сдержанный, конечно. Обычный петербургский характер.

«Что ж, поздравляю себя, бабушка, – подумала Рената. – Пусть растут здоровыми».

Она снова легла, закрыла глаза. Но сна уже не было, хотя столь значительное событие вошло в ее жизнь так естественно и просто, словно бабушкой она была всегда.

Пространство Невы у стрелки Васильевского острова, точеный рисунок ее берегов, прекрасная вереница зданий вдоль них встали на темном экране закрытых глаз. И отчего вдруг? Непонятно.

«Надо торт купить на работу, – подумала Рената. – И вина. Нет, шампанского. И коньяка. Отпразднуем».

Это были очень простые, очень будничные мысли. Но кто сказал, что простота мыслей – это плохо?

Глава 2

Рената не знала, чего больше в ее отношении к работе – любви или привычки. Ежесекундную любовь к делу, которым профессионально занимаешься почти двадцать лет кряду, она считала неуместной и даже неприличной экзальтацией. Но и рутинной ее работа ей не казалась. Пожалуй, работа была похожа на небо – вот это, низкое, февральское: сплошная серая мгла, и вдруг просвет, и мелькает в нем что-то ясное, неожиданное и, прежде чем исчезнуть, успевает коснуться сердца.

Впрочем, это было слишком возвышенно, так думать, и Рената так не думала. Тем более что работа, как к ней ни относиться в общем смысле – в смысле простом, повседневном, – оставляла мало времени для посторонних размышлений.

Зданию, в котором Рената работала, было без малого триста лет, и двести из них в нем располагалась клиника для родовспоможения и исцеления женских болезней. Именно так было написано в завещании, которое оставила владелица особняка, передавая его городу.

За триста лет дом, конечно, сто раз перестраивался, все более толково приспособляясь под нужды больницы. Но все равно и снаружи, и изнутри он оставался, безусловно, старинным, каким-то образцово старинным – с высокими окнами, арочными дверными проемами и сводчатыми потолками. Такая старообразность мешала ему считаться привилегированным роддомом: для этого зданию не хватало современного лоска. Но старые петербуржцы, то есть еще ленинградцы, отправляли своих дочек, внучек и уже даже правнучек рожать именно сюда: у клиники было доброе имя, все знали, что здесь работают толковые и опытные врачи, и для понимающего человека интерьеры при этом не имели значения.

Рената как раз и была таким врачом, толковым и опытным. И в клинику на Второй линии Васильевского острова она пришла работать сразу после института. К тому же она происходила из настоящей врачебной династии – прежде в этой же клинике работала ее мама, Анна Васильевна Флори, к которой женщины приезжали рожать со всех концов города, обходя ради этого любые препоны в виде обязанности производить на свет детей исключительно по месту прописки.

Мама, кстати, и родилась в этой же самой клинике во время блокады, и роды у бабушки принимал супруг, Василий Андреевич Флори. Он тоже был врачом этой клиники и специально вырвался на несколько часов из

госпиталя, в который его перевели в военное время.

О том, что у Ренаты родились внуки, все отделение каким-то загадочным образом узнало, кажется, еще до того, как она явилась на работу.

– Ну что вы пристали к несчастной женщине? – увещевала потянувшихся с поздравлениями коллег пожилая акушерка Мария Анисимовна. – Ну, бабка она теперь. И с вами то же самое будет.

Рождение внуков решили отметить так, как отмечали в отделении все подобные события, как отмечают их в тысячах больниц, институтов, детских садов, библиотек и прочих интеллигентных учреждений – чаем с тортом и легкой дневной выпивкой.

– Сквородников не вернулся? – спросила Рената, нарезая большой, в сливочных узорах, торт.

Павел Андреевич Сквородников заведовал клиникой, а Рената была его заместительницей. С утра его вызвали в горздрав, и она не успела пригласить его на торжество.

– Вернулся, – ответила Лиза Антонова. – Минут пятнадцать назад подъехал.

Лиза работала медсестрой, но все новости знала лучше любой секретарши.

– Пойду его позову, – сказала Рената.

Кабинет заведующего находился в самом конце длинного коридора. Старинная сущность здания была в этом кабинете особенно заметна: он напоминал ту комнату дома Льва Толстого, которая называлась комнатой под сводами; это сходство все отметили, когда персонал клиники возили когда-то давным-давно в Ясную Поляну на экскурсию.

Сквородников стоял у своего стола и раскладывал какие-то бумаги – наверное, те, что привез из горздрава. Вид у него при этом был недовольный: он умел общаться с начальством, но не любил. Он вообще не любил ничего, что отвлекало его от двух вещей – от работы и от приятных посиделок в хорошей компании.

– Привет, – сказал он, поднимая глаза на вошедшую в кабинет Ренату. – Садись. Я сейчас.

– Я на минутку. – Ни садиться, ни даже проходить к столу она не стала. – Зайдешь к нам на чаек?

– А что за событие? – не отрываясь от бумаг, поинтересовался он.

– Событие. Ирка моя родила.

– Ну да! – ахнул Сквородников. – Ничего себе! Что ж ты молчишь?

– Я не молчу, – улыбнулась Рената. – Вот, приглашаю отпраздновать.

Торт принесла по такому случаю.

Сковородников покрутил головой.

– Ну ты даешь! Так говоришь, как будто их у тебя десяток, внуков. По такому случаю напиваться полагается. Зеркала в ресторанах колотить. Рыдать.

– Почему же рыдать? – пожала плечами Рената.

– Ну, или хохотать. Выражать, в общем, эмоции. А ты – торт, чаек...

– Для тебя есть коньяк.

– Да это я так, к слову. Дело не в напитке.

– Приходи, Павел. – Рената открыла дверь и обернулась у порога. – Всё уже на столе.

– Сейчас иду.

Он смотрел ей вслед, возвышаясь над столом. Он и раньше, в молодости, был массивный – не толстый, а вот именно тяжеловесный, внушительный, – а сейчас, с годами, это стало в его внешности определяющим. Он производил солидное и респектабельное впечатление.

«Как странно! – подумала Рената. – Ведь какое отчаяние было, и счастье какое, и горе... И ничего не осталось. Кто бы мне тогда сказал, что все без следа пройдет, совершенно пройдет – не поверила бы».

– Иду, – повторил Сковородников, видимо, заметив, что она замешкалась в дверях.

И она вышла из кабинета. Все-таки эта мысль была слишком неожиданной и мимолетной, чтобы ее задержать. Так – мелькнула на мгновение и исчезла без следа.

Вечером пришлось задержаться: тяжело рожала Старцева. Таз узкий, родовая деятельность слабая, и, конечно, надо было сразу кесарить, но Рената почему-то замешкалась, и оперировать стало уже невозможно. То есть она сама была виновата в том, что возник ненужный риск, и, конечно, не могла уйти, пока Старцева не родила.

Впрочем, задерживаться после работы, и надолго, приходилось едва ли не каждый день, к этому Рената привыкла, и то, что ей не надо спешить домой, было для ее работы очень удобно.

Со Сковородниковым она столкнулась в дверях.

– А ты что так поздно? – удивилась Рената.

Павел Андреевич давно уже не занимался врачеванием – перешел на административную деятельность, в которой оказался весьма успешен. И на работе он обычно не задерживался.

– Да так, дела бумажные, – сказал он. – Подвезти тебя?

Рената уже открыла было рот, чтобы отказаться. Ей хотелось прогуляться, хотя бесцельных прогулок она вообще-то не любила. Ходить ежедневно по три часа или по три километра просто так, ради моциона, казалось ей странным. Но любую обоснованную возможность подышать воздухом она старалась использовать. Вот, например, пройти от больницы до метро.

– Подвези, – неожиданно для себя сказала она.

Рената и сама не поняла, почему вдруг так ответила Сквородникову. Это было что-то сродни ее сегодняшней мимолетной мысли – о странности того, что чувства, даже очень сильные, проходят бесследно.

Машина у Павла Андреевича была новая, японский джип, притом, как сразу после его приобретения заметила всезнающая Лизочка, очень интеллигентный.

– Как это машина может быть интеллигентной? – удивилась тогда Рената.

– Очень даже может, – уверила Лиза. – Большая машина вообще-то почти всегда неинтеллигентная. А у Сквородникова, обратите внимание, и солидная, и вместе с тем не жлобская. Богатством в глаза не бьет.

Вероятно, она была права. Павел Андреевич всегда отличался хорошим вкусом и всегда умел производить должное впечатление, не используя дешевых эффектов. Дорогую машину ему, конечно, купила жена. У нее был свой бизнес, что-то строительное, и за достаток в семье отвечала она. Это позволяло Сквородникову спокойно заниматься любимой работой, не влезая в сомнительные авантюры, и вообще вести тот образ жизни, который ему нравился – без экономии, которую он считал для своих лет уже неприличной, но и без пошлых излишеств.

– Ну как, бабушка, привыкла уже к новому статусу? – поинтересовался Сквородников, когда Рената села в машину.

– А я как-то, знаешь, сразу привыкла. Как будто всегда так и было.

– Да, ты такая, – кивнул он.

Машина тронулась с места.

– Какая?

Рената недоуменно взглянула на него.

– Ну, не знаю... Спокойная. Завидую тебе.

– Ты тоже как будто бы не холерик.

– Обозлиться, однако же, могу. Если что, по столу кулаком бабахну. А ты в любой ситуации только плечами пожмешь.

– Каждому свое, – пожала плечами Рената.

– Это да.

Некоторое время они молчали. Город проплывал за окном сплошной небесной линией – дома стояли вплотную друг к другу, и лишь в арках темнели пустые колодцы дворов. Рената рассеянно следила за этим гармоничным чередованием линий и пустот.

- А куда это мы едем? – встрепенулась она наконец.
- В Озерки. Я же сказал, подвезу.
- Я думала, до метро.
- У тебя сегодня праздник, почему не домчаться с ветерком?
- Что ж, спасибо.
- Как Старцева родила?
- Благополучно.

Пять минут они поговорили о родах Старцевой и еще одной женщины, которую пришлось оперировать, потом о новом оборудовании для родзала, которое Сквородников сегодня добыл в горздраве. Все это было важно, и у Ренаты не было ощущения, будто они с Павлом Андреевичем уходят от какого-то более насущного разговора.

Наверное, и у него такого ощущения не было тоже. Но когда машина остановилась возле Ренатиного дома, он спросил:

- Может, пригласишь на чаек? Посидеть хочется, поболтать.

Это прозвучало с таким легко читающимся мужским умыслом, что Рената удивилась. А потом улыбнулась.

- Не выдумывай, Павел, – сказала она.
- Что это я, по-твоему, выдумываю? – искренне возмутился он.

– Все. Чаек не коньяк, ты к нему равнодушен. А к болтовне со мной, да еще ночью, равнодушен тем более. Так что езжай домой. Спасибо, что подвез.

- Ну ладно, – кивнул он. – Спокойной ночи.

В его голосе не послышалось ни обиды, ни даже удивления. Конечно, он поинтересовался, нельзя ли к ней зайти, просто так, на всякий случай. Не очень-то и хотелось, но привык не упускать такого рода возможностей. Сквородников не произносил вслух циничных пошлостей вроде той, что некрасивых женщин не бывает, а бывает мало водки, но Рената знала, что, по сути, он с этим утверждением согласен.

Она посмотрела вслед машине, выезжающей со двора. В самом деле, солидный и довольно элегантный автомобильный силуэт. В последний раз мелькнули у поворота разноцветные огни; Рената вошла в парадное.

Она видела Сквородникова каждый день, но почему-то именно сегодня его вид вызвал у нее странное недоумение. Наверное, рождение внуков все-таки выбило ее из привычной колеи, обострило чувства. Конечно, именно

так – Рената умела смотреть на себя со стороны и понимала теперь, что не ошибается.

«Нет, не чувства, – мысленно уточнила она. – Просто память. Да, память всколыхнулась».

Глава 3

– Конечно, армия тебе не грозит, – говорила мама, – но все-таки хорошо, что ты рано поступила. У девочек, знаешь ли, тоже времени в обрез. Детей, я уверена, рожать надо в молодости. Значит, чем раньше ты получишь образование, тем лучше для твоего и их здоровья.

Все это говорилось потому, что Рената окончила школу в неполные шестнадцать лет. Все время, что она училась, вся родня корила маму за то, что она позволяет девочке перешагивать через классы, то есть неизвестно ради чего лишает ребенка детства. А Ренату это совсем не угнетало. Она точно так же, как мама, не понимала, зачем скучать в пятом классе, если легко решаешь задачки за седьмой и уже прочитала «Евгения Онегина». И точно так же она не понимала, почему родственники считают, будто бы в шестнадцать лет ей не хватит усидчивости, чтобы учиться в таком трудном вузе. Рената занималась сутки напролет, и ей даже в голову не приходило, что это может быть иначе. Если ты вырос в семье врачей, притом настоящих врачей, не халтурщиков, то с детства знаешь, что медицина – это не шутка и учиться ей спустя рукава нельзя.

В общем, она была целеустремленная девочка, окончила школу с золотой медалью и в мединституте шла на красный диплом.

И только на последнем, шестом курсе ее целеустремленность несколько поколебалась, притом по самой простой, даже банальной причине: у Ренаты появился мальчик. То есть не мальчик, а парень. То есть друг, то есть не просто друг, конечно...

Коля перевелся к ним из московского Первого медицинского, и сначала она даже не заметила этого события. Ну, появился среди однокурсников новый молодой человек, так ведь она не школьница, чтобы так уж сильно интересоваться новеньким. И когда после экзамена по внутренним болезням – труднейшего экзамена, вымотавшего ее так, что она света божьего не видела, – этот новенький вдруг предложил ей пойти вместе в кафе и отметить событие, Рената даже не поняла, в чем дело.

– Мы все идем? – переспросила она. – Всей группой?

– Почему всей группой? – невозмутимо заметил Коля. – Мы идем вдвоем.

– Как вдвоем? Ты и я? – совсем уж глупо уточнила Рената.

– Именно. Ты и я.

– А почему? – растерянно произнесла она.

– Потому что мне приятно будет посидеть с тобой в кафе, – объяснил он. – Надеюсь, тебе тоже.

Это в самом деле оказалось приятно. Мало сказать приятно! Рената даже про экзамен забыла, то есть про свою усталость. Какая усталость, когда тебя смешат и развлекают, и вот именно тебя развлекают, и заботятся, чтобы именно тебе было смешно! Такое происходило в ее жизни впервые – она всегда была слишком уж правильная, и мальчишки никогда не обращали на нее внимания, – поэтому Рената была не то что удивлена, а просто потрясена.

Коля рассказывал, чем, по его мнению, отличается Ленинград от Москвы, и наблюдения его на этот счет казались Ренате не просто интересными, а изумительно точными.

– Никогда не думал, что питерцем стану, – говорил он. – Но родители насовсем сюда перебрались, ну и я решил с ними. Все-таки они в годах уже, а я у них единственный. Да и что такого? Не в Урюпинск же.

Его отца перевели в Ленинград заведовать каким-то засекреченным предприятием, и Ренате казалось правильным, что Коля не захотел оставить родителей на старости лет в одиночестве. Это было как-то очень по-мужски, и вообще он был очень хороший. И еще он был очень красивый... Такой стройный, спортивный, с яркими черными глазами. Даже непонятно, почему он обратил на нее внимание – Рената не обольщалась насчет своей внешности, понимая, что главной ее приметой является абсолютная неприметность. Такую, как она, можно было бы отправлять шпионкой во вражеский тыл: она сливалась с любой толпой. Впрочем, кажется, это мужчины-шпионы должны сливаться с толпой, а женщины, наоборот, должны быть яркими, эффектными и роковыми, как Мата Хари.

«Что за глупости в голову лезут!» – успела подумать Рената.

И тут Коля пригласил ее танцевать, и из головы у нее вылетели не только глупости, но и все мысли вообще. Как он обнял ее, когда они вышли на предназначенный для танцев пятачок! Так крепко, даже к себе прижал, а вместе с тем так деликатно... Наверное, это и называлось нежностью, мужской нежностью, хотя, конечно, Рената не могла этого знать наверняка.

Но и того, что она знала о себе, с лихвой хватило, чтобы понять, что ей понравился Коля и что ее чувство взаимно. Притом не просто взаимно, а как-то... равновелико, да, именно так. Их чувства друг к другу вспыхнули одновременно и горели равным огнем. Равным и ровным.

Она понравилась и Колиным родителям, хотя они считали, что в его возрасте жениться рановато. То есть они, конечно, не сказали этого Ренате,

потому что были интеллигентными людьми, но она все же догадалась об их мнении по нескольким косвенным и, возможно, случайным разговорам.

– Вот это Инна, моя сестра. Она вышла замуж в восемнадцать лет, – рассказывал Колин папа, когда, придя однажды в гости, Рената рассматривала семейный альбом, пока Коля бегал в магазин за свежим хлебом к обеду. – Даже для женщины рановато, а у нее к тому же и супруг был ровесником.

Рената хотела спросить, что значит «супруг был» – брак распался? Но постеснялась спросить.

И еще несколько было такого рода высказываний по разным поводам. Но что же она могла сделать? Они с Колей любили друг друга, и он почти сразу предложил ей выйти за него замуж.

Пожениться решили уже после экзаменов: пока готовились к ним, пока сдавали, было не до свадьбы. Да и так ли важна свадьба? Ведь фактически они уже стали мужем и женой.

Это событие, такое огромное, которое должно было, казалось, сотрясти основы жизни, прошло для Ренаты как-то очень естественно, даже просто. Как будто всегда она лежала в обнимку с Колей на диване в гостиной его родителей – был день, и диван они раскладывать не стали, да и странно было заниматься этим в разгар ласк и поцелуев, но это оказалось даже хорошо, потому что на узком ложе их объятие было особенно тесным: она лежала и радовалась, что все это произошло именно с ним, с любимым человеком.

Само же по себе это «все» показалось ей довольно невнятным, но, как медик, к тому же акушер-гинеколог, она прекрасно знала, что первый интимный контакт и не может быть другим, особенно у молодой девушки. Это всегда бывает сначала либо больно, либо в лучшем случае не слишком приятно, а потом все наладится, потому что они с Колей любят друг друга.

– Ты теперь моя жена, – сказал Коля.

Нежность смешалась в его голосе с удовлетворением. Он был счастлив, и Рената тоже. Поэтому необходимость отложить свадьбу несколько ее не угнетала.

Интернатуру после института она, конечно, решила проходить в мамином роддоме. Правда, мама там уже не работала: после того как папа погиб в автокатастрофе – Рената тогда училась на втором курсе, – у мамы случился инфаркт, и на пенсию она вышла ровно в пятьдесят пять лет, хотя и сама, и все ее коллеги прежде думали, что она будет работать до старости. Но в роддоме, конечно, помнили Анну Васильевну Флори, и к дочке ее отнеслись с совершенной доброжелательностью. А некоторые так

даже и деда Ренатиного помнили: врачи, и медсестры, и санитарки работали в этой клинике подолгу, бывало, что и всю жизнь.

Доктор Сквородников, правда, работал в клинике недавно.

– Но про маму твою много слышал, – сказал он Ренате. – И про деда тоже. Легендарные личности!

Это было в ее первый рабочий день, во время обеда. Врачей кормили больничной едой, многим она казалась чересчур легкой, и они приносили из дому что-нибудь более сытное. Но Рената в свой первый день была так взволнована, что у нее вообще не было аппетита.

Сквородников сразу это заметил.

– Да ты не волнуйся так. – Он улыбнулся. – Вон, покраснелась даже. Все у тебя получится. Если что, обращайся, всегда помогу.

Улыбка у него была такая открытая, что Рената в самом деле почти успокоилась и посмотрела на него с благодарностью. Что он всегда поможет, сомневаться не приходилось. Даже в том, как ел этот доктор, представившийся без отчества, Павлом, чувствовалась такая надежность, что ему сразу хотелось верить. К тому же он в самом деле был опытный – в этот-то роддом пришел недавно, но стаж у него был уже немаленький, десять лет.

В тот самый первый день он принимал трудные, с поворотом, роды, и Рената ему помогала. То есть, кажется, это он помогал ей помогать, потому что она все же волновалась, но, когда все кончилось благополучно и роженицу с ребенком увезли из родзала, Павел похвалил ее:

– Будет из тебя толк. Чутье есть, рука твердая. Опыта наберешься, и все наладится. Со временем заместительницей моей будешь!

И снова улыбнулся своей хорошей улыбкой. В том, что все так и будет, как он говорит, невозможно было сомневаться, хотя непонятно было, как Рената станет его заместительницей, если никакой он не начальник, а просто врач.

Уже дома, когда она рассказывала, как прошел первый рабочий день, и про Павла Сквородникова тоже рассказывала, мама заметила:

– А что ты думаешь, так и получится. Ирина Аркадьевна на пенсию выйдет, и он станет отделением заведовать.

– Почему ты так думаешь? – удивилась Рената. – Ему всего тридцать два года. Ольга Анатольевна и старше, и опытнее.

– Зато Сквородников мужчина, – объяснила мама. – И, говорят, толковый. А мужчина-начальник при прочих равных всегда лучше, чем женщина. Мне кажется, женщина должна чем-то руководить только в том случае, если дееспособных мужчин вокруг нет вовсе.

Коля, которому Рената, конечно, тоже рассказала про свой первый рабочий день, с мамой не согласился.

– Я сторонник равноправия, – заметил он. – Особенно в медицине.

Но слишком вдаваться в эту тему не стал: было просто некогда, ведь и он сразу включился в работу у себя в больнице на Обводном канале, так что разговаривали они с Ренатой в основном по телефону и даже в выходные не встретились, потому что у них не совпали свободные от дежурства дни.

Впрочем, это Ренату не угнетало. Что поделать, такая профессия. И потом, кто сказал, что любовь требует, чтобы люди постоянно находились друг у друга на глазах? Вон, родители, бывало, по нескольку дней не виделись, потому что тоже работали в разных больницах. А все равно были счастливы.

Ренате так нравилась ее работа, что все остальное отошло на второй план. Ей и раньше, во время учебы в институте, во время практики, тоже было интересно, но теперь работа у нее была настоящая, и она захватила ее полностью. Конечно, опыта у нее еще не было и ее подстраховывали, но все-таки она уже чувствовала самостоятельную ответственность за то, что делала, и это не просто наполняло ее гордостью – для таких посторонних чувств, пожалуй, и времени-то не оставалось, – но требовало всех ее сил.

И все большее уважение с каждым днем вызывал у нее Павел Андреевич Сквородников. Он был, что называется, врач от бога, кроме того, обладал легким характером, поэтому и работать с ним было легко. И когда он сказал, что сегодня Рената сама будет делать кесарево, она даже не испугалась. Невозможно испугаться, когда тебе ассистирует такой врач и такой человек, когда он своим твердым баском говорит, что все у тебя получится отлично!

Впрочем, Павел Андреевич считал, что спокойствие, которое, как он сказал, чувствовалось во время операции в каждом Ренатином движении, является ее природным качеством и его заслуги тут нет никакой.

– Гены, подруга, гены, – глядя на нее веселым, доброжелательным взглядом, сказал он. – Интересно, сколько поколений врачей тебе руку поставили?

– Пять, – сразу ответила Рената.

– Отличница, – улыбнулся Павел. – Все помнишь.

– Я не помню, а просто от мамы знаю, – уточнила она.

– Все равно отличница. Ведь правильно?

– Правильно...

И Рената улыбнулась ему в ответ. Ей было хорошо и легко, и она впервые в жизни понимала, что означает выражение «душа поет». И стоило

ли этому удивляться? Она сделала свою первую самостоятельную операцию, пусть в представлении опытного врача и самую обыкновенную, но она-то не была еще опытным врачом. Ее похвалил человек, к которому она чувствовала безграничное доверие. И к тому же этот человек был так явно к ней расположен, его глаза так весело поблескивали в ярком свете лампы, что как же тут было не петь душе?..

Ей даже домой уходить не хотелось, хотя ее завтрашний выходной наконец совпадал с Колиным и к тому же его родители уезжали на дачу, которую его отцу недавно выделили от предприятия. То есть нет, Рената радовалась завтрашней встрече с Колей. Конечно, радовалась. Она ведь его любила.

Глава 4

Коля жил неподалеку от Аничкова моста, в единственном на Невском доме, построенном в советском стиле, с гигантскими фигурами рабочего и работницы. Он встретил Ренату у метро, и, пока шли по Невскому к его дому, рассказывал о том, как ассистировал профессору Гантману, который в урологии царь и бог, и как Гантман его похвалил. Он тоже радовался своей работе, и ему хотелось поделиться своей радостью с Ренатой. Но при этом он не захлебывался собственной радостью настолько, чтобы не расспросить и о ее делах.

Он и спросил, и Рената рассказала, что делала кесарево и что ее тоже похвалил доктор Сквородников. Ей только показалось почему-то, что ее рассказ совсем не соответствует тому, что было на самом деле. Тому, что она чувствовала тогда, – пению души... Но, может быть, об этом вообще невозможно рассказать никому, даже любимому человеку? И к тому же они уже пришли – Коля открыл перед нею дверь парадной.

В квартире стояла тишина и было очень тепло. После промозглого мартовского ветра, продувавшего город насквозь, это чувствовалось особенно.

– Никак к вашим погодам не привыкну, – сказал Коля. – От воды сырость, по улицам ветра сквозные...

– Но ведь зато Невский, – сказала Рената. – И Фонтанка.

Наверное, она выразила свою мысль непонятно, точнее, вовсе не выразила. Она только хотела сказать, что чувству, которое возникает на Невском проспекте, не могут повредить никакие ветра и что по сравнению с самим по себе чудом Фонтанки ничего не значит идущая от ее воды сырость. Но сказать все это с таким вот прямым пафосом она, конечно, не могла – это противоречило всей ее натуре.

– Да, по крайней мере, центр города, – согласился Коля.

Странно было, что они разговаривают о таких неважных вещах. Да нет, что же странного, разве любящие люди обязательно должны постоянно разговаривать о чем-то судьбоносном? Есть ведь обыкновенная жизнь, и она достойна внимания.

Коля повесил Ренатино пальто на вешалку. Она посмотрелась в настенное зеркало здесь же, в прихожей. Лицо у нее было взволнованное, глаза, очень светлые, почти прозрачные, поблескивали как-то лихорадочно.

Рената удивилась. От встречи с Колей она не чувствовала никакого

волнения. Тогда что же означает этот беспокойный блеск?

– Хочешь чаю? – спросил Коля. – Или, может, поедим?

– Нет, чаю не хочу, – ответила Рената. – И есть не хочу, я дома позавтракала.

– Хорошо, – кивнул он.

– Почему хорошо? – удивилась она.

Странно было бы предположить, будто Коля экономит продукты!

– Потому что я по тебе соскучился. И не хочется время зря терять...

Он взял ее за руку и потянул за собой. В тишине комнаты его голос звучал как-то слишком громко.

– Я разложу диван, – сказал Коля. – Родители только завтра вернутся, никто нам не помешает. Оставайся ночевать.

Рената хотела сказать, что не предупредила маму, но поняла, что это прозвучит очень уж глупо. Можно ведь было все объяснить по телефону, да и вряд ли понадобились бы какие-то особенные объяснения. Коля уже был ее официальным женихом, и вообще взгляды на отношения полов были у мамы по-медицински трезвые.

Он не только разложил диван, но и постелил постель – чистую, накрахмаленную. Наверное, его мама, как и Ренатина, тоже отдавала белье в прачечную. А может, крахмалила и гладила его сама, ведь она была домохозяйкой и у нее было на это время.

Ощущение странности от того, что она думает о каких-то посторонних вещах, еще раз мелькнуло у Ренаты в голове. Мелькнуло и тут же исчезло, потому что Коля обнял ее и принялся целовать, одновременно расстегивая пуговицы ее блузки. Пальцы у него подрагивали от волнения, но все-таки справлялись с пуговками очень ловко: у него были руки хирурга. Юбку Рената сняла сама. Когда снимала, то заметила стрелку на колготках, и ей стало неловко. Но Коля не обратил на стрелку внимания, тем более что колготки она поспешно стянула.

Они впервые лежали вместе не просто на диване, а в постели, но Рената опять, как и во время первой с ним близости, почувствовала себя так, будто это было всегда. К тому же и ощущение физического неудобства, которое вызывало у нее такую неловкость вначале, кажется, наконец прошло. Да, точно прошло: когда Коля положил руку ей на живот, а потом опустил пониже и стал поглаживать, чуть надавливая, у нее между ног, то по всему ее телу побежали будоражащие мурашки. И потом, когда он перевернулся, лег на нее сверху и, быстро нащупав чуткой своей рукой правильное место, как-то сразу и сильно вдвинулся в нее – ей показалось, всем телом, – это тоже не было уже больно, а было почти приятно.

И даже хорошо, что все закончилось у него довольно быстро, хотя Коля, кажется, испытывал от такой своей быстроты некоторую неловкость.

– Все-таки мы с тобой давно не виделись. – В его голосе отчетливо прозвучали нотки извинения. – Ты же понимаешь, от этого я вот так... Не бойся, вот будем вместе жить, и все пойдет как надо. – Он пружинисто сел, с удовольствием потянулся, хрустнув, кажется, не костями, а мышцами, и сказал: – А теперь пошли все-таки поедим! Организмы-то у нас молодые и реакции здоровые. Так?

– Так, – улыбнулась Рената.

Перед отъездом на дачу Колина мама приготовила изобильный обед: борщ, гуляш с картошкой, клюквенный кисель. Даже пирог с вареньем испекла. Ренате есть не особенно хотелось, она вообще была малоежка, а Коля ел с аппетитом.

– Надо будет в мою комнату тоже диван купить, – сказал он, накладывая себе добавку гуляша. – Не в гостиной же нам с тобой спать. Папа уже на работе заказал, через месяц должны привезти.

В его комнате дивана действительно не было – Коля спал на узкой кушетке. Они уже подали заявление в загс, свадьба была назначена на июнь, так что папин заказ был очень кстати, потому что купить диван в магазине не представлялось возможным. Ренатины родители и в более размеренные годы восемь месяцев стояли в очереди на польскую тахту, каждые выходные чуть свет ходили к мебельному магазину и отмечались в списке. А теперь, в перестройку, и вовсе никакой мебели в магазинах не стало – хоть по очереди, хоть без.

Впрочем, Ренату это не очень беспокоило, да и Колю, видимо, тоже. Он уже рассуждал совсем о другом.

– Все-таки талант есть талант, – сказал он. – До старости в форме держит. Вот Гантману шестьдесят уже, а ты бы его видела. И сорока не дашь. Каждое утро кросс бегает, по воскресеньям сауна, бассейн. А оперирует как! К нему на год вперед очередь. Кстати, – вспомнил он, – мне отец рассказывал, как к Сталину пришел министр здравоохранения Семашко. Или кто тогда были, наркомы? Ну, неважно. Так вот, пришел и стал жаловаться, что у врачей оклады маленькие. А Сталин ему говорит: «Не волнуйтесь, товарищ Семашко, хорошего врача пациенты всегда прокормят». Понимал человек! – Коля одобрительно засмеялся.

Рената хотела сказать, что ей это высказывание кажется несправедливым и унижительным. Если уж официально лечение бесплатное, значит, и жить врачи должны на официальную зарплату, а не надеяться на какие-то подпольные подачки.

Ей вообще все, что связано было со Сталиным, казалось либо унижительным, либо чудовищным. Одних рассказов деда о том, что ему пришлось пережить и увидеть во время его ареста, к счастью, недолгого – началась война, и врачи понадобились в таких количествах, что некоторых срочно выпустили из тюрем, – одних тех жутких рассказов ей хватило для того, чтобы никогда не восхищаться Сталиным, какие бы необыкновенные качества ему ни приписывались.

Но говорить об этом Коле она все же не стала. Он сиял такой благодушной улыбкой, так старался развлечь ее интересным разговором, что ей жаль было портить ему настроение и совсем не хотелось затевать с ним спор.

Поели, Рената помыла посуду, потом сели было смотреть телевизор, но ничего интересного не показывали, и телевизор они выключили, потом Коля взял английский журнал по урологии и стал читать его со словарем, а Рената смотрела в окно, из которого виден был Аничков мост, и думала, что красивее Ленинграда нет города на свете, правда, она ведь не была ни в Риме, ни в Париже, ни в Венеции, возможно, эти города показались бы ей еще красивее, да нет, не показались бы, потому что Ленинград особенный город, и как жаль, что его уже не называют Петербургом, так идет это название вот к этому строгому рисунку набережных, и к линии домов, и к линии рек и каналов, и ко всей его небесной линии...

– Мы с тобой очень друг другу подходим, – сказал Коля.

Его голос ворвался в ее размышления так неожиданно, что Рената вздрогнула.

– Ты думаешь? – спросила она.

Она просто не знала, что на это сказать.

– Уверен. Видно, не зря меня судьба к вам занесла. Сколько себя помню, мне девчонки всегда казались какими-то чересчур... бурными. С детского сада еще. А теперь выяснилось, что мне просто подходит не московский, а ленинградский женский тип. То есть петербургский еще – я думаю, здесь всегда женщины именно такие и были.

– Какие – такие? – с интересом спросила Рената.

– Ну, не знаю, как это описать, я же врач, а не писатель. Наверное, уравновешенные. Здравомыслящие – так, может. Без лишних эмоций. Ей-богу, мне это дико нравится! В этом есть аристократизм. Не по биографии, а, так сказать, по месту жительства. Вот у тебя, например, есть дворянские корни?

– Нет, – пожала плечами Рената. – Мама говорила, первый Флори сюда из Англии на эпидемию холеры приехал. А потом влюбился. Может, не в

девушку, а в Петербург? – улыбнулась она. – Во всяком случае, даже тогда не уехал, когда его толпа во время холерного бунта чуть не убила. Его Николай Первый спас. – И, встретив недоуменный Колин взгляд, Рената пояснила: – Кто-то пустил слух, что врачи отраву вместо лекарства дают. И Николай Первый лично на Сенную площадь приехал и целую склянку этого лекарства на глазах у толпы выпил – чтобы подданных своих успокоить и врачей защитить. В общем, тот наш первый Флори был самый обыкновенный врач. Так что ничего аристократического во мне нет.

– По биографии нет, а так, по факту, – чистая дворянка. Все манеры у тебя такие... Несоветские, – сказал Коля.

Это определение Ренату не удивило. Отношение к советской власти в их семье традиционно было холодным. Все Флори воспринимали ее как неизбежное зло, мирились с ней, потому что не обладали задатками политических борцов, но по возможности всегда держались от нее на расстоянии. В этом был явный оттенок неприязни и брезгливости. Папа даже лотерейные билеты никогда не покупал – говорил: «Я не играю в азартные игры с этим государством».

– Я-то тоже не аристократ, – сказал Коля, – и даже не ленинградец. Но избыток страстей в московских женщинах меня все-таки не устраивает.

– А я тебя, значит, устраиваю?

Рената почувствовала легкий укол обиды. Но ни развивать в себе эту обиду, ни тем более высказывать ее Коле не стала. Она улыбнулась.

– Конечно! И вообще, что значит устраиваешь? Я тебя люблю.

Коля отложил журнал и, подойдя ко все еще стоящей у окна Ренате, поцеловал ее. Потом они вместе смотрели на темнеющий рисунок Аничкова моста, на прекрасные силуэты клодтовских коней. Им нравилось вот так вот смотреть на все это вдвоем и молчать. Во всяком случае, Ренате нравилось.

«Завтра в клинику, – подумала она. – Как хорошо!»

Стоило ей вспомнить, что завтра она увидит и сводчатые коридоры, так быстро ставшие родными, и ярко освещенный бестеневыми лампами родзал, и ординаторскую, такую уютную, и снова, наверное, будет ассистировать Павлу Андреевичу Сковородникову, и, может быть, он снова похвалит ее своим ласковым баском, посмотрит веселым взглядом, – у нее даже сердце забилось быстрее, трепетнее. Да, за совсем недолгое время она успела полюбить свою работу. Ну конечно, дело было именно в этом.

Глава 5

Первый после выходных рабочий день выдался очень хлопотным. Рената даже устала. Правда, устала она своеобразно: не чувствовала усталости, а лишь изредка вспоминала о ней.

Именно о таком, медицинском, отношении к усталости рассказывала мама – ей оно было присуще всю жизнь.

– Да тебе и вообще рано еще уставать, – добавляла она при этом. – У тебя впереди еще много лет сплошной молодости.

Рената так погрузилась в работу, что молодость радовала ее именно в этом смысле – как способность отдаваться работе целиком.

И об усталости она подумала, только когда обычный ее рабочий день закончился и началось ночное дежурство.

Дежурила она вместе со Сковородниковым. Он сам предложил такой график – сказал, что ему понравилось работать с Ренатой Флори. Его слова наполнили ее такой гордостью, что у нее даже щеки слегка зарделись.

– Неужели все уgomонились? – Сковородников пропустил Ренату перед собой в дверь ординаторской. – Это надо же, шесть часов подряд рожают как подорванные!

– В ближайшее время некому рожать, – улыбнулась Рената. – У Сергеевой только-только схватки начались. Прилягте, Павел Андреевич. Если что, я вас разбужу.

– Лучше ты приляг. – Он улыбнулся. – А я тебя разбужу, если что. – И, заметив, что Рената колеблется, повторил: – Ложись, ложись, не беспокойся.

Удивительно, как он умел говорить! Так, что ему невозможно было не подчиниться, и даже не то что невозможно, а хотелось ему подчиняться, хотелось делать именно так, как он говорит. Для Ренаты это было особенно удивительно, потому что у нее с детства был довольно независимый характер, и она это про себя знала.

Она достала из шкафа подушку и плед, положила их на кушетку и, сбросив туфли, прилегла не раздеваясь. Ей казалось, что спать совсем не хочется, но, как только голова коснулась подушки, сознание сразу же поплыло, поплыло и окуталось тьмой.

В последнем перед этой тьмою светлом пятне Рената увидела Павла Андреевича. Он стоял рядом с ней и сверху вниз смотрел на нее каким-то особенным взглядом. Что значил его взгляд? Понять она не успела.

Рената проснулась от ощущения мгновенной тревоги. Она быстро села на кушетке, огляделась. В ординаторской никого не было. Верхний свет был выключен, горела только настольная лампа, да и она была повернута так, чтобы свет не падал Ренате на лицо.

«Все проспала! – подумала она. – А там, может, случилось что-нибудь!»

Она нашарила ногами туфли, собираясь встать, но тут дверь открылась и вошел Сковородников.

– Что ты подхватила? – сказал он. – Ложись.

– Сергеева рожает, да? – спросила Рената.

– Родила уже. Легко родила, акушерка сама справилась, я заглянул только. Спи, милая.

Он так неожиданно сказал ей «милая», что она вздрогнула. Конечно, он мог сказать просто так, вот как акушерки говорят роженицам: «Тужься, милая, тужься». Но глаза его блеснули при этих словах таким непонятным блеском, что Рената замерла, сидя на кушетке и изумленно, снизу вверх, глядя на него.

– Павел Андреевич... – пробормотала она.

Он быстро подошел к кушетке, остановился, словно не решаясь на что-то, и вдруг присел на корточки. Теперь его лицо было прямо перед Ренатиным. Она видела зеленую медицинскую шапочку, низко надвинутую на лоб, и сдвинутые густые, гладко поблескивающие брови, и, главное, глаза... Глаза смотрели на нее не отрываясь, и в них, всегда таких веселых и ясных, Рената вдруг заметила растерянность. Эта неожиданная растерянность так ее поразила, что она чуть не заплакала. Слишком все это было пронзительно. Пронзительная это была минута.

– Ложись. – Голос его прозвучал хриловато. Он кашлянул, но это не помогло. – Ты не беспокойся.

Ей показалось, что он положил руку на ее колено, поверх пледа, именно чтобы ее успокоить, хотя и непонятно было, от чего. Но в его руке спокойствия не было совсем: пальцы вздрагивали, широкое запястье напряглось так, что щелкнул, расстегнувшись, браслет часов.

Этот щелчок прозвучал в тишине очень громко. Сковородников быстро убрал руку с пледа на Ренатином колене. Часы при этом скользнули по его кисти и упали на пол.

– Вот черт!.. – пробормотал он. – Никак браслет не отдам починить.

Он протянул руку, чтобы поднять часы, но сделал это так неловко, что они запустились дальше под кушетку. Он и руку за ними протянул дальше, Рената наклонилась, чтобы ему помочь, их руки каким-то странным образом соединились... И тут Рената почувствовала, что ее пронзил такой

удар, будто она взялась за оголенный электрический провод. Никогда она не думала, что такое банальное сравнение может быть правдой! И этот сильный, невыносимый разряд начинался там, где ее рука соединялась с рукою Павла Андреевича...

От неожиданности этого ощущения, от мгновенного испуга она сжала пальцы. И сразу почувствовала, что они с Павлом Андреевичем сделали это одновременно. Они сидели рядом, Рената на кушетке, а Сквородников перед ней на корточках, сжимали руки друг друга и не могли пошевелиться от сильнейшего волнения, которое было одинаковым у обоих.

Павел Андреевич не поднимал на Ренату глаз.

– Ты так спала... – вдруг проговорил он.

Голос его прозвучал еще более хрипло, словно что-то мешало ему в горле и от этой помехи невозможно было избавиться даже самым сильным кашлем.

– Так крепко, да? – пролепетала Рената.

– Так... красиво. Как Спящая красавица.

– Я... – растерянно произнесла она.

– Ложись опять, а? – попросил он.

Она хотела спросить, зачем же ей ложиться, если спать уже совсем не хочется, но удержалась от такого глупого вопроса. Ее рука, сжатая его рукою, по-прежнему немела от сильных токов, идущих от него, и все тело от них немело тоже.

Сквородников наконец поднял на нее глаза. Рената быстро отвела взгляд.

Она послушно легла на кушетку, зачем-то натянула на себя плед – до шеи. Заметив этот испуганный судорожный жест, Сквородников усмехнулся. Кажется, он отошел от того необъяснимого напряжения, которое одновременно охватило их обоих. Да и руку Ренатину он отпустил.

Она лежала, глядя в потолок, боясь даже скосить на него глаза. Он сидел рядом на краешке кушетки и, наоборот, не отводил от нее взгляда. Потом он осторожно разомкнул ее пальцы, сжатые до белизны костяшек, и вынул из них плед. Потом наклонился к ней и поцеловал, не в губы, а почему-то в подбородок.

Что было бы с нею от поцелуя в губы, Рената и представить себе не могла. Если от прикосновения его губ к самому краю ее подбородка она чуть не вскрикнула...

Хотя она и не вскрикнула, но, наверное, сильно вздрогнула.

– Не бойся, – шепнул Павел Андреевич. – Никто не войдет.

Он быстро встал, подошел к двери, бесшумно повернул кругляшок

замка и сразу же вернулся к кушетке. Но на этот раз не сел на ее краешек, а опустился рядом на колени – не опустился даже, а упал, будто обессиленный, и стал целовать Ренатино лицо.

Он целовал ее горячо, беспорядочно, в волнении, он почему-то по-прежнему не прикасался к ее губам, его руки лихорадочно метались по ее плечам, касались ее щек, один раз коснулись и груди, но тут же отдернулись, словно наткнулись на горячее... Соединенье уверенности и растерянности было в каждом его движении так ощутимо, что от этого у Ренаты кружилась голова и темнело в глазах.

– Ну не бойся, не бойся... – повторял и повторял он все с той же уверенностью и с той же растерянностью. – Никто не войдет... не помешает...

Она ничуть не боялась каких-то внешних, отдельных от нее и от него помех; она совсем о них не думала. Все ее существо находилось в таком смятении, что едва ли это смятение могло бы усилиться даже в том случае, если бы дверь распахнулась и в ординаторскую ворвалась бы толпа.

Павел Андреевич вдруг перестал ее целовать, отстранился и встал. Рената замерла: что случилось? Она подумала, что сделала что-нибудь не так, чем-то смутила или даже обидела его, и эта мысль ее ужаснула. И когда оказалось, что он просто хочет снять брюки – они были медицинские, легкие, и снимались легко, – Рената обрадовалась так, что сердце у нее забилось еще стремительнее.

Его лицо и фигура туманились в ее глазах, и она чувствовала одно лишь счастье, огромное, невысказанное. Такого счастья она не только никогда не испытывала в жизни, но даже не подозревала о том, что оно вообще возможно.

Он снова наклонился над нею и попросил:

– Подвинься, милая.

Рената подвинулась так поспешно, что ударилась плечом о стену. Он лег рядом на бок, притянул ее к себе. Даже сквозь юбку она почувствовала, какой горячий у него живот. Он взялся за подол ее юбки, потянул вверх... И тут в коридоре послышались быстрые шаги и раздался торопливый стук в дверь.

– Павел Андреевич! – Голос медсестры Марголиной звучал испуганно. – У Сергеевой кровотечение!

Сковородников вскочил как пружиной подброшенный и пробормотал:

– Ч-черт!.. С чего это вдруг? Иду! – крикнул он.

Еще через мгновение он уже распахнул дверь. Медсестра Марголина маячила в дверном проеме.

– Главное, непонятно же, из-за чего! – проговорила она. – Так легко родила...

– Иду, – повторил Сквородников.

Марголина с любопытством взглянула на Ренату, которая с растерянным видом сидела на кушетке. Павел Андреевич тоже посмотрел на нее.

– Поспала немного? – сказал он. – Одевайся скорее, вместе Сергееву посмотрим.

Его слова прозвучали так, будто ничего особенного не произошло и Рената в самом деле лишь прилегла в свободный часок, как делали все врачи и медсестры, когда этот самый часок выдавался во время ночного дежурства. Если и слышались в его голосе обеспокоенные интонации, то они относились лишь к неожиданному осложнению у только что родившей женщины. И эта его обеспокоенность была Ренате совершенно понятна.

Она поспешно вскочила, надела туфли и выбежала из ординаторской вслед за Сквородниковым, на ходу поправляя волосы – прическу она всегда делала незамысловатую, просто закручивала низкий узел.

Следующий час она провела в операционной рядом с Павлом Андреевичем – ассистировала ему. Конечно, ее внимание было сосредоточено на Сергеевой, которая так неожиданно устроила им всем такую тревогу. Но при этом Рената все время видела сильные, точные в каждом движении руки Павла Андреевича, украдкой следила за его сосредоточенным лицом, за наполненными цепким вниманием глазами, за капельками пота у него на лбу – и счастье, переполнявшее ее, не становилось меньше. Оно только усиливалось, ее счастье, все оно было в этом необыкновенном человеке, в этом единственном мужчине... Да, в единственном мужчине – осознание этого пришло к Ренате неожиданно, но было таким отчетливым, таким самоочевидным, что даже не удивило ее.

«Я люблю его больше жизни, – ясно подумала она. – Господи, какое счастье!»

Глава 6

Если бы не эта мысль, вернее, не это так ясно испытанное ощущение, что она любит Павла Андреевича Сквородникова больше жизни и что эта любовь – самое большое в ее жизни счастье, то Рената не сразу решилась бы на разговор с Колей. То есть все равно, конечно, решилась бы, потому что с детства не привыкла обманывать ни себя, ни тем более других, но, наверное, эта решимость далась бы ей труднее.

Теперь же она позвонила Коле сразу после ночного дежурства, которое перевернуло ее жизнь.

Коля был на работе; его позвали к телефону из палаты, где он, как сообщил взявший трубку врач, осматривал только что поступившего больного.

Ренате стало неловко, что она оторвала Колю от важного дела. Впрочем, и ее дело тоже казалось ей важным, и она не хотела его откладывать.

Неудивительно, что голос у Коли был недовольный. Правда, когда он выслушал Ренатину просьбу о немедленной, сегодня же, встрече, то голос у него стал слегка удивленный.

– А что случилось? – спросил он. – Срочное что-нибудь? Я, скорее всего, поздно освобожусь. И усталый буду как собака. Ну ты же сама знаешь, как оно после работы!

Конечно, она это знала. Но что ей было делать?

– Я вечером приеду на Обводный, к больнице, – сказала Рената. – Если ты будешь занят, подожду.

– Ну ладно, – совсем уже удивленно протянул Коля. – А что все-таки случилось-то?

Рената положила трубку. Перед Колей она чувствовала неловкость и стыд. Но какими же маленькими казались ей эти чувства по сравнению с тем главным чувством, которое наполняло ее всю! От одного воспоминания о том, как Павел Андреевич поцеловал ее в краешек подбородка, ее снова пронизывал такой сильный ток, что все тело шло дрожью.

Так она и дрожала то ли от воспоминаний, которые крутились и крутились у нее в голове, пока она ожидала Колю у больничных ворот, то ли от пронизывающего весеннего ветра. Алое тревожное закатное солнце мелькнуло в коротком разрыве туч над Обводным каналом и исчезло, и сразу же сгустились сумерки.

Наконец Коля появился в дверях больницы. Рената смотрела, как он

идет по асфальтовой дорожке к воротам. Он тоже заметил ее, помахал издалека и ускорил шаг.

– Ты что такая? – улыбаясь, спросил он, подойдя к Ренате. И уточнил: – Перепуганная какая-то.

Испуга она не чувствовала, но, может быть, ее волнение выглядело в чужих глазах именно так.

«Да, он чужой, совсем посторонний мне человек, – глядя на Колю, подумала Рената. – Как же я раньше этого не понимала?»

– Коля, – сказала она, прямо глядя в его красивые удивленные глаза, – прости меня, если можешь. Я не могу выйти за тебя замуж.

– Что значит не можешь? – переспросил он. – Почему?

– Потому что я люблю другого человека.

Теперь удивление, даже изумление расширило его глаза так, что они стали просто огромными.

– То есть как?.. – проговорил он. – Какого еще другого?

– Павла Андреевича Сквородникова. Нашего врача.

Может быть, он спросил это просто так, не собираясь выяснять имя-отчество, но Рената все сейчас понимала буквально. Мир, который она до сих пор видела словно бы через матовую пленку – только теперь она это поняла! – стал для нее миром ярких чувств и явлений. В нем, в этом внешнем мире, как и у нее в душе, не осталось ничего неясного, смутного, вялого. Боже мой, какой же вялой была до сих пор ее жизнь! И как же она могла считать ту свою жизнь нормальной?

– Ты с ума сошла, что ли? – Коля покрутил головой, словно пытаясь освободиться от наваждения. – Мы же с тобой только вчера виделись! И никого ты не любила. В смысле, никакого Сквородникова. У тебя же ночью дежурство было!

Последняя фраза не имела видимой связи с предыдущими, но, в общем-то, Коля был прав. Еще вчера Рената действительно не любила Павла Андреевича Сквородникова. Хотя сегодня ей уже трудно было в это поверить.

– Я этого просто не понимала вчера, – сказала она.

И сразу успокоилась. Ведь это действительно было так! Конечно, она любила его давно, с самого начала, но только после того, что случилось сегодня ночью, поняла в себе это чувство.

– Да не может же этого быть! – воскликнул Коля.

– Почему не может?

Теперь уже удивилась Рената.

– Потому что! Не может с тобой такого быть! И... И мы же заявление

подали!

В его голосе прозвучало отчаяние. Ей стало так жаль его, что защемило в носу. Но что она могла сделать?

– Коля, прости меня, – повторила Рената. – Я и правда не думала, что так... Что со мной такое может быть. Иначе я не пообещала бы выйти за тебя замуж. Но такое со мною стало. Я просто не знала раньше, что такое любовь, – тихо добавила она. – Даже не представляла...

– Ты просто дура! – закричал Коля. – Жизни не знаешь!

Наверное, это было слишком самонадеянно с его стороны, считать, будто бы она не знает жизни. В конце концов, она была всего на три года его моложе – из-за тех школьных лет, через которые так торопливо перешагивала в детстве... Но Рената готова была сейчас простить Коле любую самонадеянность, даже грубость. Она понимала, как сильно обидела его, и чувствовала перед ним просто-таки жгучую вину.

– Коля, может быть, не будем сейчас об этом говорить? – попросила она. – Встретимся потом, когда...

– Да никогда я не собираюсь с тобой встречаться! Ты подлая дура, больше никто!

Теперь в Колином голосе клокотала яростная, не выбирающая слов обида. Но она была так понятна, так объяснима, что сама Рената никакой обиды на него не чувствовала.

– Прости меня, – повторила она и, повернувшись, медленно пошла прочь.

Она шла медленно не потому, что хотела, чтобы Коля догнал ее, извинился за свою грубость, а лишь потому, что ей казалось, будто на ее ногах висят пудовые гири стыда. Да, именно так она и чувствовала, и ее не смущала даже пошлая многозначительность такого определения, хотя она всегда, с самого детства и, видимо, по наследству была чрезмерно чутка к любой пошлости, к любой расхожей истине.

Но гири стыда действительно были тяжелы, и ничего с этим уже было не поделать.

Счастье, которое Рената почувствовала в ту памятную ночь, ей приходилось носить в себе незаметно для окружающих. Если бы не природная сдержанность, может, ей это и не удалось бы, слишком уж ее счастье было велико. Но, с другой стороны, что она должна была делать? Бегать по больничным коридорам с радостными возгласами? Встречать приходящего на работу Сквородникова слезами восторга?

Возможно, и ему тоже приходилось сдерживать свои чувства; сказать

это наверняка Рената не могла. Он вел себя по отношению к ней с явным расположением, но ведь он и раньше относился к ней именно так и с первого же ее рабочего дня держал Ренату Флори рядом с собою и всему учил; это и теперь не изменилось.

Но что-то все же изменилось. Рената не могла этого не замечать, вернее, не могла не чувствовать; вся она превратилась теперь в одно сплошное чувствилище.

Она замечала, она чувствовала, что при ежедневной встрече с нею Павла Андреевича охватывает смятение – краткое, потому что особо предаваться смятению не позволяет работа, но очевидное.

Она видела, что если он случайно касается локтем ее руки или коленом ее колена, например, во время общего обеда, то судорожно вздрагивает – так, как это бывает, когда невропатолог проверяет реакции, ударяя по локтю или колену молоточком.

А однажды он как-то неловко пропустил Ренату перед собой в дверь ординаторской, и ее грудь прижалась к его плечу. При этом Рената почувствовала, как по всему его телу прошла такая сильная волна, что она даже огляделась с испугом: ей показалось, все вокруг должны были это заметить. Но никто ничего не заметил, кажется.

За две недели, прошедшие после той ночи, этих несомненных знаков его к ней равнодушия было немало; Рената дорожила каждым как редкой драгоценностью. И особенно дорожила она взглядами, которые связывали ее с Павлом Андреевичем прочнее, чем связали бы какие-нибудь шелковые парашютные стропы, или из чего там делаются стропы у парашютов... Как она любила эти его взгляды! Сердце у нее подскакивало к горлу, дыхание перехватывало, в глазах темнело, когда он смотрел на нее вот так... необъяснимо из-под своей низко надвинутой на лоб зеленой шапочки. Что он думал при этом, что чувствовал? Неужели такую же любовь, такое же счастье, как она? Рената боялась об этом думать, но и не думать не могла, ловя эти его с ума сводящие взгляды.

В таком трепете, счастливом и тревожном, она не замечала течения времени, и две недели пролетели, как две минуты.

А потом Павел Андреевич исчез. То есть не исчез, конечно, а просто взял неделю в счет отпуска, потому что у него заболела мама и пришлось срочно поехать к ней в Выборг. Но когда Рената пришла как обычно утром на работу и узнала, что Сквородникова сегодня не будет, ее охватил такой ужас, будто земля ушла у нее из-под ног. Как не будет?! Целую неделю... Как же она выдержит эту неделю, нет, это невозможно! Рената с трудом скрывала слезы, и только работа помогала ей держаться хоть в какой-то

форме все эти бесконечные дни без него.

И чего ей стоило сдержать счастливый вскрик, когда через неделю она услышала его голос в телефонной трубке!

Сковородников позвонил в ординаторскую, и она ответила на звонок.

– Рената? – Он сразу, по первому же слову, узнал ее голос! – Привет. Это Павел. – Как будто она его не узнала, не по слову даже, а по одному лишь дыханию! – Как там у вас дела?

– Хорошо, – с трудом выговорила она. – Здравствуйте, Павел Андреевич.

– График у меня как, не изменился? Я сегодня вечером возвращаюсь, хочу в ночь выйти. Соскучился по работе.

Она расслышала в его голосе улыбку. И тут же увидела эту улыбку на его лице, и глаза его увидела, и руки, и... Всего его увидела пронзительным, сквозь расстояние, взглядом!

– Приезжайте, Павел Андреевич! – воскликнула она.

Наверное, это восклицание прозвучало совсем глупо, потому что Сковородников засмеялся.

– Ну-ну, – сказал он. – Конечно, приеду. Куда я денусь? Ждите.

И весь день Рената слышала у себя внутри одно только это слово – «ждите». Господи, да разве она могла делать что-нибудь еще?!

Кое-что она, правда, сделала вполне разумно: поменялась дежурствами с ординатором Алексеем Романовичем. По счастью, ему была удобнее как раз завтрашняя, а не сегодняшняя ночь, и он обменялся охотно.

Как вошел Сковородников в ординаторскую, как обрадовались его появлению врачи, как он здоровался со всеми, что рассказывал, – всего этого Рената не помнила. Все это общее, суматошное мелькнуло вокруг нее сплошным вихрем, ослепительным и мгновенным. Мелькнуло и схлынуло, как волна, и оставило ее наконец наедине с Павлом Андреевичем, будто на берегу морском после какого-то чудесного спасения.

Не было, конечно, никакого берега морского. Была самая обыкновенная ординаторская, в которой они стояли друг напротив друга и смотрели друг другу в глаза.

В глазах Павла Андреевича плясали веселые огоньки. Рената думала, что он скажет сейчас что-нибудь очень простое, такое же общее, как пять минут назад... А вообще-то ничего она не думала! Не до мыслей ей сейчас было.

– Рената... – вдруг сказал он. – Милая ты моя... Как же я по тебе соскучился!

И она обмерла от этих слов. От единственных этих слов, вот именно

простых, но совсем не общих, а только ей одной предназначенных.

Сама Рената ничего ему сказать не успела. Потому что сразу за этими словами он сделал шаг вперед и обнял ее.

– Господи ты боже мой!.. – выдохнул он при этом. – Ну и ну... Надо ж так!

Его голос прозвучал взволнованно и от волнения как-то слишком громко. Впрочем, может быть, ей это просто показалось, ведь в ординаторской стояла тишина. И в коридоре стояла тишина, и из родзала не доносилось ни звука – еще днем Ирина Аркадьевна, заведующая отделением, говорила, что ночью, по крайней мере часов до трех, наверняка никто рожать не соберется и дежурство будет спокойным.

А потом Павел Андреевич стал целовать Ренату с той же страстной торопливостью, что и тогда, в ту их единственную ночь, и она позабыла обо всем.

Он поспешно раздевал ее, раздевался сам, и она тоже раздевалась сама, и он, не выпуская ее из объятий, пытался к двери, запирая замок, и она пыталась с ним вместе, но во всей этой их общей поспешности не было никакой неловкости – все было между ними точно, счастливо, единственно!..

И когда они наконец оказались на кушетке, все их движения тоже были общими, едиными. Рената чувствовала каждое желание Павла Андреевича прежде, чем он сам успевал его почувствовать. Легкая робость, которую она всегда испытывала перед ним, теперь совершенно исчезла – она устремлялась к нему, льнула к нему всем телом, и все ее тело, вздрагивая, обнимало его снизу.

– Не бойся, милая... – почему-то шептал он. – Не бойся, все будет хорошо...

«Разве я боюсь? – мелькнуло у нее в голове. – Ничуть, нисколько!»

– Я не боюсь нисколько. – Она выговорила это прямо ему в губы. – Я так тебя люблю!..

Он как-то странно застыл при этих ее словах, на мгновение замер над нею, но тут же коротко застонал и весь выгнулся в такт своему стону. И тут же она почувствовала его у себя внутри – всего его почувствовала по тому, что все у нее внутри словно огнем вспыхнуло, и это был такой необыкновенный, такой долгожданный огонь, что она готова была сгореть в нем без остатка.

Но ей не надо было сгорать – Павел совсем этого не хотел. Он хотел быть в ней бесконечно долго, и, Рената чувствовала, если бы не боязнь привлечь чужое внимание, он стонал бы в голос, а не вот так вот,

сдерживаясь из последних сил.

И она тоже хотела, чтобы он был с нею бесконечно. Только для нее не имело значения, будет ли это физическая близость, вот такая, которая происходит между ними сейчас, или они просто будут вместе. Рената не могла бы точно определить, что означают в ее понимании эти слова – «просто вместе». Да все они означали для нее! Всю ее неотделимость от этого единственного, любимого мужчины.

Тем временем Павел сильно выдохнул, потом несколько раз вздрогнул и сразу отяжелел, вдавил Ренату в кушетку. Она поняла, что внешняя, физическая часть близости закончилась. Но это не расстроило ее, хотя впервые в жизни все ее тело загорелось, отвечая телесному желанию мужчины. Но то, что должно было теперь последовать за первым телесным огнем, было важнее, значительнее...

– Ну как ты? – сказал Павел, приподнимаясь на локтях. Наверное, он почувствовал, что слишком сильно придавил Ренату своим телом. – А то я уж боялся.

– Почему боялся? – не поняла она.

– Да думал... – В его голосе послышалось что-то вроде смущения от собственной глупости. – Ну, думал, вдруг ты девушка еще.

Теперь смутилась Рената. Мало сказать смутилась – щеки у нее ярко вспыхнули, чего с нею вообще-то почти никогда не бывало.

– Я... – пролепетала она. – Я уже не...

И замолчала, не зная, что сказать.

Конечно, Павел сразу заметил ее смущение. Приподнявшись на локтях и коленях повыше, он сначала навис над Ренатой, а потом встал с кушетки.

– Ну-ну! – Он улыбнулся и ласково погладил Ренату по плечу. – Чего вдруг засмущалась? Ты же врач. Девственная плева – физиологическая особенность организма, больше ничего. Она привлекает только комплексантов да пожилых извращенцев, а нормальному здоровому мужчине куда приятнее зрелая женщина. Одевайся, милая, пойдем посмотрим, как там у нас дела.

И это его ласковое движение, и необыкновенная, единственная интонация, с которой он говорил «милая», наполнили Ренату таким счастьем, что смущение ее мгновенно исчезло. В самом деле, ну что она покраснелась, как гимназисточка какая-то? Ей уже двадцать один год, она взрослая женщина. И любящая женщина, и – любимая... Что же другое может означать и его ласковый жест, и это прекрасное слово «милая»?

Они быстро оделись, то и дело задевая при этом друг друга – их одежда лежала вперемешку на стуле. Когда их локти или плечи невольно

соприкасались, они оба нарочно продлевали эти мгновения, потому что это было им обоим приятно, и радостно переглядывались, и улыбались друг другу.

Потом Павел посмотрел в третьей палате женщину, у которой начались схватки, и велел перевести ее в предродовую, потом они вернулись в ординаторскую и выпили вместе чаю, и снова счастливо при этом улыбались, глядя друг на друга, и он спросил, не хочет ли Рената спать, а она, конечно, не хотела, и он поцеловал ее так крепко, так любовно...

Эта ночь длилась и длилась, и Ренатино счастье длилось и длилось тоже.

Глава 7

Оно длилось и длилось все ночи и дни напролет, ее счастье. Нет, не ее только – оно было теперь у них общим. И от того, что этим общим счастьем был наполнен каждый рабочий день, Рената чувствовала себя так, словно где-то у нее внутри все время горит бенгальский огонь, сыплет яркими искрами и сверкает, сияет...

Наверное, от этого и сама она теперь сияла, как никогда прежде. Во всяком случае, на работе сразу это заметили. Да и мудро было не заметить: Рената всегда выглядела такой блеклой, такой какой-то прозрачной, что теперь, когда во всем ее облике вдруг появилось нечто яркое – она и сама это видела, причесываясь утром перед зеркалом, – это, конечно, всем сразу бросилось в глаза.

И все без труда определили причину, по которой произошло с нею такое преобразование. Это было понятно уже по тому, что когда Рената разговаривала с Павлом в ординаторской, в коридоре, да неважно где, то и медсестра Марголина, и акушерка Нинидзе, и даже заведующая отделением Ирина Аркадьевна поглядывали на нее с понимающими улыбками. К пониманию добавлялись в этих улыбках и другие чувства, от доброжелательности до зависти.

Впрочем, Рената немного обращала на все это внимания. Она так была захвачена собственными чувствами, что чужие не вызывали у нее даже любопытства.

Правда, она замечала, что Павел, кажется, относится к этому иначе: и любопытные взгляды, и особенно понимающие улыбки его явно раздражали. Но вслух он об этом не говорил, и Рената тоже не заговаривала с ним об этом.

Да и вообще, до посторонних ли разговоров ей было! Она только и ждала, что тех счастливых, прекрасных общих часов, когда они оставались вдвоем на ночное дежурство.

Ренату прикрепили на время интернатуры к доктору Сквородникову, поэтому совпадение их дежурств было естественным. И, к счастью, каждый раз выдавался хотя бы часок, хотя бы полчаса, во время которых они могли остаться вдвоем в ординаторской... От одного лишь щелчка, с которым запирался замок, у Ренаты уже замирало сердце! И сладко, и счастливо билось оно потом, когда Павел торопливо целовал ее, раздевал, или даже не раздевал, а сразу прижимал к себе нетерпеливым и страстным

движением...

Из всего внешнего мира только работа теперь вызывала у нее сосредоточенность, да и то – чтобы эту сосредоточенность в себе вызвать, ей требовалось большое усилие воли. Все же остальное вообще не имело значения.

Это счастливое невнимание ко всему, что не относилось к их с Павлом любви, могло бы длиться у Ренаты бесконечно. И лишь одно обстоятельство, неожиданное и ошеломляющее, отвлекло ее от собственного внутреннего состояния. И не только отвлекло, а привело в оторопь.

Она обратила внимание на это обстоятельство случайно. Мама вернулась как-то из аптеки и расстроено сказала:

– Безумие какое-то! Уже записывают в очередь за ватой. И предлагают ходить отмечаться. Давать будут по одной пачке в руки независимо от пола и возраста. Особенности женской физиологии во внимание не принимаются. Ты хоть у Анны Гавриловны возьми сколько-нибудь, а то совсем без ваты останешься.

Анной Гавриловной звали роддомовскую сестру-хозяйку, которая работала еще с дедом Флори.

– Хорошо, – кивнула Рената.

И в эту самую минуту поняла, что вата для «женской физиологии» ей что-то давно уже не требовалась. Сосредоточившись, она припомнила, что последние месячные были у нее задолго до последнего же ее свидания с Колей. А было это... Ну да, три месяца назад. Господи, как же она могла упустить такое из виду?! То есть получается... Получается, срок у нее три месяца!

Мама ушла в кухню. Слышно было, как она вынимает из сумки принесенные из магазина свертки. Рената потерла ладонями мгновенно вспотевшие виски.

«Получается, я все это время была беременна? – почти с ужасом подумала она. – И не от Павла, а от Коли?!»

Ей не надо было производить сложных расчетов, чтобы убедиться, что это именно так. К тому времени, когда случилась ее первая близость с Павлом, задержка у нее была уже такая большая, что, находишь тогда Рената в ясном состоянии ума, она непременно встревожилась бы. Но ясности ума у нее тогда не было и в помине.

Как, впрочем, и теперь – она стояла посреди комнаты в полной растерянности и только и могла, что тереть ладонями мокрые виски и побелевшие от волнения щеки.

Между тем надо было что-то делать, и немедленно. То есть не что-то, а аборт: Рената совсем не собиралась рожать ребенка от мужчины, о существовании которого уже почти забыла, и прекрасно понимала, что Коле ребенок от нее уж тем более не нужен. Да и вообще, от того, что она выросла в медицинской семье и сама училась медицине, притом именно гинекологии, отношение к беременности было у нее чисто медицинское. Правда, по этой же причине она и слишком хорошо представляла себе опасность первого аборта. Но, в конце концов, она ведь не растерянная девочка с улицы, у мамы множество знакомых, да и сама она, конечно, найдет хорошего врача, да, действительно, зачем зря беспокоить маму, ей вообще не стоит об этом говорить...

«А Павлу? – вдруг подумала Рената. – Наверное, надо сказать ему? Или не надо?»

От этой мысли она растерялась еще больше. То есть, по логике вещей, Павлу совсем необязательно было говорить о беременности, к которой он не имеет никакого отношения. Даже как-то неловко было говорить ему об этом. Но по другой, не умственной логике... Он был самым близким ей человеком. Она любила его до темноты в глазах, до остановки сердца. И к кому же, как не к нему, было ей обратиться в минуту растерянности? Да и вряд ли его шокирует то обстоятельство, что беременность наступила у нее от прежнего жениха. Врача вообще невозможно шокировать какими бы то ни было физиологическими проявлениями.

Этими мыслями она успокаивала себя весь вечер и потом, ночью, лежа без сна и глядя в бледное от лунного света окно.

В сестринской праздновали юбилей сестры-хозяйки Анны Гавриловны – семьдесят лет. Личностью она была легендарной, в роддом пришла работать еще в войну, поэтому празднование получилось торжественное.

– По уму, так в ресторан бы вас всех позвать, – растроганно приговаривала юбилярша, суетясь у накрытого стола. – Но ведь не привыкла я к ресторанам!

Все тут же принимались ее уверять, что никакого ресторана не нужно, вот еще ерунда какая, будто бы мы ресторанов не видали, куда приятнее посидеть здесь у себя, по-домашнему... Анна Гавриловна была одинока, жила в коммуналке, поэтому роддом в самом деле был для нее домом родным.

Рената дежурила в приемном отделении и на празднование опоздала. Когда она вошла в сестринскую, обстановка там была самая что ни на есть располагающая. Врачи и сестры, закончившие работу, уже порядочно

выпили, расслабились, разговоры их сделались довольно бессвязными, но от этого лишь более задушевными.

Доктор Сквородников играл на гитаре романс «Будь ты моею» – а Рената и не знала, что он умеет играть! – молоденькая медсестричка Нина пела, раскрасневшаяся от вина Ирина Аркадьевна чертила вилкой на салфетке какую-то схему, что-то при этом объясняя своей заместительнице Воробьевой... Но по общему настроению все же чувствовалось, что праздник идет к завершению. Уже собирались потихоньку пустые стаканы, и куриные кости сбрасывались в миску – кто-то хотел унести их собаке, – и накрывались блюдечками тарелки с колбасой и сыром...

Едва Рената успела поздравить Анну Гавриловну, как тут же пришлось идти в предродовую смотреть только что поступившую женщину. Собственно, звали доктора Сквородникова, но Ренате жаль было отрывать его от гитары, на которой, оказывается, он играл просто виртуозно, и она пошла сама.

И, как это обычно бывало в роддоме, первое дело сразу потянуло за собой второе – зарожала женщина, от которой никто этого сегодня не ожидал, и следующий час Рената провела в родзале.

Роды были нетяжелые, но роженица плохо переносила боль, кричала во весь голос, а когда наконец родила и ей показали младенца, воскликнула: «Уберите, видеть его не могу!» Понятно, что восклицание было вызвано лишь стрессом, но все же это было неприятно, тем более что мальчик родился здоровенький, крепкий и до того красивый, что не только Рената, но и принявшая множество детей акушерка Фараонцева восхитилась, глядя на него.

В общем, Рената освободилась не скоро.

«Все уже разошлись, наверное, – подумала она, идя по коридору мимо сестринской. – Странно, почему Павел в родзал не заглянул?»

Это в самом деле было немного странно, потому что дежурным врачом все-таки был он, а значит, должен был поинтересоваться, как справляется со своими обязанностями интерн, за которого он отвечает. Да нет, ничего странного в этом не было: все в отделении знали, что Рената Флори обладает обостренным чувством ответственности, а значит, если она не обращается за помощью, то и нет необходимости мелочно ее контролировать.

В ординаторской было пусто. Наверное, Павел вышел в туалет. Или, может, его в приемный покой вызвали? Ну да, конечно, потому он и не зашел в родзал узнать, как там у Ренаты дела.

Ее слегка подташнивало, и даже голова кружилась – напоминала о себе

беременность, и это напоминание было Ренате неприятно.

Надо было умыться, освежить сознание. А там и Павел придет, и она расскажет ему, как прошли роды, и про то, какой красивый родился мальчик, расскажет тоже, а он, наверное, чуть заметно улыбнется над ее восторженностью... Представив себе это, Рената сама улыбнулась счастливой улыбкой.

Она вышла из ординаторской и направилась к туалету. Из-за двери сестринской, мимо которой она проходила, доносились какие-то звуки – значит, девочки еще убрали со стола. Наверное, надо было заглянуть, спросить, не нужно ли им помочь, но из-за тошноты и головокружения Ренате не хотелось этого делать. Ну и ладно, ей бы на свои обязанности сейчас сил хватило, а посуду и без нее уберут.

И вдруг среди невнятных звуков она расслышала за дверью знакомый голос.

– Ну-ну, – произнес он, – хватит, милая, хватит целоваться. Работать пора, хорошенького понемножку.

Вслед за этими словами отчетливо послышался звук поцелуя, потом раздалось коротенькое женское хихиканье и женский же голос кокетливо протянул:

– Вот всегда ты та-ак!..

Потом дверь открылась и, на ходу надевая зеленую шапочку, в коридор вышел Сквородников. У него за спиной маячила фигурка медсестры Ниночки. Дверь была открыта широко, и Рената видела, что, кроме Ниночки, в сестринской никого нет. Да и так было понятно, что кокетливый голосок и короткое хихиканье принадлежали ей – очень уж они у нее были характерные, ни с кем не перепутаешь.

Ниночка сделала шаг вперед, словно бы лишь для того, чтобы выйти из сестринской вслед за Сквородниковым, но при этом посмотрела на Ренату с вызовом.

«Не нравится? – ясно говорил ее взгляд. – А мне нравится! И что хочу, то и буду делать, он у тебя не купленный. Да ему и самому со мной нравится!»

И, встретив этот торжествующий Ниночкин взгляд, а потом переведя собственный взгляд на Павла, Рената поняла, что хорошенькая медсестричка права.

Вид Сквородникова можно было охарактеризовать двумя словами: сытый и довольный. Как у кота, наевшегося сметаны. Именно кошачий, ничем человеческим не отмеченный характер имело его довольство.

– Рената? Ты не в родзале?

В голосе Сквородникова не послышалось и тени смущения. Даже наоборот, в нем послышался вызов. Это был вызов того же рода, что и в Ниночкином взгляде.

«Тебе что-то не нравится? – словно бы вторым, подразумевающимся планом говорил его спокойный голос. – А какое, собственно, право ты имеешь предъявлять на меня права? Я свободный мужчина, с кем хочу, с тем и совокупаюсь».

Еще день назад, да что там, еще всего лишь час назад Ренате и в кошмарном сне не приснилось бы, что она может думать о Павле вот такими, до отвращения физиологичными, словами. Но теперь она думала именно так. А что слова эти, отчетливо звучащие у нее в голове, внахлест мучительно ложились на совсем другие слова, которые звучали и бились у нее в сердце, – так это не имело никакого значения.

«Наверное, это все из-за беременности, – словно о посторонней, подумала о себе Рената. – Своя физиология наружу вылезла, вот и всюду ее замечаю».

– В родзале я закончила, – сказала она. – Звонарева родила уже.

И, забыв, что собиралась умыться, повернулась и пошла обратно в ординаторскую.

Через минуту после того как Рената села за стол, на котором лежали папки с историями рожениц, которых она вела, дверь открылась и в ординаторскую вошел Огородников.

– Рената, – произнес он с порога, – я давно хотел с тобой поговорить. Да все не решался. Очень уж ты какая-то...

– Какая? – Рената подняла на него глаза, до сих пор устремленные на папки.

– Деликатная какая-то, – с досадой сказал Сквородников. – Будто не мед кончала, а Институт благородных девиц, ей-богу. Вокруг простого и естественного дела развела какие-то египетские антимионии.

– Разве бывают египетские антимионии? – спросила Рената. – Что это такое?

– Ну, не египетские, это я так просто сказал... Да не придирайся ты к словам! Какое они имеют значение?

«Никакого», – подумала Рената.

И тут только осознала, что за все время их бурной любви Сквородников ни разу ей об этой любви не сказал. А что говорил «милая»... Да, подобные слова, как выяснилось, в самом деле не имеют для него никакого значения.

– В общем, даже хорошо, что так получилось. А то уже все отделение

меня спрашивает, когда у нас с тобой свадьба. Про какого-то жениха твоего говорят, которого ты якобы ради меня бросила... Мое-то какое до этого дело? Я, что ли, тебя заставлял кого-то бросать?

Возможно, этот его вопрос был риторическим. Но Рената ответила:

– Не ты. Ты не заставлял меня никого бросать.

– Вот именно. Про это я тебе и хотел сказать. Я, милая, конечно, очень хорошо к тебе отношусь. Но какие-то обязательства... Это в мои ближайшие планы, честно тебе скажу, не входит. Я диссертацию собираюсь писать, и квартирным вопросом надо заняться, я же комнату снимаю. В общем, не до женитьбы. Я, конечно, сам виноват. – Виноватая интонация действительно прозвучала в его голосе, впрочем, еле ощутимо. – Должен был учитывать твои... хм... романтические представления о жизни. Молодая ты еще, попросту говоря. Это, конечно, со временем пройдет, но сейчас у тебя еще период розовых очков. – Теперь в его тоне послышалось что-то исследовательское, как будто он уже собирал материал для своей будущей диссертации. – А я в такие периоды женского развития вклиниваться не люблю. Так что, Рената, не обижайся, но лучше нам отношения пока... свернуть. Я на данный момент не твой объект. И ты не мой тем более. Вот приобретешь необходимый здоровый цинизм, тогда можем вернуться к этому вопросу.

После этих слов Сквородников улыбнулся широко и безмятежно. Это была улыбка человека, полностью уверенного в своей правоте. Да он и был прав, собственно. Во всем, кроме того, чтобы «вернуться к вопросу». Рената знала, что этого не будет никогда.

Но как же мучительно было это знание! Вот сейчас, когда она смотрела в его любимое лицо, слышала голос, тоже еще любимый... И как ей было справиться с колючим комом горя, который она просто физически ощущала под самым горлом?

– Павел Андреевич, – с трудом произнесла Рената. Надо же, а голос-то прозвучал почти ровно! – Павел Андреевич, я спущусь в приемное. Лучше мне будет сегодня там подежурить. Надеюсь, вы справитесь один.

– Павел Андреевич... – поморщился он. – Еще скажи, товарищ Сквородников! Нет, все-таки хлопотно с вами. С такими, как ты, – пояснил он, встретив ее непонимающий взгляд. – Даже разбежаться по-человечески не можете, обязательно вам надо драму разыграть. Справлюсь, не беспокойся. Иди в приемное.

Рената встала из-за стола и, не глядя на него, вышла из ординаторской.

Глава 8

Почему все это вспомнилось ей именно сейчас, мгновенную тенью мелькнуло в давно охладевшей памяти?

Рената поднималась по лестнице к своей квартире так медленно, будто прошлое вдруг отяжелило ее походку. Да, это неожиданное воспоминание было именно тяжестью, даже тягостью, в нем давно уже не было ни остроты, ни боли. А тогда!..

Тогда, двадцать лет назад, боль преследовала ее днем и ночью. И от того, что приходилось ежедневно видеть Павла, боль усиливалась стократно, хотя когда Рената бывала дома, то думала, что сильнее ее боль сделаться уже не может.

Эта боль пересилила не только все чувства, но даже все физические ее ощущения – Ренате казалось, например, что у нее резиновая кожа.

Из-за этого она забыла на время о том, что составляло предмет ее тревоги и даже страха, – о своей беременности, неожиданной и нежданной. А когда все-таки вспомнила, то сразу впала в такое мрачное состояние, что вообще хоть вешайся.

«Еще и это! – думала она. – Искать сейчас врача, который согласится сделать аборт, срок ведь большой, значит, придется уговаривать, объяснять, почему затянула... Как не хочется все это делать!»

Что ей не хочется заниматься всем, чем необходимо было заняться, чтобы прервать беременность, Рената осознавала с каждым днем все яснее. И все яснее понимала, в чем состоит настоящая причина такой ее неохоты...

Ей было стыдно перед этим так нелепо зачатым ребенком. Это было тем более странно, что она не чувствовала и не осознавала в себе ничего такого, что принято называть красивыми словами – «новая жизнь», «искорка любви», «частичка души» и прочее в том же духе. Подобные слова казались ей невыносимо пошлыми, но стыд был. Какова его природа, Рената не понимала, она чувствовала только, что он возрастает по мере того, как возрастает боль от всего, что произошло у нее с Павлом.

Да, это было именно так: пока она поглощена была счастливой любовью, то относилась к своей неловкой и неуместной беременности чисто медицинским образом, теперь же, когда вдребезги разлетевшаяся любовь впилась в ее сердце тысячей мелких осколков, то и все чувства в ее сердце сразу обострились. Тогда-то и возник этот стыд, и с каждым днем он

становился все сильнее.

Возможно, она еще долго пребывала бы в том странном ступоре, в который этот стыд ее завел, если бы не мама. Рената и не подозревала, что она так внимательно за ней наблюдает! Во всяком случае, за простыми физиологическими проявлениями ее организма мама наблюдала точно.

– Послушай-ка, – сказала она в один непрекрасный, как, впрочем, и все остальные, день, – а ты не беременна ли?

Рената настолько не ожидала этого вопроса, что не сразу сообразила, как следует ответить. А когда сообразила, было уже поздно: честный ответ уже вырвался у нее сам собою.

– Беременна, – ответила она.

Все-таки привычки вечной отличницы были в ней слишком сильны.

– От кого? – поинтересовалась мама.

В ее голосе не послышалось ни одного из тех чувств, которые были бы, наверное, с ее стороны естественными: удивления, возмущения, даже ужаса; ведь она знала, что Рената рассталась с Колей, хотя о ее бурной любви к Павлу как раз таки не знала.

Однако тон у мамы был совершенно спокойный. И Рената сразу успокоилась тоже.

– От Коли, – сказала она.

– Но вы ведь расстались? И что же он на это говорит?

– Ничего, – пожала плечами Рената. – Я ему не сообщила. Понимаешь... В общем, это долго объяснять. То есть не долго, а трудно. – Но, сказав это, она тут же все-таки объяснила: – Понимаешь, я рассталась с Колей потому, что полюбила другого человека. Павла Андреевича Сквородникова, нашего врача. А потом обнаружилась беременность. От Коли. И я, конечно, сразу решила сделать аборт. А потом...

Рената замолчала. Все-таки это в самом деле был тяжелый для нее рассказ.

– А потом твоя с этим Сквородниковым любовь потерпела крах, – все тем же спокойным тоном продолжила мама. – И ты не понимаешь, как тебе теперь жить, и тем более не понимаешь, что делать с этой посторонней беременностью.

– Откуда ты знаешь?

Рената посмотрела на маму с таким изумлением, словно та вдруг предстала перед нею какой-нибудь предсказательницей Кассандрой.

– Я достаточно хорошо знаю тебя, – усмехнулась мама. – И вижу, что ты в последнее время ходишь как в воду опущенная. Что может быть причиной? Только несчастная любовь. Но в такое состояние ты впала уже

много после того, как рассталась с Колей. Значит, виновник твоей несчастной любви не он. Как видишь, никакой особенной пронизательности мне не потребовалось.

– И что же мне делать? – вздохнула Рената.

Голос ее еще прозвучал уныло, но, по сути, к собственному удивлению, прежнего уныния она уже не чувствовала. Впервые за все время после расставания с Павлом.

– В первую очередь не страдай. – Мама улыбнулась. – Вот у Володина, великого, я считаю, драматурга, есть прекрасная фраза: что истории неизвестны случаи, когда девушка, пережив любовное разочарование в двадцать лет, помнила бы об этом в следующие пятьдесят лет своей жизни. Забудешь ты своего Сквородникова, забудешь, даже не сомневайся. Тебе сейчас гораздо важнее понять, что делать с беременностью.

– Вот этого я и совсем уж не знаю... – тихо проговорила Рената.

– Ты хочешь этого ребенка? – уточнила мама.

– Не знаю, – повторила она. И, вздохнув, добавила: – Вряд ли хочу.

– Тогда не рожай. – Мамин голос прозвучал жестко. Встретив удивленный Ренатин взгляд, она объяснила: – Может быть, оттого, что я всю жизнь принимала роды и знаю цену этому событию, у меня сложилось четкое убеждение: ребенок должен восприниматься как живое существо с той минуты, когда его таким осознает мать. Если с ней это происходит на первом месяце беременности, значит, на первом. Если когда он начинает шевелиться у нее в животе, значит, в тот самый момент. И никто, кроме матери, не может решать его судьбу. Я понимаю, что, с точки зрения любой религии, говорю страшную ересь. Но, повторяю, это убеждение основано на большом личном опыте. Матери предстоит такая связь со своим ребенком, которую невозможно ни назвать словами, ни объяснить даже самому близкому человеку. Это могучая связь, Рената, страшная в чем-то связь! Наверное, каждая забеременевшая женщина, даже самая примитивная, на уровне инстинкта чувствует масштаб своей будущей ответственности. И поэтому никто, кроме нее, не может решить, готова она к такой ответственности – даже не вообще, а вот именно в данный момент своей жизни – или нет. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, – кивнула Рената.

Мама говорила с той здоровой ясностью, которая была ей присуща всегда и во всем. Но все-таки смысл ее слов оставался для Ренаты отвлеченным. И кивнула она лишь потому, что верила маме безусловно.

– А готовность к этой ответственности как раз и выражается в желании родить ребенка, – заключила мама. – Поэтому я и говорю: если ты не

чувствуешь сейчас такого желания, то рожать тебе не надо.

– Но что-то же я все-таки чувствую... – задумчиво проговорила Рената. – Только не знаю, что именно. Вряд ли желание родить – у меня сейчас вообще никаких желаний нет. Но что-то чувствую точно. И это меня так смущает, мама! Стыд это, может?

– Ты сомневаешься, надо ли делать аборт? – помолчав, спросила мама.

– Да.

– Тогда рожай, – твердо сказала она. – Сомнения такого рода следует разрешать в пользу ребенка. – И, улыбнувшись, добавила: – А я-то, оказывается, очень вовремя вышла на пенсию. Все-таки в банальном высказывании «что ни делается, все к лучшему» есть великая сермяжная правда.

«Я не помню в своей жизни ни одного случая, когда мама ошиблась бы, – подумала Рената, открывая дверь квартиры. – Во всем она была права! И что Ирку надо рожать, и что любовь свою к Павлу, вечную и бессмертную, я вскоре забуду».

Ей в самом деле не верилось теперь, что все это – счастье видеть единственного мужчину, страстный восторг и такое же страстное горе – было когда-то с нею. Ушло все это, словно растворилось в белесом небе над Невой, и оставило после себя гармоничную, как стройные очертания Петербурга, сорокалетнюю женщину с именем экзотически холодноватым – Рената Флори. Может быть, она чужда теперь счастья, эта спокойная женщина, но ведь точно так же чужда она и горя.

И стоит ли в таком случае о никогда не бывшем своем счастье горевать?

Глава 9

– А-а-а!.. А-а-а!..

Так, над одной басовой ноте, кричала женщина во второй предродовой вот уже пять часов подряд.

– Доктор, Рената Кирилловна, да уберите вы ее от нас! – В голосе соседки по палате слышались слезы. – Тут самой на стенку хочется лезть, а тут еще она со своим воем! Первая ты на всем белом свете, что ли, рожает? – сердито воскликнула она, повернувшись к кричащей женщине.

Та не ответила и даже не взглянула в ее сторону – лишь снова завела свою песню, в самом деле невыносимую.

Рената посмотрела ее, поняла, что матка раскрывается медленно, а значит, долго еще придется ее несчастным соседкам терпеть это изматывающее гудение.

– Не волнуйся, все у тебя хорошо, – сказала она женщине. – Скоро рожать пойдем.

Кажется, та ее не услышала, во всяком случае, кричать не перестала.

«Как можно настолько не иметь терпения?» – подумала Рената, выходя из палаты.

Сама она родила легко, несмотря даже на свой узковатый таз. Но это было так давно, что теперь казалось, будто бы и не с нею.

Она зашла в родзал, и как раз вовремя: акушерка сразу позвала ее к первому столу, потому что у Моисейцевой не отходила плацента. Такое бывало на Ренатиной долгой профессиональной памяти, наверное, уже сотни раз, но каждое осложнение она воспринимала как первое. И это тоже было профессиональное – не позволять себе привыкать к опасностям своей работы.

Об этом не принято было говорить, да Рената и представить не могла, как стала бы высказывать вслух подобные патетические мысли, но забывать о том, что каждую минуту отвечает за человеческие жизни, она не то чтобы считала для себя невозможным, но действительно не могла. И это не было каким-то ее исключительным качеством – точно так же не забывал об этом любой из тех, с кем она работала. За то время, что она была заместительницей заведующего и отвечала за всю врачебную деятельность, Рената добилась того, чтобы врачей с другими представлениями о своей работе в клинике не было.

И уж в чем она точно никому не призналась бы, это в восторге, который

охватывал ее, когда очередные роды заканчивались благополучно и на руки акушерки или на ее собственные руки с булькающим, вот именно утробным звуком вываливался ребенок. Когда он начинал орать смешным скрипучим голосом, и так же смешно морщил личико, и щурил припухшие глазки... Рената просто физически чувствовала, как в этот момент изливается на нее такая мощная, такая светлая волна энергии, что каждый раз ей хотелось смеяться от неодолимого восторга.

Это не было ее выдумкой, а было чистой правдой. Не зря же, она давно это заметила, все врачи-акушеры до тех пор, пока продолжали работать, выглядели гораздо моложе своих лет.

И именно поэтому сейчас, выйдя из родзала уже в самом конце рабочего дня и даже много позже его окончания, она чувствовала себя не усталой, не вымотанной, а полной сил.

– Рената Кирилловна, бегите срочно в приемное! – Медсестра Леночка Тушина быстро шла ей навстречу по коридору. – Там женщину привезли, так она прямо на кушетке уже рождает!

Леночка работала недавно, поэтому подобные казусы еще казались ей исключительными. Рената же давно привыкла к тому, что роды могут произойти где угодно, хоть на пороге, хоть вообще на улице – либо по безалаберности роженицы, либо по непрофессионализму врачей, либо по не зависящим ни от кого физиологическим причинам.

– Давно? – спросила она, направляясь к лестнице, ведущей вниз, в приемное отделение.

– Да вроде только что начала.

– Почему наверх ее не поднимают?

– Очень быстро потому что рождает. Стремительные роды, – с ученым видом объяснила Леночка. – И что-то у нее не так.

Когда Рената спустилась в приемное, выяснилось, что роды у лежащей на кушетке молодой женщины в самом разгаре, а «не так» означает поперечное предлежание плода. При узком тазе, при других признаках явно неблагоприятного здоровья роженицы – она была такая бледная, словно всю беременность провела в подzemелье без воздуха и света, – Рената, конечно, не стала бы рисковать и сделала бы кесарево. Но рассуждать об этом сейчас было уже поздно.

Рядом с кушеткой топтался долговязый детина в куртке и в длинном вязаном шарфе – видимо, счастливый отец.

– Вы что здесь делаете? – бросила ему Рената. – При родах хотите присутствовать? Тогда снимите, по крайней мере, верхнюю одежду.

Больше она на папашу не смотрела: ей было совершенно не до него.

Роды оказались мало того что осложненными, так еще и преждевременными.

– Роженица сказала, что она на седьмом месяце, – доложил Витя Коробков, дежуривший сегодня в приемном.

Витя был интерном и, Рената видела, испугался такого нестандартного случая, впервые выпавшего на его дежурство.

Видимо, сказать ему обо всем этом роженица успела сразу же, как только ее привезли. Теперь она ничего уже сказать не могла, потому что была без сознания. Пожилая медсестра Одинцова вводила ей в вену иглу, а Лена Тушина закрепляла флаконы с лекарствами в штативе капельницы.

Все это было очень и очень нехорошо. Рената почувствовала у себя внутри тот холодок мгновенной сосредоточенности, который всегда возникал при ощущении серьезной опасности. И встречать эту опасность на кушетке в приемном покое было категорически нельзя, это было для нее очевидно. Да и не было теперь такой необходимости: родовая деятельность у женщины прекратилась, и понятно было, что вот-вот может прекратиться ее жизнь.

– Перекладывайте на каталку и быстро везите в операционную, – распорядилась Рената.

– А как же... – начала было Лена.

– Штатив бери, – оборвала ее Одинцова. – И делай что доктор говорит.

Когда Рената вышла из операционной, была уже глубокая ночь. Прооперированную женщину увезли в реанимацию, ее ребенка, слабенького, едва живого, поместили в кювез. Вот во время этих родов точно не было никакого выплеска положительной энергии; идя по коридору к ординаторской, Рената чувствовала только усталую опустошенность.

В конце коридора маячила долговязая фигура. Присмотревшись, Рената узнала того самого папашу, который попался ей на глаза еще в приемном покое. Вернее, не узнала, а лишь догадалась, что это он, по его приметной долговязости. Теперь он был без куртки, в халате и в бахилах. И было видно, что он совсем молодой – лет двадцати пяти, не старше.

– Что же вы жену до такого состояния довели? – вздохнув, спросила Рената. – Гемоглобин чуть не до нуля упал! Она у вас что, беременность в Крестах провела?

– Я не знал, что у нее есть беременность, – ответил парень.

В том, как он произнес, вернее, построил эту фразу, чувствовалась какая-то странность.

– Интересный вы человек, – пожала плечами Рената. – Как надо

относиться к жене, чтобы не знать, что она на седьмом месяце беременности?

– Она не моя жена. Она моя актриса, – объяснил парень. – Она ничего не говорила про ее беременность. И сегодня ей стало плохо во время генеральной репетиции. И я привез ее в больницу. Как она себя чувствует? И ее ребенок?

– Пока ничего хорошего, – ответила Рената. – Она в реанимации. Ребенок жив, но тоже не слишком благополучен. Муж у нее есть? Или какие-нибудь родственники?

– Мне кажется, у нее нет мужа. – Парень смотрел на Ренату с высоты своего гигантского роста. Глаза у него были необычные – при темном их цвете почему-то казалось, что они светятся. – Но, я думаю, у нее должна быть мама.

– Я тоже так думаю. – Рената невольно улыбнулась. – Осталось только эту маму найти.

– Я это сделаю сегодня же, – кивнул он.

– Наверное, все-таки завтра. – Рената взглянула на круглые коридорные часы. – Без пяти двенадцать. Уже ночь.

«Давно надо было научиться машину водить, – подумала она. – Сейчас бы не высчитывала, успею в метро или не успею».

Это приходило ей в голову каждый раз, когда она задерживалась на работе. И каждый раз Рената потом понимала, что в таком вот состоянии, когда после сильной сосредоточенности ее внимание совершенно рассеяно, вряд ли она смогла бы сесть за руль. Так что машина ей ни к чему. Лучше взять такси.

А в нынешнем ее позднем возвращении домой имелась даже положительная сторона: можно было сразу позвонить в Нью-Йорк Ирке, узнать, не прибавилось ли у нее молока, и как там Сашка с Дашкой, что у них нового случилось за те три дня, которые прошли после предыдущего разговора.

– Езжайте домой, отдохните, – сказала Рената долговязому парню. – Завтра займетесь делами вашей актрисы.

– Да, – кивнул он.

И улыбнулся. От улыбки его глаза стали как янтарь. Ренате еще в детстве всегда казалось, что янтарь светится изнутри, и она всегда удивлялась, как такое может быть.

«Хороший мальчик, – подумала она, улыбнувшись про себя. – Даже удивительно, мне казалось, таких уже не бывает. Ну, привез роженицу в больницу, это еще кое-как, хотя тоже мог бы просто «Скорую» вызвать. Но

еще и дождался ведь, пока она родит. А может, это все-таки его ребенок, просто он признаваться не хочет?»

Но слишком долго думать о постороннем человеке, пусть даже с такими прекрасными глазами, как у этого парня, ей совсем не хотелось. Все-таки она сильно устала. И, кивнув ему на прощание, Рената ушла в ординаторскую переодеваться.

Глава 10

Ночной ветер несся по Второй линии Васильевского острова, как по гулкой трубе, гудел и свистел, сжатый домами, и лишь где-то вдалеке, над Невой, наконец вырывался на свободу.

Ветер так яростно набросился на Ренату, как только она вышла из больницы, что ей показалось, сейчас он и ее понесет по этой трубе и швырнет прямо в холодную невскую воду.

Ну да для апреля это было обычно. Вечная ветреная питерская погода.

Рената подняла воротник пальто, до носа закуталась в шарф и натянула шляпку пониже на лоб. Шляпка эта из сиреневого сукна очень ей нравилась: во-первых, она плотно прилегала к голове и не могла поэтому улететь даже от самого сильного ветра, а во-вторых, было в ее мягких, опущенных вниз узких полях что-то позабытое, возможно, старомодное, но хорошего вкуса.

Рената перебежала через пустую, без машин и прохожих, улицу, тщетно пытаясь увернуться от порывов ветра.

– Вы позволите вас провожать? – вдруг услышала она.

И, подняв глаза, увидела все того же парня, который то и дело возникал в поле ее зрения весь сегодняшний вечер. Он стоял под фонарным столбом и сверху вниз смотрел на Ренату. И глаза у него светились, точно как лампы на столбе. Это было немножко смешно. Рената улыбнулась.

– Вы еще не ушли домой? – спросила она.

– Я как раз отправляюсь. Но я подумал, что мне надо вас провожать.

– Да нет, – пожала плечами Рената. – Совсем не надо. Я еще успею в метро. Или вы на машине?

Если он на машине, то это, конечно, было бы очень кстати. И никакой неловкости в том, чтобы посторонний человек потратил время на ее доставку домой, не было бы. В конце концов, она почти с того света вытащила его... Нет, не жену, а... Кто, он говорил, ему та женщина? Рената забыла, вернее, ей было не до того, чтобы разбираться в чужих родственных связях.

– Нет, я брал такси, – сказал он. – Тогда, когда привозил Елену в клинику. Мы можем взять такси и сейчас.

– Не стоит. Я еще успею в метро, – повторила она.

– Тогда пойдемте.

Он молча пошел рядом. Ренате показалось, что рядом с нею по улице

идет дерево: он был очень высокий, и ветер гудел вокруг его головы, будто в древесной кроне. Она улыбнулась – она почему-то все время улыбалась, когда смотрела на этого человека.

Молчание в его присутствии нисколько не стесняло. Но Рената все же сказала:

– Вам, наверное, нелегко было привыкнуть к нашей погоде.

По манере строить фразы и по легкому акценту нетрудно было опознать в нем иностранца. Но – странно! – что-то неуловимо питерское чувствовалось при этом в его облике.

– Ничего-о, – ответил он. Слегка удлинённые гласные придавали его речи обаяние. – В Амстердаме погода похожая.

– Так вы из Амстердама! Тогда, конечно, вам привычна такая погода. Петербург строился под впечатлением от вашего города, вы знаете?

– Да, я это знаю, – серьезно кивнул он. – Ваш город получился очень красивый. Но совсем другой, чем Амстердам. Меня зовут Винсент.

– В честь Ван Гога?

– Просто в честь дедушки. Мои родители не знают искусство.

– Рената Флори.

– Это русское имя? – удивился он.

– Происхождения имени я не знаю. Может быть, что-то общеевропейское. А фамилия английская. Мои предки приехали в Петербург из Англии. Но это было двести лет назад, так что я с Англией уже никак не связана. Вам не холодно без шапки? – спросила она, глядя, как ветер яростно треплет густую светлую шевелюру на его голове.

– Нет. В Голландии никто не носит шапки.

– А что вы делаете в Петербурге?

– У меня здесь контракт. Я должен поставить спектакль.

– Да! – наконец вспомнила Рената. – Вы же говорили, что та женщина ваша актриса. Значит, вы режиссер?

– Да.

– И что же вы ставите?

– «Братьев Карамазовых».

– А в каком театре?

– Возможно, вы не знаете этот театр. Он очень маленький. Но в нем работают хорошие актеры. В России вообще хорошие актеры. Это театр «Петроградская сторона».

– Я слышала... Кажется, – неуверенно сказала Рената.

Студенткой она бывала в театре часто, хотя учеба в Первом медицинском мало оставляла свободного времени. И потом, много лет

после института, хотя бы раз в месяц брала билеты в БДТ, или в Театр комедии, или в Мариинку. А потом желание бывать в театре стало у нее ослабевать, и сразу как-то оказалось, что и времени на это все меньше, и все меньше сил...

Теперь, в разговоре с этим голландским режиссером, Ренате стало стыдно за такое свое равнодушие. Хотя чего ей вообще-то стыдиться? Мало ли чем занимаются люди! Невозможно ведь интересоваться всем на свете ради того, чтобы пристойно выглядеть во время случайного разговора. Даже если этот разговор по какой-то непонятной причине согрел тебе душу.

– Это действительно совсем маленький театр. И совсем новый, – словно оправдываясь за то, что Рената не знает его театра, объяснил Винсент. – Его главный режиссер учился в Амстердаме. Мы с ним вместе учились, и он мой друг. А его папа богатый человек, и он дает не очень большие, но все-таки достаточные деньги, чтобы можно было поставить спектакли в этом театре «Петроградская сторона». И Андрей, так зовут моего друга, пригласил меня, чтобы я поставил у него «Братьев Карамазовых».

– И кого же играет в вашем спектакле та женщина? – спросила Рената. – Та, которую вы к нам привезли?

– Катерину Ивановну.

Рената читала «Братьев Карамазовых» так давно, что не помнила, что это за Катерина Ивановна такая. Но имя показалось ей знакомым, и она неопределенно протянула:

– Да-а... Не второстепенная роль. Похоже, вам придется ее заменить. Она не скоро сможет выйти на сцену.

– Я не буду ее заменить. – В голосе Винсента послышались упрямые нотки. – Она талантливая актриса, и она очень хотела играть эту роль. Я думаю, она поэтому не говорила мне, что беременная. Чтобы сыграть премьеру.

– Все-таки это безобразие, – сердито сказала Рената. – Если женщина решила иметь ребенка, то в первую очередь должна думать о нем, а уж потом обо всем остальном, в том числе и о самой распрекрасной премьере. И питаться она обязана так, чтобы у ее ребенка текла по жилам кровь, а не вода.

– Да, это получилось нехорошо, – сказал Винсент.

Его голос при этом снова прозвучал виновато. Как будто это по его личному недосмотру у актрисы оказался низкий гемоглобин.

Взглянув на него, Рената увидела, что и выражение лица у него тоже виноватое.

– Ладно, не переживайте, – успокаивающим тоном сказала она. – Это

все наладится – назначим капельницы. И гранатов ей побольше приносите. То есть не вы приносите, а... Ну, если кто-то будет к ней приходить.

– Я принесу, – кивнул Винсент. – Мы все будем навещать Елену. Надеюсь, ее здоровье станет лучше.

Серьезность его тона была трогательна и очень как-то необычна.

«А может, ничего во всем этом нет необычного? – подумала Рената. – Может, таких вот людей – вдумчивых, серьезных, каких-то повседневно серьезных – теперь много, а просто я об этом не знаю? Я ведь действительно даже в театр не хожу. Дом – работа – дом... Ничего я теперь ни про что не знаю!»

Глава 11

Петроградскую сторону Рената любила уже за то, что здесь находился Первый медицинский институт, а значит, местность эта была связана для нее с годами учебы, то есть с лучшими воспоминаниями юности. Но главное, ей нравилась не петербургская какая-то разбросанность, непредсказуемость здешней архитектуры, ее живая асимметрия. И то, что едва ли не все угловые дома представляют собою замки с башенками, и то, что на речных берегах, не одетых в гранит, можно сидеть как в деревне, и так она когда-то и сидела на этих берегах в студенческие годы, уткнувшись в конспект, ничего из окружающей красоты не замечая... Впрочем, обычная для Петербурга стройность, которой присуща была главным здешним проспектам, Кронверкскому и Аптекарскому, ей нравилась тоже.

Только давно она здесь не была, на Петроградской стороне.

Поэтому теперь, идя рядом с Винсентом по Кронверку, Рената чувствовала себя так, словно вернулась в свой город, знакомый до слез.

– Новикова очень хорошо Катерину Ивановну сыграла, – сказала она.

Спектакль «Братья Карамазовы» закончился всего час назад, и Рената еще находилась под сильным от него впечатлением.

– Правда? – Сразу стало заметно, что Винсент обрадовался: лицо его осветилось. – Значит, вы думаете, я не напрасно задержал премьеру до ее здоровья?

– Не напрасно.

Невозможно было не улыбнуться чистоте его радости, и Рената улыбнулась.

– Все-таки ее здоровье еще не очень хорошо. – Так же мгновенно, как радость, набежала на его лицо тень. – Когда я сегодня вошел к ней в примерную после спектакля, она лежала на кушетке и даже не могла подняться. Она даже не могла выйти на поклонны.

– Что поклонны! – хмыкнула Рената. – Она даже ребенка своего не стала кормить. Правда, у нее и молока с самого начала почти не было. Что неудивительно. Такая вот принесена жертва ради возможности работать с вами, – добавила она неодобрительным тоном. – Вы можете гордиться самоотверженностью своей актрисы, Винсент.

– Вам это выглядит неправильно?

Он взглянул искоса и, кажется, виновато.

– Это ее личное решение, – пожала плечами Рената.

– Но вам такое решение не нравится, да?

Приостановившись, он смотрел на Ренату испытующим взглядом. При его огромном росте это могло бы выглядеть подавляюще, но взгляд его исключал самое предположение о том, что он может кого-то подавлять.

– Не нравится, – подтвердила Рената. – Это, конечно, выглядит очень эффектно – жертва во имя искусства и прочее в таком духе. А ребенок, безусловно, не так эффектен, и родить его дело нехитрое. Но по сути...

Что «по сути», договаривать она не стала. В ее арсенале не было слов, которыми можно было бы объяснить такие вещи.

– По сути, вы правы, – сказал Винсент. – Но знаете...

Он тоже замолчал. Они стояли друг напротив друга в самом конце Кронверка, у ограды парка, волны вечернего апрельского воздуха накатывались на них из-за деревьев, они тревожили, эти волны, но в приносимой ими тревоге была необъяснимая радость, которую Рената чувствовала сама и чувствовала, что ее же чувствует и Винсент... И непонятно было, много ли значат при этом слова, которые они передают друг другу с какой-то бережной поспешностью.

Может быть, слова не значили ничего. Но все-таки Рената нарушила молчание.

– Вы думаете, я не сумею понять то, что вы хотите сказать? – спросила она.

– Нет, я так не думаю. – Винсент улыбнулся своей серьезной улыбкой. – Я знаю, что вы сумеете понять все. Я сейчас думаю только, чтобы правильно выразить свою мысль по-русски. Да, вот так... Мне кажется, – твердо сказал он, – то, что вы назвали жертвой иронически, все-таки и есть настоящая жертва. И способность ее принести вызывает у меня уважение.

– Способность пожертвовать здоровьем своего ребенка?

– Нет. Понимать, что, если ты стала актрисой, это получилось не просто так. Не для обычного каприза. Это было решение, может быть, страшное. Я думаю, это надо честно понимать. Но не все умеют это понимать. Знаете, – снова улыбнулся он, – я недавно слышал, как молодая актриса давала интервью и сказала: «Как только я узнала про мою беременность, то позвонила режиссеру и сообщила, что не поеду завтра на гастроли в провинцию, потому что это может быть неблагоприятно для здоровья моего ребенка». И еще она сказала в интервью, что, возможно, когда-нибудь ей надоест играть на сцене, и тогда она станет ландшафтным дизайнером. Так тоже бывает у актрис, – словно извиняясь, объяснил он. – И это, конечно, рационально – думать о своем будущем. Но мне это очень противно. И когда я был в Москве в таком доме, где живут старые актеры, которые не

захотели иметь семью и детей, потому что всю свою молодость и жизнь они хотели только играть на сцене... Может быть, они были не правы и можно было играть на сцене, но все-таки иметь семью. Но такой выбор, который сделали они, вызвал у меня больше уважения, чем тот выбор... Ландшафтный дизайн. Вы думаете, я не прав?

И в голосе его, и во взгляде снова мелькнули извиняющиеся интонации, отблески. Рената почувствовала, что сердце ее тонет в его взгляде и голосе. Это было такое неожиданное и такое странное ощущение, что она растерялась.

Но молчать в ответ на его простой вопрос ей все-таки было неловко.

– Я не знаю, Винсент, – глядя снизу вверх в его серьезные глаза, сказала Рената. – Я ведь живу совсем в другом мире. Он очень обыкновенный, мой мир. Он просто обыденный, и я это прекрасно понимаю.

Обыденность своей жизни Рената в самом деле сознавала ясно, хотя не стала бы утверждать, что такая обыденность явилась результатом ее сознательного выбора. Да нет, как-то само собой давным-давно получилось, что вот она работает, вот растит дочь, и чем большего она достигает в своей профессии, и чем взрослее становится дочь, тем больше времени, больше сил требуют оба эти главных процесса ее жизни. Рената даже не заметила, когда же эти два процесса заполнили всю ее жизнь, стали единственным ее содержанием.

Жизнь лишь изредка и ненадолго поворачивалась к ней какой-нибудь неожиданной стороной, да и не поворачивалась даже, а лишь мелькала. И только во время этих кратких промельков Рената так же кратко ее, жизнь свою, видела со стороны.

Она вдруг вспомнила, как однажды, лет десять назад, когда наконец собралась показать десятилетней Ирке столицу, столкнулась в кассах Московского вокзала со знакомой. Знакомая была из тех, кого называют шапочными – виделись несколько раз в гостях у общих друзей; Рената с трудом вспомнила ее имя – Наташа.

Наташа встрече обрадовалась: накануне зимних каникул очередь в кассу была длинная, и ей, наверное, кстати показалась возможность скоротать время за болтовней.

Рената предпочла бы выстоять очередь молча, но выказывать это постороннему человеку было как-то неловко. Тем более что Наташа и не требовала от нее активной беседы – в основном говорила сама и с удовольствием.

– Вы на какой поезд берете, на «Красную стрелу»? – сразу поинтересовалась она.

– Нет, – ответила Рената. – На какой-нибудь попроще.

– Да, «Красная стрела» стала безумно дорогая, – вздохнула та. – Но я все-таки на нее всегда беру. Не могу себе в этом отказать. Как-никак лучшие воспоминания молодости с ней связаны.

– Какие?

Нельзя сказать, что Ренату интересовали воспоминания Наташиной молодости, но из вежливости она об этом спросила – видела, что Наташе не терпится ими поделиться.

– Да чудесные, какие же еще! Я ведь тогда хорошенькая была, просто как ангелок. – Наташа сделала паузу, легким движением поправила упавший на лоб светлый локон. Не дождавшись от собеседницы дежурного комплимента, она продолжила: – Вся богема была без ума – писатели, художники. Ни одни посиделки без меня не обходились! А тогда ведь, вы помните, злачные заведения с вечерними петухами закрывались – еще ни вдохновенные разговоры не закончены, ни великие планы друг другу не изложены, ну и романы сумасшедшие тоже... В общем, мы ехали на вокзал, к «Красной стреле», и продолжали общение в вагоне-ресторане. Туда в те времена без билета пускали.

– Но сколько же можно было в вагоне-ресторане сидеть? – Ренату наконец заинтересовал этот разговор. – Поезд ведь за полчаса до отправления подадут.

– А мы оттуда и не выходили! – радостно воскликнула Наташа.

– Как?

– Да очень просто! Спокойно могли вместе с поездом уехать. День потом в Москве болтались, а вечером той же «Красной стрелой», в том же вагоне-ресторане обратно. Кто в молодости не был безрассуден? – со смехом добавила она.

Рената промолчала. Отчасти, конечно, потому, что вопрос был риторический. Но больше по другой причине...

Она не была безрассудна ни в молодости, ни даже в ранней, самой первой юности. И стоило ли удивляться, что безрассудство не стало ей свойственно в зрелые годы? Не стоило, конечно, этому удивляться.

Но отчего же охватила ее вдруг такая печаль, что чуть слезы из глаз не хлынули? Почему вся ее жизнь, которая всегда казалась ей совершенно правильной, да не казалась, а такой и была, предстала перед нею какой-то однообразной равниной, где не за что зацепиться ни взглядом, ни чувством?

Тогда, десять лет назад, этот разговор долго тревожил ее голову и сердце. А теперь он лишь мелькнул коротким воспоминанием. Как будто

птица пролетела в ночном лесу у самой головы и почти коснулась крылом щеки, но ведь только почти...

Рената встряхнула головой, отгоняя это непрошеное виденье.

– Видите, какой дом загадочный? – стараясь, чтобы голос звучал беспечно, сказала она.

– В том парке? – Винсент проследил за ее рукою таким взглядом, что Ренате показалось, будто от ее руки протянулась в самую глубину парка заволаживающая нить. Она даже будто бы блестела, эта нить, от того, что Винсент смотрел на нее. – Да, я его заметил. Но у меня до сих пор не было времени пойти туда и узнать, какая загадка находится в том доме.

И снова он словно бы извинялся перед Ренатой, на этот раз за свое нелюбопытство. Она улыбнулась.

– Там находится просто Институт ортопедии, – сказала она. – Ничего загадочного. Но здание красоты необыкновенной. И панно на нем необыкновенное, майоликовое. Его «Мадонной с фиалковыми глазами» называют. Хотя это как-то пошловоато звучит, на мой вкус.

Кажется, он не совсем понял ее слова. Наверное, просто не знал, что означает «пошловоато». Но Ренате вдруг показалось, он не понял ее слова потому, что ему неважен был их смысл. Только движение ее губ – он так смотрел на ее губы... Она смутилась, и смешалась, и отвела глаза, не зная, что сказать.

– Если хотите, можем по парку пройтись, – поспешно сказала Рената. – Там красиво. И эта Мадонна из майолики, и грот еще есть... Каменный, – зачем-то пояснила она. – Можно их посмотреть, а потом к речке спуститься.

Она забыла, что на улице уже совсем темно, и вряд ли получится разглядеть майолику, и парковая решетка наверняка заперта, а спускаться к воде в темноте не только трудно, но и опасно.

– Я хочу пройти по парку, – сказал Винсент.

И что говорил при этом его взгляд, нежный и серьезный? Совсем ли иное, чем слова? Рената не знала.

Речка Карповка – та самая, не скованная гранитом, – текла вдоль старинных казарм лейб-гвардии Гренадерского полка, вдоль корпусов больницы имени Эрисмана и Первого медицинского института. Ее пологие берега уже были покрыты первой майской зеленью, теперь, в темноте, невидимой. Спускаясь к воде, Рената почувствовала, как ее каблук скользнул по мокрой от вечерней росы траве. Она невольно вскрикнула, потому что испугалась, что сейчас шлепнется прямо в весеннюю грязь и как же глупо будет при этом выглядеть!

Последний раз она пугалась чего-то подобного, кажется, в десятом классе. А уже на первом курсе института ей было не до таких вещей. И всю жизнь потом ей было не до них.

Винсент быстро взял ее под руку. И она схватилась за его руку, и не за руку даже, а каким-то странным образом – за ладонь; конечно, тоже невольно, машинально. Он сжал пальцы – тихо, осторожно; Ренатина рука вздрогнула в его ладони и замерла. Они стояли на поросшем травой косогоре, их обступала сплошная тьма – только река блестела внизу стальной холодной гладью, и только в их соединенных ладонях дышало тепло, так неожиданно ставшее для них общим, единым.

Так же тихо, осторожно, как сжимал ее пальцы, Винсент взял Ренату за плечи и развернул к себе лицом. Все-таки он был очень молод. И трепет, душевный и телесный, рождался в нем сразу, мгновенным ответом на любое впечатление жизни, как и следует тому быть в молодости. Но почему схожий трепет родился и в ней? Рената не знала. Может, как отзвук, отсвет, дуновение его трепета?

Как бы там ни было, а она смутилась. Странно было стоять в темноте над рекой в объятиях мальчика, к которому она просто пришла на спектакль и с которым больше никогда не увидится, потому что спектакль окончен.

Рената осторожно, чтобы Винсент не обиделся, высвободилась из его объятий. И с удивлением почувствовала, как при этом в ее сердце дрогнуло что-то похожее на сожаление. Но о чем же ей было сожалеть?

– Вон там я училась, – громко, как экскурсовод, произнесла она, кивая на противоположный берег реки. – Там Первый медицинский институт. А рядом ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический. В мои времена считалось, что студенты там особенные. Теперь бы сказали – элитарные. Да так оно и было, наверное. У нас на курсе половина девчонок за инженеров замуж вышли, благо, ходить было недалеко. «Братьев Карамазовых» вы здесь поставили, – вдруг, не ожидая от себя этих слов, и без паузы даже, сказала она. – Теперь уедете?

Винсент ответил не сразу. Наверное, она все-таки обидела его тем, что выскользнула из кольца его рук.

– Да, – наконец сказал он. – Теперь уеду.

И замолчал. В том, как они молчали вместе еще полчаса назад, не было ни капли неловкости; это удивило ее тогда. А теперь их общее молчание показалось ей тягостным. Но как эту тягость избыть, Рената не знала.

– Вы говорили: «В мои времена», – вдруг сказал он. Может, все-таки не очень обиделся на ее поспешное высвобождение из его объятий? – Но

почему?

– Что – почему? – не поняла она.

– Вам кажется, что ваши времена прошли? Но почему вам это кажется?

Я не понимаю.

По серьезности его взгляда и тона Рената поняла, что ему это действительно непонятно. Впрочем, взгляд у него всегда был серьезный; в этом было что-то трогательное, и от этого-то он и казался ей мальчиком.

– Потому что мне уже немало лет.

Она не смогла сдержать улыбку, отвечая ему. Хорошо, что было темно: скорее всего, он ее улыбку не заметил.

– Немало – это означает сколько?

– Сорок два.

– Это кажется немало, только когда тебе шестнадцать.

– А потом?

Интересно, что он ответит?

– А потом ты живешь и живешь, и время живет вместе с тобой, и ты перестаешь его отмечать.

Он говорил по-русски довольно грамотно и все-таки с легкой неправильностью. В этой неправильности заключалась такая же прелесть его речи, как в серьезности – прелесть его взгляда.

– Сорок два года – это не значит, что жизнь прошла, – сказал он.

И в прямолинейности его слов тоже была прелесть. Обаяние было в нем невероятное, вот что.

– А сколько вам лет, Винсент? – снова не сдержав улыбку, спросила Рената.

– Двадцать шесть.

Он выглядел моложе. Почти как ее Ирка, а Ирке двадцать один год недавно исполнился.

– Вы теперь в Амстердам уедете? – спросила Рената.

Все-таки ей не хотелось обсуждать с ним такую скользкую тему, как возраст мужчины и женщины. Непонятно почему, но не хотелось.

– Нет. Теперь я уеду в Москву.

– Вы хотите перед отъездом посмотреть Москву? – догадалась она.

Но оказалось, что догадка эта неправильная.

– Я не хочу посмотреть. Я буду ставить там спектакль. Я уже ставил там спектакли и теперь буду еще. В России теперь происходит театральная буря, – объяснил Винсент. – И есть много интересных предложений. В Москве я буду ставить спектакль «Буря». Это пьеса Шекспира.

Что «Буря» – это пьеса Шекспира, Рената не то чтобы совсем не знала,

но как-то... Может, забыла, потому что слышала об этом давным-давно и мельком, а скорее всего, просто вся ее жизнь протекала слишком далеко от той местности, в которой протекала жизнь этого серьезного мальчика.

– У вас получится так же интересно, как «Братья Карамазовы», я уверена, – сказала она.

Он не ответил, только вздохнул, и как-то тяжело вздохнул. Она вдруг подумала, что и сама тяжело вздохнула бы, если бы Винсент сказал ей что-нибудь такое же холодно-вежливое. Ей стало стыдно за этот свой тон – зачем, в самом деле, она его взяла, от какого душевного беспокойства?

– Мне очень понравился ваш спектакль, – сказала она уже совсем по-другому, так, как и сразу хотела, как только и можно было сказать ему это – от сердца.

И, конечно, Винсент сразу почувствовал перемену ее тона.

– Спасибо, – ответил он.

В его голосе совсем не было той тяжести, которая только что слышалась во вздохе. В нем звучало какое-то очень простое чувство. Но какое, Рената не понимала.

Все-таки какой-то свет здесь, на береговом склоне, конечно, был. Во всяком случае, она увидела, как блеснули в этом неведомо откуда идущем свете его глаза.

Просто фонари, наверное, где-то поблизости горели.

– Я могу вас пригласить? – спросил Винсент. – Я хочу, чтобы мы поужинали в честь нашей премьеры. Мы все, – поспешно, словно предупреждая ее отказ, пояснил он. – Все актеры, и вообще все, кто делал спектакль. И вы.

– Но я-то почему? – улыбнулась она.

– Вы придете? – не ответив, переспросил он.

Невозможно было ответить отказом, глядя в эти серьезные карие глаза!

– Да, – сказала она.

Глава 12

«Да не все ли равно! У меня достаточно приличных платьев. И юбок, и блузок, и брюк, и костюмов... Нет, в ресторан все-таки лучше в платье... Господи, о чем я думаю!»

Рената сердито распахнула шифоньер, в зеркало которого зачем-то смотрелась вот уже полчаса. И о чем размышляла – о выборе наряда!

Она всегда, еще с юности, знала, что внешность у нее самая что ни на есть блеклая. А потом, с годами, стала догадываться, отчего это так: ей просто не хотелось принимать тот образ жизни, при котором женщина должна тщательно выстраивать свою внешность. Не хотелось создавать собственный стиль, возиться со множеством его мелких подробностей, выверять, какое впечатление этот стиль произведет на окружающих... И времени на это никогда не было, и сил, и главное – зачем все это, ради какого такого счастья?

Рената давно заметила, что тщательно подобранная, привлекающая внимание одежда – удел женщин с сомнительным вкусом. Вот им-то в самом деле приходится следить за каждой деталью своего гардероба, чтобы как-нибудь свой врожденный вкусовой изъясн не выдать. Она же на вкус никогда не жаловалась, и к тому же ее не терзала та страсть, которая не дает покоя многим женщинам, – потребность как можно чаще приобретать все новые и новые вещи.

Рената обновляла свой гардероб крайне редко и неохотно. Правда, она позволяла себе покупать что-нибудь дорогое, но это дорогое каким-то загадочным образом тоже оказывалось до того неброским, что сразу становилось на ней незаметным, и это получалось само собою, совершенно независимо от ее намерений.

Когда-то, еще в советские времена, у мамы была приятельница, муж которой служил капитаном дальнего плавания. Через эту-то приятельницу и доставались иностранные вещи как раз такого толка, который нравился Ренате: не бросающиеся в глаза, но отмеченные хорошим вкусом. Ну а в новые времена, когда отпала необходимость одежду доставать и стало возможно ее просто покупать, и покупать с большим выбором, Рената вообще перестала об этом думать.

К своему большому удивлению, не так давно она заметила, что стала выглядеть очень современно. Заметить это было нетрудно: схоже с нею выглядели теперь голливудские звезды, притом не только ее ровесницы, но

и те, что были гораздо ее моложе. Конечно, так, как всегда выглядела она, то есть неброско и даже блекло, они выглядели все-таки не на Каннской лестнице и не на вручении «Оскара». Но вот в повседневной своей жизни, которую тщательно отслеживали папарацци, актриса с гонораром в десять миллионов долларов вполне могла надеть прямое однотонное платье без всякой отделки. Не говоря уже про самые обыкновенные джинсы с белой майкой.

В общем, к сорока Ренатиным годам оказалось, что привычная ей невыразительность – это и есть нынешний стиль. А дамы в тщательно вывязанных многоцветных шالях, с огромными кольцами авторской работы на пальцах – это жуткая пошлость, над которой принято посмеиваться.

Рената взглянула на единственное свое колечко – тоненькое, словно из золотой проволоки, с крошечным бриллиантом. В шестнадцать лет, к окончанию школы, оно досталось ей на память о прабабушке Флори, было надето на палец и забыто, словно бы истаяло у нее на пальце. При ее профессии это было самое что ни на есть удобное колечко, потому что оно не мешало оперировать.

То, что при таком вот отношении к своей внешности Рената вдруг, ни с того ни с сего, на полчаса застыла перед шифоньером, выбирая одежду, было достойно удивления. И для чего – чтобы пойти в ресторан! В ресторанах она не бывала, что ли?

Конечно, Рената не была завсегдатаем злых мест, но ресторан гостиницы «Европейская» знал, наверное, каждый, чья молодость прошла в Ленинграде. Да и в дореволюционном Петербурге тоже – «Европейская» появилась на Михайловской улице еще в позапрошлом веке.

Удивительно только, что Винсент решил отпраздновать свою премьеру именно здесь: ресторан этот, в который раньше приходили даже студенты – Ренатина группа отмечала в нем диплом, – сделался теперь едва ли не самым дорогим в городе.

Но, в конце концов, ее ли дело считать деньги в чужом кармане?

Рената быстро перебрала немногочисленные вешалки в шифоньере и выудила оттуда платье жемчужно-серого цвета. Оно было очень простое, этим ей и нравилось. Правда, платье было без рукавов, и это заставило ее слегка поколебаться, когда она его покупала. Но тогда же она и рассудила, что руки у нее не обезображены жировыми валиками, поэтому их можно еще не прятать.

Пока она так глупо размышляла бог знает о чем у зеркала, до назначенного Винсентом времени осталось полчаса. Значит, она неизбежно

должна была опоздать. Рената терпеть не могла куда бы то ни было опаздывать, потому и рассердилась на себя за бессмысленность и странность своего промедления.

Она торопливо застегнула узкое, в три нити под самую шею, колье из серого жемчуга, набросила на плечи бледно-серый шелковый палантин и, больше в зеркало даже не взглянув, вышла из комнаты.

Все-таки она в последний раз была в «Европейской» так давно, что успела забыть ее почти совершенно. И роскошный мраморный холл, и величественную лестницу архитектора Лидваля, и главный зал с высокими витражами, с летящей по розовым облакам Аполлоновой колесницей...

После лидвалевской широкой Рената поднялась еще по узкой деревянной лестнице в отдельный кабинет – в ложу, которая нависала над залом. Зал выглядел сверху особенно торжественно – сверкал его мрамор, еще ярче сверкали хрустальные люстры, таинственно мерцала старая зеленоватая бронза, ярко, как елочные игрушки, поблескивали огромные старинные китайские вазы, которыми он был украшен.

Рената увидела Винсента сразу, как только поднялась в ложу, хотя за столом он сидел, конечно, не один. Но Рената увидела только его, и это ее поразило, и еще больше поразила ее радость, которая при этом сжала ей сердце.

Ведь она и видела-то его в четвертый раз, и что могло значить в ее жизни такое краткое и случайное знакомство! Ну да, в первый раз она увидела его, когда он привез в больницу свою актрису Лену Новикову, во второй – когда приходил однажды навестить роженицу, в третий – после премьеры, на которую он пригласил Ренату как врача своей актрисы, что было с его стороны совершенно естественно, и вот сегодня – в четвертый раз.

«Любовью с первого взгляда это, по крайней мере, считаться не может», – подумала Рената.

Ну как, ну с чего вдруг подобная мысль могла родиться у нее в голове? Как будто дело в том, с первого взгляда или не с первого! Да какая вообще может быть любовь?!

В ложе было прохладно. Идя по проходу между столами, Рената стянула у себя на груди палантин. Как будто его невесомая, неосязаемая ткань могла ее согреть.

Винсент поднялся из-за стола и пошел ей навстречу. Ей показалось, что он идет слишком быстро. Или это она шла слишком быстро?..

Они остановились в шаге друг от друга, как будто в одну и ту же

минуту наткнулись на какое-то препятствие, и посмотрели прямо друг другу в глаза с такой растерянностью, которой ни один из них от себя не ожидал. Рената, во всяком случае, точно ничего подобного от себя не ожидала. Она растерялась от того, что почувствовала в эту минуту.

– Я рад, что вы пришли, – наконец произнес Винсент. – Я благодарен вам, что вы пришли.

– И я... – Никогда в жизни она не казалась себе такой беспомощной в словах, да и во всем своем поведении! – Я тоже очень рада... Я скучала о вас!

Эти слова вырвались у нее так неожиданно, что она не успела их остановить. Оставалось лишь надеяться, что он все-таки не совсем точно понимает строй русской речи и поэтому примет их за обычные слова вежливости.

Винсент улыбнулся. Можно было сердце отдать за такую улыбку.

– Проходите. – Он легко, осторожно взял ее под локоть. От его руки исходило тепло; Рената почувствовала его сквозь шелк палантина. – Это Рената Флори, – обратился Винсент ко всем собравшимся. И, снова обращаясь к одной лишь Ренате, сказал: – Мы оставили для вас вот этот стул.

Он кивнул на свободный стул рядом с тем, с которого только что встал сам. Но прежде чем Рената успела подойти к этому стулу, какой-то молодой человек вдруг резко поднялся со своего места на противоположной стороне стола и уселся на него. Теперь свободных мест, которые находились бы рядом, за столом не осталось.

Молодой человек смотрел на Ренату вызывающе: мол, что ты, интересно, будешь делать – со стула меня сгонять? Весь вид его был каким-то нервным, но взгляд при этом – холодно-трезвым. Это было особенно заметно по тому, что большинство участников компании уже производили впечатление людей крепко выпивших и успевших расслабиться. Да и тосты все, похоже, уже отзвучали, и выпивка шла теперь непрерывно.

Молодой человек откинулся на спинку стула, словно подтверждая, что никто его с этого места не сдвинет.

«Детский сад какой-то! – сердито подумала Рената. – Игры для младшей группы».

Бороться с кем бы то ни было за свободный стул она, конечно, не собиралась. И рассердилась только на себя – за то, что испытывает в этой дурацкой ситуации какую-то необъяснимую досаду. Да ничего не надо в такой ситуации испытывать! Ее ли это дело?

Высвободив локоть из руки Винсента и не обернувшись на него, Рената

обошла стол и села на свободное место. Винсент постоял немного у стола – вид у него при этом был какой-то странный. Может быть, растерянный? Потом он сел на свой стул, и при этом вид у него стал уже понурый.

Чувствуя, что досада ее никак не проходит, Рената обвела взглядом стол. Лены Новиковой среди собравшихся не было.

«Плохо еще себя чувствует, наверное, – подумала Рената. – Интересно, лекарства она хоть пьет?»

И тут же поняла, что совершенно ей это неинтересно. И что подумала она об этом машинально – так, скользнуло что-то по краю сознания.

Эта машинальность удивила Ренату. До сих пор мысли о работе заполняли ее голову постоянно, и она так привыкла к этому, что теперь собственная голова показалась ей пустой как воздушный шарик. Или нет, воздушный шарик ведь не пустой – он наполнен каким-то легким газом, гелием, кажется, да, легким гелием... Ей тут же показалось, что и ее голова наполнена теперь каким-то легким газом. И что этот газ – растерянность.

Тем временем разговор за столом приобретал все более бурный характер. Это был уже не разговор, а спор.

– Все образы давно существуют в ноосфере, – постукивая вилкой по краю тарелки – наверное, для большей убедительности, – говорил полноватый, неуклюжий парнишка; в спектакле он играл Алешу Карамазова. – Их надо только уметь оттуда взять.

Прагматизм, прозвучавший в этих словах, был так по-юношески наивен, что, будь у нее другое настроение, Рената улыбнулась бы. Но сейчас настроение у нее было плохое, она старательно обходила взглядом Винсента, ей было не до улыбок, и слова мальчика ее не развеселили.

– Кому надо, те уже все взяли, – возразил другой парень, высокий и ладный; он играл старшего брата Митю. – Нам с тобой ничего не оставили.

В отличие от пылкого Алеши этот выглядел мрачным.

«Просто выпивка на всех по-разному действует, больше ничего», – раздраженно подумала Рената.

Ей неприятно было сознавать причину своего раздражения.

– Это кто же, например, чего взял? – удивился Алеша.

– Например, Достоевский. Чего, чего... Да ничего! Взял и «Карамазовых» написал.

В их разговоре была такая неизбывная бессмысленность, которую, как показалось Ренате, невозможно было списать на пьяное состояние собеседников.

– Да просто повезло ему! – вдруг услышала она. – Просто реально повезло.

В отличие от вяловатой растянутости, с которой звучали голоса Алеши и Мити, этот голос прозвучал резко, даже как-то зло. Обведя взглядом стол, чтобы понять, кто произнес эту фразу, Рената встретила холодный взгляд того самого худого парня, который зачем-то пересел на приготовленный для нее стул. Он играл Ивана Карамазова; теперь она это вспомнила.

– Кому повезло? – спросил Алеша.

Похоже, он был тугодумом, и не только из-за водки, которую то и дело подливал себе в стакан, предназначенный для минеральной воды.

– Достоевскому, – усмехнулся Иван.

– В каком смысле? – поморщившись от проглоченной водки, снова спросил Алеша.

– Повезло, что эпилептик был. Как припадок накатывал, так он же практически в другой мир переходил. Потом бери да пиши что видел – не вопрос.

Иван тоже говорил со слегка растянутыми интонациями, но не от вялости или водки, а от злой уверенности, которой дышал весь его облик и особенно взгляд.

Официант принес жюльен в серебристых кокотницах, принялся расставлять его перед гостями. Иван резко сдвинул стул в сторону, чтобы официант не загромождал от него Ренату. Она почувствовала, что его почему-то интересуют ее реакция. Хотя чего бы ради ему интересоваться впечатлениями какой-то незнакомой припожиленной тетки? Тем более что почти рядом с ним сидела за столом актриса, игравшая Грушеньку, и от нее ощутимо, как ветерком, веяло такой дразнящей юной прелестью, что о ее внимании должен был бы мечтать всякий нормальный мужчина.

«Умеет господин Винсент Ван Бастен актрис выбирать», – подумала, глядя на нее, Рената.

Словно в подтверждение ее мыслей, Грушенька бросила на Винсента взгляд, который показался Ренате откровенно влюбленным.

Но Иван Карамазов совсем не обращал внимания на милую Грушеньку. Он в упор смотрел на Ренату. И взгляд его был так же неприятен, как его открытая и совершенно непонятная к ней неприязнь.

Она отвернулась. В конце концов, не мешало бы и поесть – зря, что ли, пришла в ресторан? Рената придвинула к себе хрустальную тарелку, на которой лежали маринованные миноги.

Но ее уловка не помогла.

– Считаете, я глупости говорю? – снова раздался громкий, резкий голос Ивана.

Делать вид, будто она не понимает, к кому обращен вопрос, было глупо.

Рената прямо посмотрела на своего назойливого визави.

– Если отбросить вежливые экивоки, то да, – сказала она.

– Даже так?

Он сощурился; глаза сверкнули узко и зло.

– Именно так.

– Почему же, интересно?

– Ничего интересного, – отрубил Рената. – Глупо и пошло считать болезнь какой-то... – Она хотела сказать – предпочтением, но сообразила, что Иван может и не знать этого слова. – Каким-то... бонусом. А говорить, что человеку повезло быть эпилептиком, – это, по-моему, не только пошло, но и подло.

Все-таки привычка одними людьми руководить, а за жизни других отвечать давала о себе знать – Рената умела быть резкой.

Почувствовав в себе эту резкость, она в ту же минуту почувствовала и уверенность в себе и наконец решилась посмотреть на Винсента. Он смотрел на нее не отводя взгляда, и взгляд его был печален. Тарелка перед ним оставалась полной – он не притронулся к еде. И бокал с вином стоял рядом с тарелкой нетронутый.

– Если смотреть на искусство с точки зрения бытового удобства, то конечно, – насмешливо произнес Иван. – Конечно, эпилепсия – это нехорошо.

По его тону было понятно, что он даже не предполагает, чтобы такая женщина, как Рената, могла смотреть на искусство с какой-нибудь другой, кроме как бытовой, точки зрения.

Она же, в свою очередь, не предполагала, что дерзкие слова какого-то мальчишки могут так ее задеть.

– Я... – произнесла она, задыхаясь от волнения. – Вы совершенно не правы!..

Она почувствовала, что щеки у нее гневно запыхали, чего не происходило с нею, кажется, уже лет двадцать, если вообще происходило когда-либо.

Внизу, в большом зале, на сцене, расположенной под Аполлоновой колесницей, заиграл притихший было оркестр. Зазвучало танго.

– Горячее когда подавать? – спросил официант.

Его вопрос был обращен к Винсенту. Но он официанту не ответил.

Винсент встал и, обойдя стол, оказался рядом с Ренатой. Он сделал это так быстро, даже порывисто, что упал отставленный им стул.

– Я могу пригласить вас танцевать? – спросил он, глядя на сидящую Ренату с высоты своего роста.

Она тоже невольно встала, и тоже порывисто – конечно, только потому, что ей неловко было заирать голову. Танцевать ей совсем не хотелось: гнев был не лучшим сопровождением для танцев.

Но Винсент понял ее порывистое движение именно как желание потанцевать. Он взял ее под руку – прикоснулся к локтю тем же легким, осторожным движением. Вот только когда он сделал это в первую минуту ее появления, Ренату взволновал его жест. Теперь же она почувствовала лишь, что гнев сменяется в ее душе унынием.

«Он хочет меня успокоить, – подумала она. – Успокоить, отвлечь. Чтобы я не чувствовала себя среди близких ему людей такой чужой. Такой старой... И такой серой».

Она вдруг отчетливо, остро, болезненно ощутила свою внешнюю, уже ставшую привычной, блеклость как часть блеклости общей, внутренней, составляющей самую суть ее незамысловатой натуры. И стоило ли при этом обижаться, что даже молодой человек, которому злость заменяет ум, воспринял ее как часть бытового пейзажа?

Как воспринимает ее Винсент, думать ей вообще не хотелось.

Рената повела локтем, освобождаясь от его руки.

– Извините, – сказала она, – у меня голова разболелась. Я пойду.

И, ни на кого больше не глядя, не оборачиваясь, пошла к дверям.

Глава 13

Рената сбежала по мраморной лидвалевской лестнице стремительно, как Золушка. Вот только туфельку не потеряла – видно, такой рисунок не был предусмотрен ее судьбой. И давно она уже была не в том возрасте, когда ждут принца.

«Да и никогда я его не ждала», – думала она, быстро переходя через площадь Искусств под рукой у бронзового Пушкина.

Дома зодчего Росси обступали ее со всех сторон. Вид прекрасных, классически строгих питерских зданий всегда вносил мир в Ренатину душу. Но сейчас этого не происходило – впервые в ее жизни.

Она прошла до конца Итальянской улицы, вышла на узкий мостик, перекинутый через канал Грибоедова. На мостике, как всегда, играли уличные музыканты. Странно, что они играли даже теперь, вечером. В весенней тревожной тьме их музыка звучала уныло. Да нет, это просто настроение у нее сейчас унылое, и нечего на музыкантов пенять.

Рената остановилась на мосту, глядя на тускло-зеленую воду канала. Ее душили слезы.

«Я сама виновата, – думала она, судорожно эти дурацкие слезы сглатывая. – Я стала рутиной. – Наверное, это была не очень правильная фраза, но Ренате было сейчас не до правильности фраз. – Да-да, рутиной. Что такое моя жизнь? Работа – дом – работа. И все это я знаю уже до мелочей, во всем этом нет ничего такого, что будило бы... Да хотя бы воображение будило! Я превратилась в какую-то унылую функцию. Еще вздумала смеяться над пафосом, с которым эти дети рассуждали о Достоевском и ноосфере! А сама вообще, между прочим, только приблизительно знаю, что это за ноосфера такая. Мне просто незачем стало это знать. Чтобы делать кесарево и покупать свежие булки у метро, ноосфера ни к чему. И... И что я о себе вообразила? Какие чувства я могу вызывать у мальчика, который весь – порыв, трепет, у которого и мысль, и чувство светятся в глазах? Даже интереса я не могу у него вызывать, элементарного человеческого интереса, не говоря уже о... Господи, какая глупая фантазия пришла мне в голову, и почему вдруг, и зачем, зачем?!»

Слезы, которые она так старательно пыталась сдержать, все-таки потекли по ее щекам. Давно уже остыли ее щеки от гнева, потому что не было в ее жизни места таким сильным чувствам, как гнев. Она сама не заметила, как это произошло, что в ее жизни не стало места сильным

чувствам, но произошло же, и никакие перемены уже невозможны, потому что не может человек переменить свою душу, не может заставить кровь быстрее бежать по жилам. Это тебе не гемоглобин повысить, попил таблеток – и готово.

Вот пожалуйста, даже сейчас ей в голову приходят какие-то медицинские сравнения. От осознания этого силы оставили Ренату совершенно – ноги подкосились, она присела на корточки и в голос зарыдала. Как противна она была себе при этом! Осталось только с моста в воду броситься, как Бедная Лиза какая-нибудь.

Наконец она сумела сдержать слезы – для этого ей пришлось изо всех сил прижаться лбом к холодной чугунной решетке моста. Глупо было плакать. Глупо и, главное, бессмысленно. А жизнь ее так долго – да какое долго, вообще всегда! – была сплошь осмысленной, что этот главный аргумент и сейчас оказался действенным.

Уличные музыканты перестали играть. Рената заметила, что один из них направился к ней. Наверное, решил спросить, не нужна ли помощь, – глаза на его испитом лице были сочувственные, как у Иисуса на старинной пасхальной открытке.

Так оно и оказалось, конечно.

– Вам плохо? – спросил музыкант. – Может, врача вызвать?

– Нет, спасибо, – ответила Рената. – Я сама врач. Все у меня хорошо.

Ей было неловко перед этим сочувствующим человеком. Что, в самом деле, разревелась как дитя? Она ведь прекрасно умеет держать себя в руках.

И в ту самую минуту, как она об этом подумала, Рената почувствовала, что ее плеч касаются другие руки. Она не ожидала этого. Она не могла этого ожидать! Но ей вдруг показалось, что она вот именно ждала этого всегда. И даже не то что ждала... Это не могло быть иначе, вот что ей показалось.

Она замерла, не решаясь обернуться. Руки Винсента лежали у нее на плечах. Она чувствовала их тепло сквозь плотную ткань плаща так же явственно, как недавно сквозь тонкий шелк палантина. Наверное, и голым телом она почувствовала бы их тепло точно так же.

От этой мысли – ясной, просто физически ощутимой мысли – Ренату бросило в жар.

Она не могла проговорить ни слова. Винсент тоже молчал.

«Надо обернуться, – судорожно, так же, как пульсировала в висках кровь, забились у нее в голове мысли. – Я все-таки старше, чем он, мне проще держать себя в руках. Надо обернуться, сказать ему, что я...»

Но что она должна ему сказать, Рената не знала. И держать себя в руках было ей совсем не просто.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Винсент. – Простите меня.

И звук его голоса оказался таким спасительным, принес такое облегчение! Рената обернулась, стараясь, чтобы его руки не соскользнули с ее плеч. А это не могло получиться иначе, чем если бы она оказалась в его объятиях. Так оно и получилось – она замерла в кольце его рук, прижимаясь щекой к его груди.

– Вы не могли меня обидеть, – поднимая на него глаза, сказала Рената. – Это просто невозможно.

Он улыбнулся. Его улыбка сверкнула над нею высоко, как луна над водой в просвете неба.

– Я не должен был позволить, чтобы Игорь показывал вам свою злость.

– Какой Игорь? – удивилась Рената. И сразу догадалась: конечно, это о том актере, который играл среднего из братьев Карамазовых и которого она поэтому называла про себя Иваном. – А!.. – улыбнулась она. – Я не знала, как его зовут.

– Он в самом деле недобрый человек, – с удивительными своими, глубоко серьезными интонациями объяснил Винсент. – Это его натура, как натура Елены – фанатичность, которую вы в ней сразу заметили. Это, я думаю, уже нельзя изменить в каждом из них. И я расчетливо использовал природу Игоря в спектакле. Но спектакль кончился. А я позволил его натуре проявляться рядом с вами. Простите меня, – повторил он.

От того, что он объяснял все это, обнимая ее, от того, что и улыбка его, и серьезные глаза сияли при этом вровень с луной, – от всего этого Ренате хотелось не то плакать, не то смеяться. Чувства ее были так остры и свежи в эту минуту, что голова кружилась от них больше, чем от свежести весеннего ветра, который порывисто веял над водою канала Грибоедова.

«До чего же он красивый! – с наивным, детским каким-то восторгом подумала Рената. – Глаза эти, волосы падают на лоб, губы...»

Она подняла руку и коснулась пальцем его губ. Он словно ждал этого – поцеловал ее палец, потом ладонь, потом наклонился... Его губы коснулись ее губ с такой осторожной нежностью, что в пору было снова заплакать. Но Рената не заплакала – она вскинула руки и, обнимая Винсента, ответила на его поцелуй с такой страстью, которой не могла от себя ожидать.

А все остальное – разве она могла ожидать от себя этого остального? Того, что сердце забьется навывлет, что вся ее жизнь сосредоточится в кольце его рук и ей не захочется разомкнуть пределы этого счастливого кольца... Господи, да с нею ли все это происходит?!

Но задуматься об этом Рената не могла. Она вообще утратила способность обдумывать свои поступки, ту способность, которую привыкла считать главной в своем повседневном поведении. Наверное, дело было в том, что из ее жизни ушло сейчас, улетучилось все повседневное.

– Мы пойдем ко мне? – спросил Винсент.

Не совсем и спросил даже – интонация была полуутвердительная-полувопросительная. Рената почувствовала, что сердце его замерло при этом, как будто в ожидании.

– Да, – сказала она.

И что еще она могла бы сейчас ему ответить? И, главное, зачем было отвечать ему что-то другое?

Винсент жил на Васильевском, близ Тучкова переулка, среди маленьких, в шесть окон по фасаду, ампирных домиков, которые теснились в старой части острова. Дом, в котором он снимал комнату, был, впрочем, не ампирный, а попроще – обыкновенный питерский доходный дом начала двадцатого века.

– Здесь близко жила Ахматова, – сказал Винсент, когда они с Ренатой шли по Тучкову переулку. – Во-он в том доме, видите? Она его называла Тучка. Здесь у нее родился сын. И она написала, что Васильевский остров – это как будто плот.

Рената всю жизнь проработала на Васильевском, но о том, что здесь жила Ахматова, не знала. Ей стало стыдно перед Винсентом. Хотя вообще-то она не могла испытывать перед ним настоящий стыд. Ее чувство к нему было много сильнее стыда.

Они вошли в арку, потом в гулкую парадную с облупленной краской на стенах, потом поднялись по просторной лестнице на третий этаж.

В квартире стояла тишина. Из-за высоких потолков она казалась ощутимой, огромной.

– У меня очень старые соседи, – шепотом сказал Винсент, осторожно, чтобы не щелкнул замок, прикрывая входную дверь. – Просто две старушки. Они рано ложатся спать.

Это прозвучало трогательно, как оправдание. Может быть, он подумал, что Ренате неловко в присутствии посторонних людей приходить к мужчине в такой поздний час?

Она улыбнулась его словам. В тусклом свете единственной коридорной лампочки он, наверное, не разглядел ее улыбку. К тому же он был сильно взволнован, это Рената чувствовала.

Его комната поражала только одним – пустотой. Когда они вошли и Винсент включил свет, Рената не сразу догадалась, с чем связано такое ощущение; она и сама была взволнована не меньше, чем он. Но, присмотревшись, поняла, что оно происходит из-за того, что вдоль стен стоят два чемодана на колесиках и несколько картонных коробок, заклеенных скотчем.

– Вы уже уезжаете? – растерянно спросила она.

Растерянность прорвалась в ее голосе невольно. Рената хотела бы ее сдержать, но это не получилось.

– Да. Завтра.

– Да. Я забыла.

Она сразу же овладела собой, своим голосом. Ну конечно, он ведь говорил, что теперь будет ставить спектакль в Москве. Значит, уезжает. Завтра.

– Вы замерзли? – спросил Винсент. – Я согрею чай.

Самые обыкновенные, ничего серьезного не значащие слова он произносил так, что они приобретали какое-то другое, не обыкновенное значение. При этом ни в смысле, ни в тоне его слов не было ни капли ложной многозначительности. Как это у него получалось? Рената не понимала. Ее способность что-либо понимать так и не восстановилась, вся она по-прежнему состояла не из мыслей, а из одних только чувств, сильных, до болезненности острых.

– Не надо чаю, – сказала Рената.

Она не могла представить, как они стали бы пить вместе чай, вести какие-нибудь неторопливые разговоры, которыми неизбежно сопровождается чаепитие. Она и в ресторане куска не смогла проглотить, даже вина, кажется, не выпила.

– Вы совсем не ели в ресторане, – сказал Винсент.

Он уже не в первый раз вслух произносил то, что едва лишь появлялось у нее в мыслях. Словно настроен на нее он был, как на антенну.

– Я не голодна.

Ее не тяготил этот обмен ничего не значащими фразами. Да и не были они ничего не значащими – их значение заключалось не в поверхностном смысле произносимых слов.

– Я люблю вас, – сказал Винсент.

Они стояли посередине пустой комнаты. Он смотрел на Ренату не отрываясь. От его слов она должна была бы почувствовать растерянность. Но почувствовала одно только счастье. Когда он обнимал ее, целовал – в этом было что-то такое... Это происходило так легко, так мимолетно,

словно само собою, как будто так было всегда. Но вот эти его слова – они были не сами собою. Они не родились в пространстве, как порывы ветра или шелест воды – они родились в нем, и весь он был в них, со всей своей сердечной чистотой и серьезностью.

– Я люблю вас сразу же, как только увидел в первый раз, – сказал он. – Каждое ваше движение и ваш необыкновенный взгляд... Это сразу так получилось. Я никогда не думал, что такое может быть с людьми.

Когда он увидел ее в первый раз, она осматривала больную и ей было совсем не до какого-то долговязого парня, который неловко топтался рядом. И какой у нее тогда был взгляд? Рената и не помнила даже. Уж точно, что самый обыкновенный.

Но у него, у него сейчас!.. Взгляд, которым Винсент смотрел на нее, переворачивал душу, взрывал сердце, заставлял забыть обо всем, что стало в ее жизни привычным, обязательным, обыденным, само собою разумеющимся.

Ей показалось, что он всю ее переделывает сейчас своей любовью, меняет ее физический состав; наверное, если бы взять у нее сейчас анализ крови, эритроциты были бы совсем другие, чем до встречи с ним.

«Да ведь и я люблю его. – Рената почувствовала, как счастье растет в ней, растет, заполняет всю пустоту, которая образовалась у нее внутри за целую жизнь. – Я люблю его, и нет ничего важнее».

Она хотела обнять его, поцеловать. Но не сделала этого, потому что хотела видеть его глаза, всего его отчетливо хотела видеть, когда произнесет то, что само рвалось у нее изнутри.

– Я люблю вас, – повторяя каждое его слово – а какие еще могли быть у нее отдельные, не его слова? – сказала Рената. – Это может быть с людьми. Это есть. С вами и со мною.

Часть вторая

Глава 1

«Надо было все-таки встать... Задернуть шторы... Поленилась, и вот...»

Все это проплыло у Ренаты в сознании медленно, легко, как облака плывут по летнему ясному небу. Да и не в сознании плыли у нее эти мысли, а в том блаженном веществе, которым заменяется сознание во время счастливого сна.

И хорошо, что вечером, то есть ночью уже, она поленилась встать, чтобы поплотнее задернуть шторы. Вот теперь, утром, она и проснулась от того, что солнечный лучик защекотал ей нос, а когда открыла глаза – недолго она выдержала это щекотание, улыбнулась и открыла глаза, – да, когда открыла глаза, то сразу увидела лицо Винсента рядом с собою на подушке, и сразу же ей захотелось не улыбаться даже, а в голос смеяться от счастья.

Он спал крепко, погружен был в сон глубоко, но при этом лицо его сохраняло все черты той трепетной серьезности, которая была присуща ему во время бодрствования, составляя самую сущность его натуры.

Капельки пота блестели у него на лбу. Они почему-то выступали всегда, когда он спал.

«Надо бы ему обследоваться, – подумала Рената. – Ничего в таком поту нет хорошего. Это даже тревожно».

Но счастье ее было так велико, что не оставляло в сердце места для тревоги. И вообще ей даже в мыслях не хотелось этой роли – взрослой мудрости, которая опекает юную трепетность.

Никакой взрослости она в себе больше не ощущала. Тяжесть лет слетела с ее плеч, пустота обыденности выдулась у нее изнутри. То, что она лишь смутно почувствовала, когда Винсент впервые сказал ей: «Я люблю вас» – вот эта перемена всего физического состава организма. Теперь стала для нее совершенно очевидной.

Рената хотела вытереть капли пота у Винсента со лба, но не стала – побоялась его разбудить.

Солнечный луч трепетал на подушке совсем рядом с его головой, тени от ресниц становились от этого глубокими, абрис лица – еще более выразительным, чем обычно, хотя более, Ренате казалось, уже и быть не могло.

Она зажмурилась. Неужели это происходит с нею? Это любимое лицо

на расстоянии вдоха, и ресницы вот-вот дрогнут, встрепенутся...

Ее телефон, лежащий на полу у кровати, задрожал и разлился звонкой мелодией. Рената бросила на трубку подушку и, вскочив с кровати, прямо в подушке вынесла ее из комнаты в кухню. И почему не выключила с вечера? Вечная ее привычка всегда быть в поле досягаемости! Зачем она ей теперь?

– Мам, – сказала Ирка, – может, их все-таки уже посадить? Подпереть спину подушками, и пусть сидят. Ну сколько они лежат будут есть, как придурки?

Дочь так и не приобрела привычку сначала здороваться, а потом уж начинать разговор. Рената ругала ее за это, но потом махнула рукой. Самой-то ей эта Иркина бесцеремонность была даже приятна: создавалась иллюзия, что они расстались не два года назад, а сегодня утром, и что их разделяет не океан, а лестничная площадка.

– Не спеши, Ира, не спеши, – ответила Рената. – Не торопи события. Вот сядут сами, тогда и будут сидеть есть. И при чем здесь придурки? В подушках сидеть – тоже, знаешь ли, большого ума не надо.

– Ладно, не буду, – вздохнула Ирка. И поинтересовалась: – Курсы твои когда кончатся? Долго еще в Москве пробудешь?

– А куда мне спешить? – не отвечая на ее вопрос, сказала Рената. – Мы же все равно на дезинфекцию до сентября закрыты.

– Приехала бы к нам.

– Приеду, Ир, – сказала Рената. – У меня же загранпаспорт еще не готов.

Это была правда: что у нее просрочен загранпаспорт, Рената узнала, когда собиралась подавать документы на американскую визу. Теперь ей в самом деле пришлось ждать нового паспорта. Но, отвечая дочери, она расслышала в своем голосе виноватые интонации. Да и как их могло не быть? Внуков еще не видала, а вместо того чтобы к ним ехать...

Виноватые интонации были. Но вины никакой Рената не чувствовала. Она чувствовала одно только счастье.

– Все, я побежала! – воскликнула за океаном Ирка. – Дашка проснулась. Орет как резаная, сейчас Сашку разбудит.

Прощаться она тоже не имела обыкновения. И это тоже казалось теперь Ренате отрядным, потому что не напоминало о расставании.

Почему вот уже третий месяц живет в Москве, она дочери не объяснила. Да и что она могла объяснить? Что влюбилась, бросила работу, дом, всю свою привычную жизнь и поехала в Москву вслед за мальчиком, почти Иркиным ровесником? И что если бы он поехал не в Москву, а в Антарктиду, то она, ни минуты не раздумывая, отправилась бы за ним и туда? Рената с трудом представляла, как смогла бы произнести это вслух.

Да и зачем было вслух это произносить? Дочери она сказала, что находится в Москве на курсах повышения квалификации. На работе тоже никому ничего объяснять не пришлось: сначала Рената взяла отпуск за этот год и неиспользованный за прошлый, а потом началась ежегодная дезинфекция и роддом закрылся до конца лета.

Что будет потом, когда лето кончится, Рената не загадывала. В конце концов, она много лет подряд расписывала свою жизнь надолго вперед, а теперь настало иное время ее жизни, и ей не хотелось думать, сколько оно может продлиться.

Рената оставила телефон на столе и вернулась из кухни в комнату.

Винсент улыбнулся ей сразу, как только она появилась на пороге. Солнечный луч все-таки добрался до его лица, высушил капли пота на лбу и светился теперь в его глазах и вот в этой улыбке.

– Звонок тебя разбудил, да?

Рената улыбнулась тоже.

– Нет. – Он покачал головой. Абрис его лица переменялся от этого движения – стал другой и все равно прекрасный. – Меня разбудил сон.

– Это как? – удивилась Рената.

– Я увидел сон и проснулся от него.

– И какой же сон?

Она прошлепала босыми ногами к кровати, села на край, коснулась ладонью его щеки. Он прижал ее руку щекою и, чуть повернув голову, поцеловал в ладонь.

– Я не могу это рассказать.

– Почему? – улыбнулась Рената. – Это тайна?

– Да, – серьезно кивнул он. – Но не потому, что я хочу скрыть мой сон от тебя, а потому что он не может тебе понравиться.

Это были неопределенные и какие-то странные слова. Но расспросить поточнее, что они означают, Рената не успела. Винсент обнял ее и притянул к себе. Он сделал это с той порывистостью, которая отличала каждое его движение, во всяком случае, каждое движение, связанное с нею.

И Рената тут же ответила на его порыв – она тоже делала это каждый раз, и каждый раз при этом чувствовала в себе и в нем что-то новое, такое, чего не могла ожидать заранее. Как это могло получаться при одних и тех же объятиях? Непонятно. Но получалось именно так.

Руки его дышали теплом, а все тело под одеялом было прохладным, как река. Сбрасывая ночную рубашку, Рената уже прижималась к нему, а он обнимал ее все сильнее и все нежнее; удивительным образом соединялись в нем нежность и сила.

Винсент уложил ее на подушку так осторожно, как будто она была сделана из какого-то очень хрупкого материала. Но когда он сам лег рядом, осторожность сразу же исчезла из его движений – вытеснилась страстью. И в том, как он касался руками и губами всего ее тела, была уже одна только страсть, и губы у него горели при этом как в жару, и она загоралась от его нетерпеливого жара.

Удивительно было его нетерпение! Оно было частью страсти, ее могучей составляющей, оно не торопило, а лишь горячило их обоих, и Ренату особенно. За долгие годы одиночества ей давно уже стало казаться, что тело ее высохло изнутри, а теперь выяснилось, что это была сухость пороха. Не много времени требовалось ее телу до взрыва! Винсент сразу это понял и в нетерпении своем был нетороплив, и в ласках нетороплив был тоже.

Его губы двигались по ее телу вниз медленно и жарко. И огонь, рождавшийся в ней, бежал вслед прикосновениям его губ, как бежит огонь по бикфордову шнуру. И тело ее начинало звенеть от этих прикосновений таким сильным звоном, что сама она казалась себе проводом, натянутым туго, чтобы улавливать любые, даже незаметные внешне, колебания воздуха.

Рената сжимала коленями плечи Винсента, его голова металась у нее под грудью, и больше она не могла уже сдерживать крик, рвущийся у нее из горла. Ласки его должны были кончиться, она больше не могла их выдержать!

Когда Винсент накрыл ее собою, тело его было уже не по-речному прохладным, а горячим, как пластина раскаленного металла. Это было даже больно, чувствовать его на себе, но какая же счастливая это была боль!

Он тоже вскрикнул – что-то короткое, непонятное – и сразу застонал, забился над нею. Порох, порох!.. Пороховым жаром они вспыхивали оба.

Когда это произошло в первый раз, той ночью в пустой комнате на Васильевском острове, Рената не знала, что ей делать, как только все кончилось. Надо что-нибудь сказать ему? Или, наоборот, лучше молчать? Прижаться к нему теснее, отодвинуться, поцеловать его, встать и поскорее выйти?.. Она растерялась совершенно, она забыла, что делают в таких случаях, да и не забыла – ей просто нечего было вспоминать ни о чем подобном!

Но и той ночью, и каждой ночью, которая наступала после нее, и этим утром, когда солнечный луч плясал на их разгоряченных любовью телах, ей ничего не пришлось ни вспоминать, ни делать. Винсент все делал сам, и Рената не могла даже сказать, что именно он делает. Он просто был с нею,

вот и все.

Он лег рядом и сразу же положил ладонь на ее щеку так, что голова ее оказалась у него на плече. Он сделал это каким-то особенным движением, общим с тем, которое только что делало их единым телом.

Они долго лежали так молча, и молчание не тяготило их.

– Сердце... – наконец сказала Рената.

– Что – сердце? – не открывая глаз, спросил Винсент.

– Сердце у тебя прерывисто бьется. Ты устал?

– От чего?

Он улыбнулся, по-прежнему не открывая глаз.

– От... От этого.

Рената почувствовала смущение. Как странно! Она и в молодости не чувствовала ничего подобного, и тем более удивительно было чувствовать смущение теперь, когда весь груз ее жизни должен был бы лежать у нее на плечах.

Но она смущалась как девчонка, и в этом смущении было то же самое счастье, что и в пороховых вспышках ее тела.

– Я не устал тебя любить, – сказал Винсент.

Он-то как раз несколько не смущался, произнося эти слова. Может быть, потому что они звучали не на родном его языке. А может, по другой причине.

Рената приподнялась, быстро поцеловала его в уголок рта и спросила:

– Есть у тебя сегодня репетиция?

– Да. – Он открыл глаза. – Я назначил на одиннадцать часов утра. У нас еще есть время на завтрак. Что ты хочешь поесть?

– Я что-нибудь приготовлю. Ты полежи еще, ладно?

Иногда Винсент готовил завтрак сам. Иногда она готовила. Это каждый раз получалось как-то само собою.

Рената встала, набросила халат и пошла к двери. Когда она обернулась на пороге, Винсент смотрел ей вслед. Его лицо показалось ей каким-то слишком бледным. Но, наверное, это вот именно только показалось от недостатка света, ведь шторы еще были задернуты, и в комнате стоял полумрак.

Придя после ванной в кухню, Рената открыла окно: ей хотелось, чтобы лето вошло в дом всем своим солнцем, всем утренним воздухом, и все это встретило бы Винсента.

Она слушала, как шумит в ванной вода, жарила тосты и ждала, когда он придет в кухню.

Наверное, это было смешно – то, что она ожидает его появления так,

будто они не расстались пять минут назад. Если бы он догадался об этом ее ожидании, то, может быть, засмеялся бы.

Наконец он появился на пороге. Сердце у Ренаты забилось быстрее.

– Чай или кофе? – спросила она.

– Спасибо, только сок.

– Почему? – удивилась Рената.

– Да-да, – ответил Винсент. – Сейчас...

Вид у него уже был рассеянный, и вряд ли он вообще понял, о чем она спрашивает. Перед репетицией он всегда становился такой – вся его сосредоточенность уходила вглубь, а для внешнего мира оставалась лишь совершенная рассеянность. Рената этому уже не удивлялась.

Винсент сел к столу, она поставила перед ним тарелку с тостами, джем, мед, масло – все, что составляло его обычный утренний набор. Когда Ирка еще жила дома, в Питере, и еще не познакомилась с Антоном, Рената часто ездила с ней вдвоем на выходные в Финляндию. Тогда она и полюбила рациональность и простоту европейских завтраков.

Винсент придвинул к себе тарелку, но не ел, а смотрел в окно. Лицо у него все-таки было бледным. Наверное, от погруженности в собственные мысли.

Ей вдруг стало так жаль, что вот сейчас он уйдет и она не будет видеть его долго-долго, может быть, до самого вечера.

– Винсент... – нерешительно сказала Рената. – Послушай...

Винсент сразу встрепнулся, словно вынырнул из глубокого тумана, в который он был погружен и сквозь который ей было к нему не пробиться.

– Да, – сказал он, – я слушаю. Извини.

Слова и привычки вежливости были в нем так сильны и, главное, так органичны, что проявлялись легко, мгновенно, без малейшего усилия с его стороны.

– Можно мне прийти к тебе на репетицию? – спросила Рената.

Он улыбнулся.

– Что ты? – Она невольно улыбнулась тоже. – Почему ты улыбаешься?

– Просто так. Потому что мне хорошо. Ты спрашиваешь моего разрешения, как будто маленькая девочка.

– Но как же я могу не спросить? А вдруг ты не хочешь?

– Что не хочу?

– Чтобы я пришла.

Винсент репетировал «Бурю» уже третий месяц и ни разу не позвал ее посмотреть его репетиции, так что вполне логично было предположить, что он этого не хочет. Мало ли почему! В том мире, в его мире действовали

какие-то особенные законы, которых Рената не понимала.

Он улыбнулся. От улыбки его бледность стала еще заметнее, чем от сосредоточенности.

– Ты думаешь, что я могу этого не хотеть?

– Я не знаю, Винсент. – Рената расслышала нотки смущения в собственном голосе. – Я никогда не сталкивалась... со всем этим.

«Все это» была жизнь, которую он вел. Рената не была уверена, что он понял ее слова.

– «Все это» полно тобой, – сказал он. – Ты не должна бояться туда заглянуть.

Все он понял. Он понимал ее слова прежде, чем она успевала их произнести, и точнее, чем она умела их высказать.

Рената быстро обошла стол и обняла Винсента. Его голова прижалась к ее груди.

– Я не боюсь, – шепнула она. – Я приду. – И, отстранившись, добавила уже громко: – Только ты поешь сначала, ладно? Ты совсем бледный, и мне от этого тревожно.

Она в самом деле тревожилась из-за его бледности. Но никакая тревога не могла быть сильнее ее счастья.

Глава 2

Театр «Норд-Вест», в котором Винсент ставил «Бурю», находился в двух кварталах от дома. Несколько лет назад он и купил квартиру, в которой они теперь жили, именно из-за ее близости к театру.

Рената только недавно узнала, что квартира не снята, а куплена, и это ее удивило.

– Разве ты собирался жить в Москве? – спросила она.

– У меня не было определенных планов, – сказал Винсент. – Но когда я приехал сюда в первый раз, то за год поставил два спектакля. Я думаю, они получились хорошо. Я вспоминаю ту работу со счастьем. И я полюбил Москву. И тогда подумал: почему не надо иметь здесь свой дом? Ты подумала, что это лучше было бы в Петербурге? – улыбнулся он. Рената смутилась: она действительно так подумала. Его способность видеть ее насквозь, его особенное зрение, – это иногда ее пугало. – Петербург слишком похож на Амстердам, – объяснил Винсент. – Может быть, я ошибаюсь, но мне не хотелось просто повторить в России свое чувство к городу, в котором я родился. Это непонятно, да?

– Это понятно, – сказала Рената.

– Да, я чувствовал Петербург как Амстердам. А Москва совсем особенная. Мне захотелось ее понять. Но это пока не очень получается. Каждый раз, когда я приезжаю сюда, у меня такое чувство, которое было в детстве на Рождество: что я счастлив и что сейчас я пойму какую-то очень большую тайну. – Винсент искоса посмотрел на Ренату и добавил, словно извиняясь: – Ты не можешь полюбить Москву, я знаю.

– Д-да, не совсем... – пробормотала Рената.

И в этом его пронизательность сказалась тоже. Она действительно не могла полюбить Москву. Это всегда было так, еще когда Рената была школьницей и приезжала сюда с экскурсиями, и это не изменилось теперь.

Что она такое, Москва? Она была Ренате непонятна и в непонятности своей казалась суетливой, суетной, бестолковой. В ней не было стройности – ни в одной ее составляющей не было, и в образе московской жизни стройности не было так же, как в планировке улиц.

Здесь-то, на Северо-Западе, это не очень чувствовалось, потому что это был обычный спальный район, похожий на точно такие же спальные районы любого большого города. Но когда Рената оказывалась где-нибудь в арбатских переулках, или у Чистых Прудов, или в Замоскворечье, или, и

особенно, на Тверской – одним словом, где-нибудь, где была, она это понимала, настоящая Москва, – ее сразу же охватывало уныние. Она не могла определить его причину, и от этого оно только возрастало.

– Тебе просто не хватает пространства, – сказал Винсент. – Пространства и воды. Тебе душно на улицах в Москве, и это тебя угнетает. Но она все-таки не виновата, – снова улыбнулся он. – Ты переменишься к ней. Когда мы с тобой проживем здесь вместе, ты ее тоже полюбишь.

«Все-таки не всегда он меня насквозь видит», – тоже улыбнулась, только про себя, Рената.

Меньше всего она думала о том, чтобы, живя с Винсентом, полюбить Москву. Любви к нему ей было вполне достаточно, и для любви к городу в ее душе просто не оставалось места.

Они прошли между панельными многоэтажками и вышли к метро «Сходненская». Здесь, в большом развлекательном центре, и находился театр «Норд-Вест».

Когда Рената впервые этот развлекательный центр увидела, то мысленно произнесла только одно: «Какое безликое здание! И как же здесь может быть театр? Боулинг, тренажеры, самое большое – кинотеатр с бадейками попкорна в зале».

Она не могла представить, чтобы в таком помещении могло происходить что-то серьезное, и даже подумала тогда, что Винсент зря тратит время на этот спектакль.

Но оказалось, что внутри здание выглядит куда пристойнее, чем снаружи, во всяком случае, в той его части, где разместился театр. Стандартные зеркальные стены скрывали за собой помещение небольшое и даже стильное. Оно было спланировано так, что все как будто бы состояло из резких, точно прочерченных линий. Эти линии определяли неровную, асимметричную форму фойе, и форму светильников, напоминающих орган, но не церковный и не консерваторский, а другой, какой-то очень необычный орган, и форму расставленных у входа в зал металлических конструкций, сквозь которые с журчаньем протекала вода.

И сам зал, небольшой, с низким потолком, но с хорошей акустикой, тоже был отмечен продуманной простотой и строгостью всех очертаний. Впрочем, когда Рената вошла в этот зал, ей было не до того, чтобы замечать подробности его оформления. Она была охвачена странным чувством, похожим то ли на робость, то ли на неловкость.

Винсент предложил ей зайти перед репетицией вместе с ним в его кабинет, но она отказалась и осталась в фойе, сказав, что придет прямо в зал, когда репетиция уже начнется. Может быть, такое ее намерение

показалось ему неясным, но спрашивать, почему она ведет себя так, а не иначе, он не стал.

Он снова был охвачен той непонятной, но очевидной сосредоточенностью, которую Рената заметила в нем еще с утра. А теперь, она видела, эта сосредоточенность поглотила его полностью, не оставляя места для любых других чувств. В этом было что-то пугающее.

– Я приду прямо в зал, – повторила Рената.

Но едва ли Винсент ее услышал. Он уже шел по узкому полутемному коридору, который начинался в фойе и уходил, Ренате показалось, куда-то в неизвестность. Хотя не в неизвестность, конечно, а в обычные служебные помещения – в гримерные, в режиссерский кабинет, в репетиционные комнаты... Все ее неловкие фантазии на эту тему были связаны лишь с тем, что она оробела перед театральной жизнью. И, в общем, подобной робости не следовало удивляться: слишком уж она всегда была от такой жизни далека и слишком неожиданно, слишком быстро произошло ее к этой жизни приобщение.

Эта робость помешала ей войти в зал к самому началу репетиции. Рената решила открыть дверь, когда на сцене уже происходило какое-то бурное действие.

Двое мужчин стояли посередине площадки. Тот из них, что был повыше ростом, произносил кровожадным тоном какой-то мрачный монолог.

– «Ему ты череп размозжи поленом, – услышала Рената. – Иль горло перережь своим ножом, иль в брюхо кол всади...»

Все это звучало так зловеще, к тому же актер утробно рычал, изрыгая угрозы... Рената даже поежилась.

«Впечатляюще получается!» – подумала она.

Но, взглянув на Винсента, который сидел за низким столиком в проходе между зрительскими креслами, она сразу поняла, что на него этот рык впечатления не производит.

Вдруг он встал и тремя широкими шагами прошел к сцене, и тут же не взбежал даже, а взлетел на нее.

– Нет! – резко произнес он. Рената никогда не видела его таким сердитым и даже не предполагала, что он может таким быть. – Вы говорите очень однообразно! Ничего внутри!

– А что уж такого особенного внутри у Калибана? – пожал плечами актер. Голос у него оказался совсем не хриплым. – Это же полуживотное. Грубость, больше ничего.

– Но это не так! – сердито воскликнул Винсент. – Что он скажет через две сцены? – Его голос вдруг стал тихим и даже печальным. – Он скажет:

«Ты не пугайся: остров полон звуков – и шелеста, и шепота, и пенья; они приятны, нет от них вреда. Бывает, словно сотни инструментов звенят в моих ушах; а то бывает, что голоса я слышу, пробуждаясь, и засыпаю вновь под это пенье. И золотые облака мне снятся, и льется дождь сокровищ на меня... И плачу я о том, что я проснулся». – Его глаза сверкнули, и по лицу вдруг пробежала волна боли – так, словно голоса и звуки, о которых он говорил, были им физически ощутимы. Рената ясно увидела это, хотя сидела довольно далеко от сцены. – Это говорит полуживотное? Но нет!

В его глазах, в голосе, в каждом его движении, и не в движении даже, а просто в развороте плеч было столько страсти, что она испугалась.

Хотя непонятно, отчего вдруг возник у нее внутри этот страх. Ведь все это было так сильно, так красиво! Но та боль, которую Рената мимолетно, но отчетливо видела только что у него на лице...

– Еще раз, – сказал Винсент. – Это надо говорить со всей силой. И со многими чувствами – разными чувствами.

Он сбежал по лесенке в зал и пошел к своему столику. Но вдруг обернулся.

– Да! – сказал Винсент. – Ведь Калибан еще и любит. Я думаю, он любит Миранду. Только он не знает, что делать со своей любовью. Он совсем не умеет любить, и это его мучает, так сильно мучает...

Он сделал шаг к сцене, прижал руку к груди, может быть, хотел показать, как сильно мучает Калибана любовь, – и вдруг остановился, замер... И мгновенно, без единого слова больше, без единого движения, упал на пол. Навзничь упал.

По залу пронесся испуганный вздох. Актеры высыпали на сцену из-за кулис и замерли, словно их охватил столбняк.

Оцепенение охватило всех. Но Ренату оно охватило лишь на мгновение.

И как только прошло это страшное мгновение беспомощности, она вскочила и попыталась выбежать в широкий проход, разделяющий зал на две части. Но выбежать, то есть оказаться рядом с Винсентом сразу, было невозможно: кресла в зале были сдвинуты тесно, она бестолково билась о них коленями, от этого их сиденья откидывались, мешая ей, вдобавок она зацепилась юбкой за какой-то гвоздь, или болт, или винт...

И все время, пока она преодолевала какие-то дурацкие препятствия, Винсент лежал на полу перед сценой, а актеры стояли на сцене в таком столбняке, как будто играли финал «Ревизора», и от всего этого можно было сойти с ума, и она не понимала, как же все-таки не сошла с ума до тех пор, пока не выбежала в проход под треск своей рвущейся юбки!..

Рената упала на колени, приподняла голову Винсента. Бледность,

которую она заметила на его лице еще утром, стала теперь какой-то пронзительной. Вокруг губ и на висках это была уже и не бледность даже, а синева.

«Как же я сразу, тогда же не догадалась?! – мелькнуло у нее в голове. – Дура! Самовлюбленная дура!»

Наверное, надо было подумать – не самовлюбленная, а просто влюбленная, ведь она не придавала значения его утреннему состоянию именно по этой причине... Но на уточнение своих мыслей у Ренаты не было времени. Да и мыслей у нее в голове сейчас не было – точность ее действий не от них зависела.

Она никогда не работала в кардиологии и сердечные болезни только изучала в институте. Но признаки сердечного приступа были ей знакомы – слишком часто приходилось их наблюдать, принимая роды. И она хорошо знала: не стоит рассчитывать на то, что удастся оказать помощь подручными средствами. В таких случаях или повезет и человеку помогут профессиональные реанимационные мероприятия, или не повезет и не помогут. Или он вообще не доживет до приезда врачей...

– «Скорую» вызовите! – крикнула Рената.

Краем глаза она заметила, что немая картинка наконец нарушилась. На сцене поднялся шум, актеры начали спрыгивать в зал, бросились к ней с Винсентом... Он по-прежнему лежал неподвижно. От того, что Рената пыталась делать ему искусственное дыхание, синева не исчезала с его висков. И голова его безжизненно лежала у нее на коленях, и лоб был белый как мрамор, и как мрамор холодный.

– Чем помочь? – встревоженно спросил мужской голос.

Рената узнала его – он только что звучал на сцене. Но кому этот голос принадлежит, она не понимала. Она ничего не понимала, кроме того, что Винсенту невозможно помочь. Ничем!

– А что это с ним, а? – произнес женский голос, молодой, с растянутыми равнодушными интонациями.

– Ужас какой! Разве можно было так надрываться? Обыкновенная же репетиция...

Этот голос тоже был женский, но немолодой и потому сочувственный.

– «Скорую»!

Рената крикнула снова и на этот раз сама расслышала в своем голосе отчаяние.

– Побежали уже к телефонам, побежали. – Рядом с ней на корточки присела актриса в черном гимнастическом трико – та самая, с растянутыми интонациями. – Мы же телефоны в гримерках оставляем. Сейчас врачей

вызовут. А он что, умрет? – опасливо спросила она.

Рената убить ее была готова за этот вопрос и за эту опаску в голосе! Такая опаска появляется в голосе равнодушного человека в ответ на чужое несчастье. Рената всю жизнь ненавидела отвратительную природу такой опаски: желание избежать мелких затруднений в собственной жизни, пусть даже ценой жизни чужой.

– Он не умрет, – не глядя на девушку в трико, резко бросила она.

Конечно, ничего не надо было на этот вопрос отвечать. На гнусный этот вопрос! Или просто Рената ненавидела сейчас весь мир? Да нет, никакого ей не было дела до всего мира – расстегнув Винсенту рубашку, она массировала его грудь. Она делала это почти машинально, просто для того, чтобы хоть что-нибудь делать. Сердце у него все-таки билось, но вряд ли непрямой массаж мог сейчас оказаться панацеей.

Время стучало у нее в висках, только время! Секунды, минуты...

– Я уже вызвал! – Рядом с Ренатой присел на корточки худой высокий парень. – Я по телефону сразу сказал, что у него сердце. «Скорая», если сердце или кровотечение, то быстрее приезжает, я точно знаю, у меня сестра сердечница.

Он старался ее успокоить, но голос у него самого испуганно дрожал.

Винсент лежал неподвижно. Хоть ресницы бы дрогнули! Ничего, ни единого движения... Но пульс у него все-таки был, правда нитевидный; Рената все время держала его за руку, словно боялась, что, отпусти она его запястье, и эта ниточка сразу исчезнет.

– Может, его куда-нибудь перенести? – спросила женщина – та, немолодая, с сочувственным голосом. – Нехорошо, может, на полу...

– Нет, – все так же резко, жестко ответила Рената. – От этого ему лучше не станет точно, а хуже – может.

– А вы вообще-то кто? – спросила девушка в черном трико.

Конечно, она хотела узнать, кем Рената приходится Винсенту. Но Рената не собиралась ей это объяснять.

– Врач, – сказала она.

– Тогда почему вы ему не поможете?

– К сожалению, я не кардиолог.

Рената удивлялась себе: в ту минуту, когда она увидела, как Винсент падает на пол, ей показалось, что мир сейчас разлетится вдребезги и сама она разлетится вдребезги тоже – от отчаяния, которое ее переполняет. Теперь же она чувствовала какую-то ледяную сосредоточенность. Нет, не сосредоточенность – в ее сосредоточенности сейчас не было бы смысла, – ужас она чувствовала, вот что. И только этот ледящий ужас позволил ей

не умереть на месте, прямо здесь, рядом с его синим виском, с белой как мрамор, как мел его рукою.

По полу метнулся сквозняк – подняв глаза, Рената увидела, как распахивается двойная дверь, ведущая из фойе в зал, и по проходу между рядами быстро идут врачи в синих костюмах «Скорой». Но она почему-то не почувствовала облегчения, которое почувствовал бы любой человек при появлении помощи в такой ситуации. Может быть, она только потому его не почувствовала, что слишком хорошо знала, насколько не всеильны бывают врачи. А может, ужас, охвативший ее, заледенил ей сердце слишком глубоко, чтобы растаять сразу.

Глава 3

– Но почему же ты ни разу мне об этом не сказал?

Рената сжала руку Винсента крепко, почти сердито. Но, правда, тут же ее отпустила и даже свою руку отдернула. Невозможно было сердиться, глядя в его белое лицо, в глаза, обведенные черно-синими кругами.

Он сразу же взял ее за руку снова и улыбнулся виноватой улыбкой.

– Я не хотел тебя тревожить. И это было совсем не нужно. Ты все равно не могла бы мне помочь, а только побеспокоилась. Мне надо просто сделать операцию для сердца, и она не очень сложная. Это шунтирование, его делают уже много-много лет всем людям.

– Но ты же не сделал!

– Я собирался. И я уже делал – не шунтирование, но одну очень похожую процедуру для сосудов сердца. Значит, у меня есть опыт.

– Очень тебе помог твой опыт, – расстроено и сердито проговорила Рената.

– Но, конечно, помог! – Он успокаивал ее изо всех сил. Даже пот снова выступил у него на лбу. Рената быстро вытерла ему лоб полотенцем. – Я знал, что успею поставить спектакль до того времени, когда надо будет ложиться в больницу.

– И ничего ты, выходит, не знал!

– Почему ты так думаешь? Я сейчас немного поздоровею, выйду отсюда, поставлю спектакль, а потом поеду в Голландию и буду оперировать сердце.

– Отсюда ты выйдешь только для того, чтобы улететь в Амстердам, – отчеканила Рената. – И отправишься из больницы не в театр, а прямым сообщением в аэропорт. Даже домой не заедешь. Я лично за этим прослежу. Сразу же, как только врачи тебе разрешат, – уточнила она.

– Я буду здоров очень скоро. Врачи уже разрешили мне вставать и даже ходить.

Он смотрел на Ренату и уговаривал ее как ребенок, но руку ее при этом держал в своей совсем иначе – очень по-мужски. И никто, и никогда так не держал ее руку...

– Скоро, скоро будешь здоров. – Она не выдержала его взгляда и улыбнулась. – Скоро в парке с тобой будем гулять.

– Ты говоришь как врач с больным.

Винсент тоже улыбнулся.

– Нет. Я говорю как... – Тут Рената смутилась. Она не могла вслух произнести что-нибудь вроде «как любящая женщина с любимым мужчиной»; подобные слова резали ей ухо. Она торопливо проговорила: – В общем, я очень этого жду. – И добавила: – Только ты все равно напрасно не сказал мне, что у тебя больное сердце.

– Просто я сам про это не думал. Ведь такое сердце у меня было всегда, и я привык.

– А что тебе снилось в ту ночь? – вдруг спросила Рената.

Мысль про тот сон накануне приступа, о котором он не захотел ей рассказывать, не давала ей покоя все время, что он был в больнице. Правда, спросив об этом, она подумала, что Винсент, может быть, не поймет, какую ночь она имеет в виду.

Но он понял это сразу. Как всегда сразу понимал то, о чем она едва успевала подумать.

– Это не было что-то определенное, – сказал он. – Не гроб или черная кошка. Но это был страх. Просто чувство страха, очень сильное. Такое чувство страха, которое связано со смертью. Конечно, такой сон я увидел только потому, что в сердце уже были плохие процессы. И конечно, я не захотел тебе его рассказать, чтобы ты беспокоилась. Теперь мне стало лучше, и такие сны я больше не вижу.

– А какие сны ты теперь видишь? – спросила Рената.

Ей хотелось отвлечь Винсента от мрачных мыслей. Правда, глядя в его глаза, трудно было представить, что хоть какие-нибудь его мысли могут быть мрачными. Вот когда глаза у него были закрыты, когда голова его лежала у нее на коленях тяжело и безжизненно, тогда всю ее, от кончиков пальцев до самого сердца, охватывал ужас. А теперь она была спокойна и почти весела.

Теперь она была счастлива.

– Теперь очень разные, – ответил Винсент. – Но всегда в моем сне бываешь ты. Или твое лицо, или просто чувство, что это ты. – И, улыбнувшись, добавил: – Очень жалко, что тебе все-таки не разрешают оставаться у меня ночью.

Винсет лежал в отдельной палате, в специальном корпусе Боткинской больницы. Когда в то жуткое утро врачи «Скорой» попросили Ренату найти у него в кармане паспорт, за обложкой этого паспорта она нашла и страховую карточку. Страховка оказалась какая-то очень дорогая, поэтому Винсента и отвезли сюда. Но оставаться с ним на ночь ей в самом деле не разрешали – говорили, что это только повредит, потому что ему нужен полный покой.

Улыбка еще освещала его лицо, а глаза уже стали задумчивые.

– Ты думаешь о спектакле? – догадалась Рената.

– Да. Это очень жалко, что так получилось именно в тот момент, когда я нашел правильное решение. Я очень хотел, чтобы актеры меня поняли, и вдруг... Это очень жалко!

– Ничего. – Рената погладила его по щеке, коснулась пальцем краешка губ. – Ты в следующий раз все им объяснишь. Это ведь никогда не поздно.

Он не ответил. Улыбка сошла с его лица. Ренате стало не по себе. Но она сразу же постаралась выгнать из себя эту неловкость, это подобие смятенья.

Скоро должен был явиться с вечерним обходом врач, а ей пора было уходить.

– Я пойду, Винсент, – сказала Рената, вставая.

– Я тебя провожу.

Он тоже сел на кровати, опустил ноги на пол. Рената купила ему пижаму, но ошиблась с размером – штаны едва доставали ему до колен. Он ведь был очень высокий.

– Не надо провожать, – возразила было она.

Но Винсент уже надевал халат.

Оказалось, что он решил проводить ее не до двери, ведущей в вестибюль к лифтам, а до больничного парка. И опять Рената не успела ему возразить.

Правда, ей и возражать не хотелось: вечер был так хорош, в воздухе был так явственно разлит летний покой, что, может, и лучше было Винсенту немного пройтись перед сном, чем лежать в палате. Тем более что и шел он уже почти обычной своей походкой, легкой и твердой.

– Я на денек в Петербург съезжу, – сказала Рената.

– Зачем?

Винсент посмотрел на нее пристально и, ей показалось, расстроено. Видно было, что он не хочет, чтобы она уезжала. Впрочем, он тут же сказал:

– Извини, я не должен про такое спрашивать.

– Ничего такого в этом нет, – улыбнулась Рената. – Просто паспорт мой заграничный уже готов, наверное. Я его заберу и вернусь. Я хочу тебя сама в Амстердам отвезти, – объяснила она. – Все-таки перелет. Я буду волноваться, если ты один полетишь.

– Волноваться не нужно, – покачал головой Винсент. – Но я буду рад, если ты полетишь со мной. Я обязательно хотел, чтобы это было – чтобы мы полетели с тобой вместе. Но, правда, я хотел, чтобы мы полетели уже

после премьеры. И я все-таки думаю, так и будет.

На траве под старым кленом еще лежали прошлогодние сухие «самолетики», хотя и трава, и листья уже были густо-зеленые, усталые и пыльные.

«Как все странно смешивается, но ничто ничему не мешает», – мельком подумала Рената.

Даже удивительно, что она стала замечать такие вещи. А может, ничего удивительного в этом не было. Ведь и в ее жизни соединились, смешались несоединимые явления и события, и это смешенье казалось ей теперь таким же естественным, как сочетание сухих кленовых «самолетиков» с густой новой листвою.

И поэтому вся ее прежняя ровная, однообразная жизнь – не год, не два, сорок с лишним лет! – казалась ей теперь призрачной. А в новой ее жизни все было возможно.

Рената улыбнулась.

– Тебе радостно? – спросил Винсент.

– Да, – кивнула она. – Мне кажется, ты действительно стал лучше себя чувствовать. Хотя бы не такой бледный уже.

– Действительно, – согласился он. И добавил с необыкновенной своей улыбкой: – Наверное, мне сейчас надо ставить не «Бурю», а «Ромео и Джульетту». Я чувствую себя так, как этот мальчик Ромео, которому шестнадцать лет. Ведь главное во всей этой истории как раз то, что Ромео шестнадцать лет, а Джульетте четырнадцать. Если бы у них были другие годы, то все было бы по-другому.

– Не так уж далеко ты от них ушел. – Рената улыбнулась в ответ. – Вот у меня и правда совсем другие годы.

– Но дело в этой истории еще и в том, что каждый раз, когда люди влюбляются по-настоящему, им становится шестнадцать лет. Извини за такую дидактику. Но я думал об этом прошлой ночью и буду думать в эту ночь опять.

– Это хорошие мысли. Но все-таки было бы лучше, если бы ночами ты спал. Ну, иди.

Они незаметно дошли по дорожке до выхода из больничного парка.

– Лучше ты иди. Я не хочу, чтобы ты видела, как я ухожу, – покачал головой Винсент.

Кивнув, Рената коротко поцеловала его и, не оборачиваясь, пошла к воротам. Ей не только не хотелось смотреть, как он уходит, но не хотелось и долгого прощания. Лучше вот так – короткий поцелуй, и все. Как будто бы расстались на несколько минут, не больше. Да-да, пусть расставание

будет вот такое, мимоходом и не всерьез.

У ворот Рената все-таки обернулась. Все время, пока она шла, то мысленно видела высокую Винсентову фигуру. Как он стоит посередине дорожки, как наконец поворачивается и идет к своему корпусу... Она видела это так ясно, что, в конце концов, не выдержала и оглянулась.

И не увидела его. Не было его на дорожке, и под старым кленом, мимо которого они только что прошли вдвоем, не было тоже. И даже вдалеке, возле самого корпуса уже, его не было.

«Бегом он убежал, что ли?» – недоуменно подумала Рената.

И тут же, в эту самую минуту поняла, что случилось. То есть это неправильное было слово – поняла. Она не поняла, а почувствовала. И бросилась назад опрометью, ног под собою не чуя, с замиранием сердца – какие еще слова называют то, что билось у нее в груди?

Винсент лежал посередине дорожки. Рука его была откинута назад, а голова чуть повернута – так, словно он вдруг улегся прямо на твердый песок и уснул. Лицо было спокойное, а рука белая – ни лиц таких, ни рук не бывает у живых. Даже в то утро, когда он упал навзничь у театральной сцены, жизнь все-таки билась в его теле.

А теперь ее не было.

Рената поняла это сразу. Она даже на колени не упала, даже на корточки не присела – застыла как соляной столп. В самом деле как соляной – у нее не сгибались колени.

«Я не хочу, чтобы ты видела, как я ухожу».

Его голос прозвучал так отчетливо, так ясно, как будто он снова произнес эти слова. Последние свои слова. Невозможно было поверить, что его голос звучит не наяву, а только у нее в ушах.

О том, что она никогда больше не услышит его голос наяву, Рената думать уже не могла.

Глава 4

«Страшный город. Какой страшный город. Забыть его, поскорее забыть!»

Рената вышла из метро на площадь трех вокзалов и направилась к Ленинградскому. Москва, из которой она так рвалась поскорее уехать, обступала ее со всех сторон, словно не хотела отпускать. Да нет, зачем бы нужна была Москве одинокая, убитая горем женщина? Так, показалось. Именно что от горя показалось, и от бессонных ночей тоже: Рената не помнила, спала ли хотя бы час после смерти Винсента. Конечно, из-за этого она и находилась теперь в состоянии вполне медицинском – смещенного сознания.

В этом странном, болезненном состоянии она не могла себе ответить даже на простой вопрос: сколько дней прошло с его смерти? Неделя, наверное. Да, пока приехали из Голландии его родственники, мать с братом, пока оформляли какие-то документы, чтобы увезти его домой. Его – домой... Он ли был в металлическом ящике, который вынесли из больничного морга? Рената не видела, как он умирал. «Я не хочу, чтобы ты видела, как я ухожу»... И может быть, поэтому она не понимала, не чувствовала связи между Винсентом и этим гробом. А последнее выражение, которое она видела у него на лице, когда он лежал посередине твердой парковой дорожки, – было удивительное спокойствие, которое теперь казалось ей счастьем.

Ну конечно, счастьем. А чем же еще? Во всяком случае, она была бы счастлива оказаться в том спокойствии вместе с ним. По крайней мере, тогда бы она точно исчезла из этого невыносимого города!

Рената огляделась. Москва была огромна, разнородна и бессмысленна. Естественный хаос привокзальной площади лишь усугублял это ощущение. И даже красота зданий трех вокзалов – все они были отмечены неуловимой гармонией, которая для каждого из них была отдельная и вместе с тем для всех общая, – даже это не могло залить огонь, которым пылал ее мозг.

За месяцы, проведенные в Москве, Рената не успела понять, что такое этот город, и уж тем более не успела его полюбить. А теперь это было уже ни к чему.

Она не позаботилась о билетах заранее, но они были в продаже и непосредственно перед отправлением «Красной стрелы» – той самой, в вагоне-ресторане которой лихая ленинградская богема каталась в Москву

во времена своей безрассудной молодости.

Рената не совершила за свою жизнь ни одного безрассудства. То, что она когда-то влюбилась в первого попавшегося мужчину, который был занят своим делом с завораживающей увлеченностью, и из-за этого рассталась с женихом, можно было считать не безрассудством, а просто глупостью. Да она об этом давно уже и забыла. А то, что произошло у нее с Винсентом, вообще не относилось к области рассудка.

С ним было одно сплошное чувство, и в этом заключался теперь для Ренаты неизбывный ужас. Ее любовь к Винсенту пройти не могла, но его самого уже не было на свете, и любовь обратилась в боль, и набросилась на нее в этом страшном оборотничьем обличье, и принялась терзать ее и мучить.

Кажется, кассирша спросила, в какой вагон выписывать билет, и Рената, кажется, ответила, что ей все равно. Она поняла это, только когда вошла в купе и увидела, что в нем всего две полки, точнее, два широких дивана. Она никогда не ездила так удобно, да и потребности такой не испытывала. Но сейчас это удобство неожиданно оказалось кстати, тем более что второй пассажир так и не пришел.

В пустом купе ей наконец удалось уснуть. И какое же это было счастье! Не потому что она отдохнула, нет. А потому что всю ночь видела Винсента. Если бы знать наверняка, что он будет сниться ей каждую ночь, то она спала бы и спала, как Мертвая царевна в хрустальном гробу, и никакие блага мира живых не оказались бы для нее дороже благ этого сонного царства мертвых.

Но кто же мог наверняка это знать?

Этой ночью в поезде Винсент приснился ей точно таким, каким был в жизни. В той жизни, которую они провели вдвоем. Странно – Рената думала, что та их общая жизнь была совсем короткой, а оказалось, что ее хватает на целую ночь воспоминаний. Видно, счастье по природе своей все-таки длиннее, чем горе, только вот наяву этого не поймешь.

Эта догадка о длине счастья показалась ей такой необыкновенной и значительной, что Рената засмеялась – там, во сне.

Там, во сне, они с Винсентом долго стояли на мосту над каналом Грибоедова, и он обнимал ее, а потом – сразу же – по его лицу уже скользил солнечный луч, пробиваясь из-за занавески, и капельки пота у него на лбу блестели в этом луче, но это совсем не пугало Ренату, ведь она еще ничего не знала... Потом ей снилось, что она прикасается к его плечу под одеялом, а плечо прохладное, как река. И это ведь тоже было в действительности, и совсем недавно! Как странны были эти сны – не сны, а сплошные

счастливые воспоминания, которые почему-то не давались ей наяву...

Рената думала, что, стоит ей покинуть Москву, как она сразу же почувствует себя спокойнее. Но чувство, охватившее ее, когда утром она вышла из поезда в Петербурге, если и отличалось от того, с которым она вчера вечером уезжала из Москвы, то не в лучшую сторону.

Теперь, утром, она чувствовала лишь глубокую тоску.

Но, правда, голова у нее все-таки встала на место. И сразу же Рената обнаружила, что приехала без чемодана, с одной только дамской сумочкой. И вспомнила: да, ведь в самом деле не собирала свои вещи – просто вышла из Винсентовой квартиры, даже не обведя ее взглядом на прощание. Хорошо еще, что замок там защелкивался сам собой, иначе в том своем сомнамбулическом состоянии она, пожалуй, оставила бы квартиру и незапертой.

«Все, хватит, – приостановившись у входа в метро, сказала себе Рената. – Что поделывать, если ты жива? Нравится тебе это или нет, но это данность. Ее не переменишь. С ней придется смириться. Придется жить».

Она с юности умела держать себя в руках. И с годами эта ее способность не изменилась.

Поднимаясь у себя в парадной по лестнице, Рената боялась той минуты, когда откроет дверь в пустую квартиру. За час с небольшим, проведенный в родном городе, она уже не обольщалась насчет того, что дома и стены помогают. Ей не могли помочь стены, это было очевидно. Она должна была помочь себе сама.

Сверху, из-за чьей-то двери, доносился звонкий плач.

«Младенец кричит... Кто это у нас здесь родил? – подумала Рената. – Да, и надо ведь на работу позвонить. Узнать, когда мы точно открываемся».

Теперь, когда она заставила свое сознание проясниться, то стала понимать, что клиника, по всей видимости, открывается после дезинфекции где-то через неделю. Но, конечно, это следовало выяснить точно. Только завтра, завтра!

Она открыла входную дверь. И сразу младенческий крик сделался оглушительным – он заполнял всю ее квартиру. Ошеломленная, Рената шагнула вперед и наткнулась на детскую коляску. Почему-то коляска была такая огромная, что не только занимала всю тесную прихожую, но даже дверь в комнату загоразживала.

Не успела она сообразить, что все это значит, как сквозь младенческий вопль – громкий, словно эхом усиленный, – пробился еще более звонкий вопль:

– Мама!

И Ирка собственной персоной предстала перед нею, точнее, за коляской, на пороге комнаты. На обеих руках у нее сидели младенцы и орала хоровым благим матом.

– Мама! – повторила Ирка. – Ты откуда взялась?!

– О господи! – Рената остолбенела и ахнула одновременно. – Ирка! Это ты откуда взялась?! Иришка! Да откуда же вы?..

– Как нетрудно догадаться, Рената Кирилловна, мы прилетели из Нью-Йорка, – сказал Антон. – Вчера.

А Ирка расхохоталась. Тут, конечно, Рената всплеснула руками, ее дочка радостно взвизгнула, обе они одновременно бросились друг к другу, обе с разных сторон наткнулись на коляску...

– Осторожно! – воскликнула Рената. – Детей уронишь!

– Ира! – воскликнул Антон. – Дай их сюда сейчас же!

– Они у тебя все-таки сидят! – воскликнула Рената. – Сами!

– Не сами, а у меня на руках, – уже совершенно спокойным голосом ответила Ирка. Впрочем, она наверняка с самого начала была спокойна. Просто обрадовалась маминому приезду, оттого и орала. – Мам, ты на месте стой, не ломись. Я коляску в комнату вкачу, и ты за ней войдешь.

Она совершенно не изменилась, ее великолепная дочка! Одним ловким движением передала детей мужу, вкатила коляску в комнату и обняла, и звонко чмокнула маму раньше, чем та успела не то что с места сойти, но хотя бы слово сказать.

– Это Сашка, а это Дашка, – гордо объявила Ирка. – Эффектные внуки, правда?

Эффектные внуки уже не плакали, а с интересом разглядывали бабушку. Дашка была похожа на Антона, а Сашка являл собою точную Иркину копию.

– Замечательные, – сказала Рената. – Дай же я их хоть поцелую. – Но, потянувшись было к внукам, с опаской уточнила: – Не испугаются они меня?

– Не-а, – покачала головой Ирка. – Их фиг чем испугаешь, особенно Дашку. Мам, а правду говорят, что все кесарята бесстрашные, потому что через родовые пути не проходят и у них от этого центр смелости в голове не угнетается?

– Глупости говорят. Ира, но как же так можно! Почему ты не предупредила, что вы приезжаете? Я ведь могла и не...

Рената хотела сказать, что могла ведь и не приехать в Петербург. Стоило ей об этом подумать, как тоска мгновеннодохнула на нее знакомым

ледяным дыханием. Но теперь ей уже нельзя было поддаваться тоске и унынию. Во всяком случае, нельзя было этого показывать.

– А мы за один день собрались. Чес-слово, ма! – сказала Ирка. – Антошку с работы уволили, ну, мы и приехали.

– Как уволили? – ахнула Рената. – И вы так спокойно к этому относитесь?

– А о чем, собственно, убиваться? – пожал плечами зять.

– Ага! – подхватила Ирка. – Что он, здесь работу не найдет? Найдет еще лучшую, чем у Билла.

В Нью-Йорке Антон работал в IBM, то есть в самом деле у Билла Гейтса. И почему его вдруг уволили, с его-то мозгами, с его блестящей диссертацией, со множеством статей, которые он постоянно публиковал в самых солидных изданиях, – это было Ренате совершенно непонятно.

Но, конечно, не стоило расспрашивать об этом детей прямо на пороге. Тем более что и эффектные внуки снова принялись плакать – оказывается, им пора было есть.

– Они вообще зря не режут, а только когда жрать хотят, – объясняла Ирка, быстро размешивая в двух мисочках порошковую кашу. – Мотивированные внуки. Разумные, в общем – в тебя.

Сашка и Дашка уже были уложены в двойняшную коляску и нетерпеливо причмокивали в ожидании пищи.

– Дай я хотя бы одного покормлю, – сказала Рената. – Как же ты сразу двоих?

– Как не фиг делать, – хмыкнула Ирка. – Обеими руками. Ну, покорми, если хочешь.

– Не знаю, в кого они разумные, а аппетит у них точно в тебя, – улыбнулась Рената. Едва она успевала подносить ложку к Сашкиному рту, как он мгновенно вычмокивал с нее кашу. – Ты в этом возрасте ела в каких-то немыслимых количествах. Мы с бабушкой думали, что ты будешь ужасная толстушка. А ты тощенькая выросла.

– Не тощенькая, а стройная. Потому что энергичная. И Сашка с Дашкой энергичные получились. Ты же с дороги! – вдруг вспомнила Ирка. – Устала же. Ложись, поспи. Они сейчас тоже дрыхнуть будут.

– Я «Красной стрелой» ехала. И совсем не устала.

– Ага, не устала! Бледная как тень.

– Тень не бывает бледной. Давай я лучше что-нибудь сделаю. Ты, помоему, и вещи не разложила еще.

– Ну да, – согласилась Ирка. – Некогда было. Это же только у Антошки три пары джинсов, и все, а у детей вагон и маленькая тележка барахла.

Разложи, если хочешь. У тебя такое лучше получается.

Раскладывать вещи по местам у Ирки и у самой получалось отлично. У нее вообще все получалось отлично: от рождения руки были правильно приставлены и, главное, толково работала голова, так что в маминой помощи она вряд ли нуждалась. Но Рената рада была сейчас любому монотонному занятию – главное, чтобы оно не требовало душевной отдачи.

Стыдно было себе признаваться, но даже с внуками повозиться ей сейчас не хотелось, и как раз по этой причине: для того чтобы играть с ними, надо было наскрести в своей душе, на самом доньшке, хоть какие-то чувства, а это ей пока не удавалось.

Сашка и Дашка уснули сразу же, как только проглотили по последней ложке каши. Ирка укатила коляску во вторую комнату, свою бывшую детскую, а Рената принялась разбирать американские чемоданы, которые горными вершинами высились вдоль стен.

Глава 5

– Ма, да у Антошки просто стресс, это же понятно! Он даже к психоаналитику ходит.

Ирка заложила за ухо длинную прядь, единственную в своей стильной короткой стрижке, и шмыгнула носом. Точно как в детстве. Она вообще мало изменилась с детства. Или просто маме так казалось?

– Где это он, интересно, у нас психоаналитика отыскал? – усмехнулась Рената.

– Чего там искать? На каждом углу кабинеты. Просто ты дикая до сих пор. А в Штатах, между прочим, ни один приличный человек без психоаналитика не живет. Правда-правда. Думаешь, это только в газетах про них пишут?

Рената так не думала. За три года, которые Ирка жила с мужем в США, она успела съездить к ней в гости, так что американская жизнь не была для нее совершенной уж абстракцией.

– Я об этом вообще не думаю, – вздохнула она. – Но, по-моему, лучше бы Антон на биржу труда сходил, чем к психоаналитику.

– Какая биржа труда! – Ирка даже руками всплеснула, чуть не опрокинув при этом чашку с горячим чаем. – Еще не хватало! Да ты представляешь, какое у него си-ви?

– Какое – что?

– Си-ви. Ну, резюме. Биография трудовая. Здесь такой ни у кого нету! Он, как только стресс пройдет, в ноль секунд на такую работу устроится, какая нам с тобой и не снилась.

Что можно было на это возразить? В способности зятя устроиться на самую что ни на есть престижную работу Рената нисколько не сомневалась. Как и в том, что его трудовая биография являет собою выдающуюся для Петербурга картину. Но при этом она понимала и то, чего по своей молодой неопытности не понимала дочка: что Антон больше не настроен на работу. Совершенно не настроен! Почему с ним такое случилось, Рената не знала. Зять всегда казался ей даже слишком энергичным, слишком нацеленным на успех и только на успех. И вдруг...

Она могла лишь догадываться о причинах того странного оцепенения, которое его охватило.

– Мне кажется, это у него не стресс, – осторожно заметила она. – То есть не одно какое-то событие. Он как-то... вообще надорвался, в целом –

так мне кажется. Слишком сильно рвался вперед, и это стремление себя для него исчерпало.

– Как это? – удивилась Ирка. Ее черные, как угольки, живые глаза недоуменно блеснули. – Ты что, ма? Да он же по-другому и жить-то не может! Только вперед, и чем скорее, тем лучше. Он же знаешь какой честолюбивый? Он к Америке в два счета привык, потому что по сути своей чистый американец.

– Выходит, не такой уж чистый, – задумчиво проговорила Рената.

Но объяснять сейчас дочке, что она имеет в виду, ей не хотелось. Не хотелось расстраивать Ирку – она и так оказалась вырвана из жизни, к которой, между прочим, привыкла не меньше, чем ее муж, а может, даже и больше, потому что Антон-то готов был жить где угодно, была бы розетка для компьютера, а Ирка так радовалась, когда они переехали в Нью-Йорк из забытого богом технократического городка в Техасе, где он работал прежде, и с таким восторгом рассказывала Ренате, что жить ей нравится исключительно в мегаполисе, что только сейчас она это осознала, и из Нью-Йорка ее поэтому палкой теперь не выгонишь, и документы в тамошний универ у нее уже приняли, так что наконец она тоже начнет учиться, пусть мама не переживает, ведь Антошка зарабатывает много, и в ближайшее время они возьмут детям няню...

Но что было теперь об этом говорить? Тем более что Рената и не знала, что посоветовать дочке. Может, та и права, и муж ее в самом деле походит-походит к психоаналитику да и устроится на работу...

– Елизавета Григорьевна была? – спросила Рената.

– Ага, – кивнула Ирка. – Прикинь, велела купить мочалок. Из мочала.

– Для подушек? – улыбнулась Рената.

– Ну! Вымочить мочалки, распушить, высушить и подушки для Сашки с Дашкой этой фигней набить. Чушь какая-то. По-моему, никаких мочалок из мочала в природе давно уже не существует.

– Мы с бабушкой и тебе когда-то такую подушку делали. Елизавета Григорьевна всегда считала, что дети должны спать на мочале. И мы вот именно покупали на Сенном рынке мочалки, вымачивали, высушивали...

– Каменный век какой-то! – хмыкнула Ирка. – Легенды старого Питера.

Педиатр Елизавета Григорьевна Оболенская в самом деле была в Петербурге личностью легендарной. Даже и не в Петербурге еще – она была известна всему Ленинграду с пятидесятых годов. Визит ее стоил по тем временам немало, десять рублей плюс оплата такси, но никто не жалел о расходах. Когда эта не улыбочивая дама в кружевном воротничке и манжетах появлялась на пороге и доставала из ридикюля сантиметр для

измерения младенческого родничка, родители замирали в благоговении.

Раз в неделю она вела у себя на даче в Сестрорецке бесплатный прием; в этот день любой человек мог принести к ней своего ребенка. Еще один день в неделю ей можно было в определенное время задать вопрос по телефону. Во время таких звонков Оболенская не вела никаких посторонних разговоров – ни о здоровье ребенка как таковом, ни о погоде; она отвечала на один-единственный вопрос и клала трубку. Если родители хотели задать второй вопрос, надо было дозвониться второй раз.

Елизавета Григорьевна знала о выращивании младенцев все и сверх того, и обращавшиеся к ней родители верили ей свято. Если говорилось, что, когда у ребенка появится подушка, это должна быть подушка из натурального мочала, – то люди ехали на рынок, покупали связку мочалок, запаривали их в ванне, высушивали, распушали... Возражений вроде «нам некогда, мы не знаем, где это достать» Оболенская не принимала. Она была уверена, что родители должны быть готовы совершать усилия ради своего ребенка и блюсти в первую очередь его интересы.

Одна Ренатина знакомая решила однажды нарушить рацион, составленный Елизаветой Григорьевной для ее дочки.

– Настеньке исполнилось два года, и мне стало ее просто жалко, – рассказывала она. – Еда по Оболенской казалась мне несъедобной, хотелось девочку чем-нибудь вкусненьким подкормить.

Естественное материнское желание закончилось тем, что именно в два года выяснилось: Настенька подвержена сильнейшей аллергии. Пока девочка питалась «несъедобной» едой по Оболенской, родители понятия об этом не имели...

Теперь Елизавете Григорьевне было за восемьдесят, но авторитет ее по-прежнему был непререкаем. Конечно, она работала уже не так много, как раньше, но Рената приложила все усилия для того, чтобы Оболенская все-таки посмотрела ее прибывших из Америки внуков – праправнуков не менее легендарного, чем она сама, доктора Флори.

– Ну, а кроме мочалки, что еще она сказала? – спросила Рената.

– Да сказала, здоровы, – махнула рукой Ирка. – Оно и так видно. Еще – меню для них расписала. Капуста вареная, свекла... Все допотопное, в общем.

– Ничего, пусть едят допотопное, – улыбнулась Рената. – Они тебе потом спасибо скажут.

– Ты какая-то не такая, ма, – помолчав, неожиданно сказала Ирка.

– Что значит не такая?

Рената постаралась изобразить на лице правдоподобное удивление.

– То и значит, что раньше ты такая не была. Устаешь, что ли? Работаете, честное слово, будто в Америке, – уходишь ни свет ни заря, приходишь ночью. В твоём возрасте пора себя беречь, – с важным видом заявила дочь.

– Возраст у меня, конечно, не юный, но в работе его ещё можно не учитывать.

Но, наверное, следовало признать, что Ирка права. Всего месяц прошёл после того, как Рената вышла на работу в свою клинику, а устала она так, как прежде и за целый год не уставала. К тому же все её женское здоровье со всеми его привычными циклами вдруг разладилось, она стала до слезливости нервна, голова у неё постоянно кружилась...

«Что ж, в самом деле возраст, – подумала Рената. – Увяданье, ничего не поделаешь. Рановато как-то, но мы ведь не южане, и лето у нас короткое, и молодость».

Ей сразу стало неловко от того, что она подумала об этом такими вот красивыми словами. Обыкновенный климакс, и нечего тут возвышенности городить. Правда, других признаков климакса – усиленного сердцебиения, например, или приливов жара – Рената у себя пока не отмечала, но, видимо, все это ожидало её в недалёком будущем.

Странно, но она не чувствовала по этому поводу даже легкой печали. Хотя, наверное, не странно... Что значит уходящая молодость по сравнению с навсегда ушедшим счастьем?

– Ну, если не на работе устаешь, тогда, значит, мы тебя утомляем, – сказала Ирка. – Ты потерпи, ма. Вот Антошка на работу устроится, и мы квартиру купим.

«Ты не в Чикаго, моя дорогая», – чуть не ответила Рената.

Это были строчки из любимого маленькой Иркой «Мистера Твистера».

Но все-таки она сочла за благо не разочаровывать девочку. Ирка с детства была – воплощенный оптимизм. Рената и себя пессимисткой не считала, но все-таки в ней не было такого прекрасного сочетания основательности и задора, какое было в её дочери. Наверное, эти качества та унаследовала от своего отца. Конечно, Рената уже успела основательно позабыть, какой он был, студент-медик Коля, от которого она родила дочь, но в Ирке явно присутствовало множество черт, не свойственных утонченно-холодной природе всех Флори. И от кого же ещё они могли в ней появиться, если не от отца?

Ирка и лицом в него удалась, вот этими яркими черными глазами, и, кажется, даже походкой. Впрочем, это уж Рената, пожалуй, преувеличивала. Какая у Коли была походка, она забыла напрочь.

Когда Ирка только родилась, Рената колебалась, не сообщить ли об этом своему бывшему жениху. Все-таки биологический отец... Но мама отговорила ее это делать.

– Ну подумай сама, что ты ему скажешь? – сказала она. – И, главное, что услышишь в ответ? Я тебе уже сейчас могу это воспроизвести: Коля скажет, что не может быть уверен в своем отцовстве. Его, безусловно, можно понять. Но нужно ли тебе это от него услышать?

И Рената справедливо рассудила, что это ей не нужно. И что, раз уж она решила родить сама, не спрашивая Колиного мнения, то и отвечать за свое решение должна тоже сама, не перекладывая на него ни части своей ответственности.

И то, что Ирка лицом и характером вышла вылитый отец, не могло служить аргументом против такого ее тогдашнего поведения.

«Милое ты мое создание! – грустно подумала Рената. – О какой ты квартире говоришь, что надеешься купить?»

Цены на жилье в Петербурге установились просто заоблачные, но дело было не только в этом. Рената подозревала, что ее девочке скоро не о покупке квартиры придется думать, а о том, чем ежедневно детей кормить.

Развита ли у нее женская интуиция, Рената не знала, но обычная житейская интуиция никогда ее не подводила, и эта житейская интуиция говорила ей сейчас, что с мужем-зятем они с Иркой обе вскоре наплачутся.

– А почему вы все-таки из Америки уехали? – спросила Рената. – Ты пойми, я не потому спрашиваю, что вам не рада...

– Да я понимаю! – махнула рукой Ирка. – Можешь без извинений, ма.

– Так почему? Истерический патриотизм вам вроде бы никогда свойствен не был, ностальгия вас тоже не мучила.

– Да я, мам, если честно, и сама не понимаю, – вздохнула Ирка. – Ну, Антошке, когда IBM нью-йоркский офис закрыла, предложили в Канаду переехать. В принципе можно было бы. Или там же, в Нью-Йорке, что-нибудь другое поискать, еще даже лучше. Но он вдруг... Ну, знаешь, как будто у него внутри шарик какой-то сдулся. Поехали, говорит, Ирка, домой. Я, говорит, от этих американских перемещений устал. Они же там лет до пятидесяти вообще на месте не сидят. Где работа есть, туда в два счета и переезжают. С Восточного побережья на Западное – в ноль секунд. Дом, друзья, школа у детей – все в любой момент побоку. А мы так не можем. Наверное, не можем, – не слишком уверенно уточнила она. – Ну и вернулись на родину. А зачем вернулись и что мне теперь здесь делать, я не знаю...

Впервые за все время после возвращения из Штатов в ее голосе

мелькнули нотки растерянности.

– Не расстраивайся, – спокойно сказала Рената. Спокойствие далось ей с усилием, но Ирка этого, к счастью, не заметила. – Няню детям и здесь можно взять. И университет в Питере, слава богу, никто не закрывает. Поступишь на свой филфак...

Ирка вышла замуж сразу после школы, так что свое намерение поступить на филфак осуществить не успела. Познакомилась на выпускном вечере с Антоном, зашедшим в школу, чтобы поздравить своего племянника, и он поразил ее воображение. Еще бы – выпускник Гарварда, блестящий молодой гений, в Америке его работодатели на части рвут, в Европу университеты преподавать зовут, и весь он такой вдохновенный, такой отрешенный, такой погруженный в какие-то свои мысли, безусловно, великие!..

Все это, захлебываясь от восторга, Ирка излагала маме по результатам первого же дня, который провела с Антоном – он пригласил ее погулять на острова. И Рената тогда почему-то сразу поняла, что девочка ее скоро от нее уйдет... Хотя с чего бы ей было так думать? Ирка начала влюбляться еще в детском саду, и каждая ее любовь была единственной и неповторимой, так что и в этой новой любви ничего особенного не было.

Но с Антоном вышло именно так, как Рената и предполагала: забыв обо всем, и уж тем более о каком-то там филфаке, дочка расписалась с ним прямо во время очередной романтической прогулки по Петербургу и через месяц уехала к нему в Америку, в ту самую техасскую глушь, где не было ни университета, ни даже колледжа какого-нибудь завалющего, только офис IBM, да несколько одинаковых улиц, да гипермаркет в окружении бесконечных, выжженных южным солнцем полей.

Что ж, она была счастлива, и Ренате оставалось только радоваться счастью своей дочери. А то, что какой-то непонятный червячок точил при этом ее сердце, так ведь именно непонятный, ну и нечего высказываться на эту тему.

И вот теперь Ирка сидела за столом в кухоньке тесной родной квартиры в Озерках, ее великолепный муж сидел в комнате и увлеченно мастерил телескоп по каким-то чертежам, найденным в Интернете, и непонятно было, на кой черт сдался ему этот телескоп или, например, самодельная же моторная лодочка в масштабе один к ста, которую он смастерил три дня назад, и как он вообще собирается жить дальше, и какую жизнь готовит своей семье.

– Ложись, ма, – спохватилась Ирка. – Правда же, устала ты как не знаю что.

– Да, правда, – сказала Рената, отодвигая пустую чайную чашку. – Даже голова кружится. Лягу. Я там персики купила, так ты Сашке не больше ложечки сначала дай. У него вчера какая-то сыпь была, ты заметила?

– Ничего, пройдет, – беспечно заявила Ирка. – Подумаешь, почесался немного.

«Все-таки правильно наши бабки делали, что в юном возрасте рожали, – улыбнулась про себя Рената. – Со всеми последующими страхами жизненного опыта трудно детей выращивать».

Когда родилась Ирка, она тоже ни о чем особенно не беспокоилась, никаких опасностей для ребенка ни в чем не видела и лишь удивлялась тому, что их видит повсюду ее мама.

Впрочем, это было так давно, что Ренате уже казалось, будто бы и не с нею. Теперь-то любое необычное беспокойство, проявляемое внуками, вызывало у нее если не панику, то по меньшей мере тревогу.

Да еще этот климакс как с неба, в самом деле, на нее свалился! Ложась спать, Рената теперь обязательно ставила на тумбочку рядом со своей кроватью воду, смешанную с лимонным соком, потому что по несколько раз за ночь просыпалась от тошноты и головокружения. А раньше она даже не представляла, что головокружение может наступать во сне.

«Надо все-таки обследоваться, – решила она. – Может, с сосудами проблемы начались. Так и до инсульта легко докатиться. Лучше вовремя побеспокоиться».

С этой мыслью она и уснула. И в ночном своем головокружении сразу же увидела лицо Винсента, его улыбку.

«Ты чему так радуешься? – спросила она. – Скажи мне!»

Но он молчал, только смотрел на нее счастливыми глазами.

И там, в их общем счастливом сне, Рената улыбнулась ему в ответ.

Глава 6

«Этого не может быть! Да что вы, в самом деле! – Рената с трудом удерживалась от того, чтобы не выкрикнуть это вслух. – Нет, ну конечно же, это ошибка. Завтра сделаю УЗИ, и сразу выяснится, что это просто ошибка», – подумала она уже спокойнее.

Но следовало признать, что оснований для спокойствия у нее нет никаких, а вот оснований для того, чтобы в голос кричать прямо посреди улицы, – хоть отбавляй.

Общее обследование, которое она решила начать с гинеколога, в первый же день дало результат настолько неожиданный, что его правильнее было бы назвать шоковым.

– Рената Кирилловна... – как-то осторожно, чуть не вкрадчиво произнесла Милица Андреевна Мечникова, когда Рената вышла из-за ширмы, отделяющей смотровую от докторского стола, и села на стул, предназначенный для пациентов. – А у вас нет оснований предполагать, что вы...

– Что климакс у меня начался? – догадливо переспросила Рената. – Конечно, есть основания предполагать. Рановато, правда, но ничего особенного.

Милица Андреевна была лучшим гинекологом их клиники, и Рената ходила к ней на обследования не реже раза в год, считая, что если ты требуешь цивилизованного поведения от своих пациенток, то и сама не должна вести себя как советская колхозница пятидесятых годов, попадавшая к врачу лишь в день очередных родов.

– Не климакс. – Милица Андреевна улыбнулась. Ее улыбка почему-то показалась Ренате почти испуганной. – Не климакс, а... У вас нет оснований полагать, что вы беременны?

– Т-то... То есть как?.. – с трудом выговорила Рената. И глупейшим образом добавила: – Как я могу быть беременна?

– Ну, не знаю. Извините... – Теперь Милица смутилась так, словно была не гинекологом с тридцатилетним стажем, а пансионеркой Смольного института благородных девиц. Впрочем, она тут же опомнилась и пояснила уже обычным своим невозмутимым врачебным тоном: – Матка девятинедельная.

– Ну так мало ли что это может быть! – воскликнула Рената. – Может, обыкновенная опухоль!

Это прозвучало уже не просто глупо, а совершенно по-идиотски. Как будто опухоль была наилучшим вариантом!

– По моему мнению, это именно и только беременность, – отчеканила Мечникова. – Якова Григорьевича сегодня, правда, не будет, так что УЗИ придется отложить до завтра. Но вряд ли я ошибаюсь.

К счастью, Рената отправилась на осмотр, когда ее рабочий день был уже окончен. Она не представляла, как стала бы работать в том состоянии, в котором вышла из кабинета Милицы Андреевны!

Чтобы немного прийти в себя, она пошла не в глубь Васильевского, к метро, а в противоположную сторону – к Неве.

Это оказался правильный маршрут. Порыв ветра с реки, обычный осенний петербургский порыв, сразу ее отрезвил. Нельзя сказать, что ее оторопь прошла совершенно, но теперь это была уже лишь оторопь, а не шок.

«Девять недель, – думала Рената, глядя в темные, строгие невские воды. – Значит, это в последние наши с ним дни случилось. Может, в последнее утро...»

Она сразу вспомнила, каким было в то утро его тело – как река, но не та, на которую она смотрела сейчас, не по-осеннему стылая, а ласковая в своей летней прохладе. И вспомнила, как они с Винсентом оба разом вспыхнули пороховым жаром, и в этом тоже было счастье, их общее счастье.

Она думала, что все это закончилось, навсегда ушло в небытие времени и осталось только в ее памяти. Оказывается, в самом деле осталось, и не в памяти только, а в ней самой.

Рената вспомнила последний сон, в котором к ней приходил Винсент. Она не поняла, почему он смотрит на нее такими счастливыми глазами, и спросила его во сне: «Ты чему так радуешься? Скажи мне!»

Ничего он ей тогда не сказал, и вот теперь она поняла все сама.

Она могла разговаривать с ним только во сне – задавать ему вопросы наяву, хотя бы даже в мыслях, казалось ей невозможным. Все время после его смерти Рената жалела о том, что ей не удастся такой простой с ним разговор, и даже обвиняла себя в холодности. А теперь она была этому рада.

В их отношениях не было ни капли пошлости, когда он был жив, и не могло быть никакой пошлой мистики после его смерти. Все оказалось очень просто, телесно: он оставил в ней своего ребенка. Но простота этого факта была не житейская, а какая-то другая – наполненная пронзительной душевной жизнью.

И что тут было говорить, о чем рассуждать? С этим надо было жить, и

надо было благополучно родить этого так неожиданно обещанного ей ребенка.

Но вот обо всех обстоятельствах, которыми это событие должно было сопровождаться, следовало именно рассудить, притом здраво. Поскольку невский воздух остужал ее голову, а именно это и было ей сейчас необходимо, Рената спустилась по гранитной лестнице набережной к самой воде. Она хотела присесть на гранитную же скамейку, но опомнилась. Вот это как раз было совершенно ни к чему – не хватало только застудиться в ее положении.

В ее положении!.. Рената улыбнулась. К своему новому положению следовало еще привыкнуть.

Она стояла над самой водою – стальные волны колыхались у ее ног. И от этого ее мысли действительно проникались здоровой свежестью, словно ветром.

«Положим, все обойдется благополучно, и я рожу, – думала Рената; суеверное отношение к каким бы то ни было утверждениям о родах никогда не было ей свойственно, возможно, в силу профессии. – Когда это будет? Сейчас девять недель, значит, октябрь, ноябрь... В апреле. До апреля Ирка квартиру точно не купит. То есть что я говорю – до апреля? Можно подумать, она ее в мае купит или в августе. Никаких предпосылок к этому не видно. Значит, трое взрослых и три младенца в двух смежных комнатах... Увлечательная у нас начнется жизнь!»

Их совместная жизнь и сейчас была чересчур, на ее взгляд, отмечена бытовым убожеством советского толка, а во что она превратится в дальнейшем, Рената представляла себе даже слишком отчетливо.

Наверное, узнав о маминой беременности, Ирка выразит один только восторг, может, даже расхохочется от такой новости и завизжит, и восторг ее будет искренним, она ведь добрая, любящая девочка. Зять, наверное, кисло скривится, пожмет плечами и усядется мастерить очередной телескоп или модель парусника Петровской эпохи.

Но, по сути, никакого значения все это не имеет.

По сути, имеет значение лишь то, что привезти своего новорожденного ребенка в Озерки – это значит не уважать и не любить ни дочь, ни себя, ни даже зятя, хотя любви и уважения к нему Рената и сейчас уже не испытывала.

Она присела на корточки, коснулась ладонью воды. Мысли потекли еще более плавно. Теперь они были уже не как ветер над Невою, а как сама река Нева.

«Положим, сниму квартиру, – думала Рената. – И из каких доходов я ее

буду оплачивать? Отложить, пока еще работаю? Но я уже и сейчас на няню откладываю, чтобы Ирка могла этим летом в университет поступить. Да нет, квартиру мне не снять. Сбережений у меня нет. И друзей со свободными квартирами, в которые меня пустили бы бесплатно, тоже нет».

Но само это словосочетание – свободная квартира, – как только Рената мысленно его произнесла, почему-то ее насторожило... И прежде чем она успела сообразить, почему, на ум ей пришла единственная догадка, которая имела сейчас практическое значение.

Единственная свободная квартира, которую она знала, находилась в Москве. Это была та квартира, в которой они жили с Винсентом; ключи от нее лежали у Ренаты в сумочке. Правда, может быть, эта квартира уже не была свободна – может, родственники Винсента ее продали. Да нет, вряд ли они успели это сделать, ведь должно пройти какое-то время, чтобы они могли вступить в права собственности. А когда вступят, то, возможно, не в ту же минуту бросятся ее продавать, все-таки для этого надо приехать в Москву... Или можно продать московскую квартиру, не выезжая из Амстердама? Есть же, видимо, какие-то агентства.

«Не стоит размышлять о том, чего наверняка не знаешь, – подумала Рената. – Возможно, видимо... Надо просто поехать в Москву и разобраться, что с этой квартирой происходит. И понять, что с ней будет происходить через полгода – свободна она будет или продана. Кстати, я и вещи свои оттуда не забрала. Если и правда родственники его приедут, не хотелось бы, чтобы они их оттуда выбрасывали. Поеду! – решила она. – В ближайшие же выходные».

Глава 7

Рената была уверена, что Москва встретит ее обычным ощущением суетливости и суетности. То есть не Москва ее этим встретит, а сама она почувствует именно это, оказавшись в Москве.

Но, к собственному удивлению, ничего подобного она не почувствовала.

Москва не была суетна. Она была – разнообразна. Это было очень точное слово; Рената даже обрадовалась, когда мысленно его нашла.

Множество различных образов – образов жизни, образов мысли, образов поведения – сливались в облике этого города, собственно, облик этот в своем слиянии и создавая. И, что на этот раз показалось Ренате особенно удивительным, сама она как-то очень легко себя почувствовала, влившись в этот общий облик.

Но вообще-то никуда она не вливалась, конечно, а просто вошла в метро на площади трех вокзалов. В отличие от питерского московское метро было разнолико, причем в самом прямом смысле этого слова: как написали бы в каком-нибудь учебнике по социологии, его пассажиры представляли собою разные социальные и национальные типы. Питер все-таки был куда более однороден.

«Странноприимный дом! – вдруг подумала Рената. – Кто это про Москву написал? Не помню».

Автора она действительно не могла вспомнить, но сама эта стихотворная строчка пришла ей на ум отчетливо: «Москва! Какой огромный странноприимный дом!»

Конечно, она знала правильное значение слова «странноприимный» – всего лишь приют для странников, почти ночлежка. Но сейчас ей казалось, что главный смысл этого слова другой: приют для странностей.

Когда Рената скользила взглядом по лицам людей в уличной толпе, когда вглядывалась в некоторые из них повнимательнее, ей казалось, что почти все они отмечены какой-нибудь странностью. Или необычностью? Или незаурядностью? Или чрезмерной живостью?

Как ни называй эту особенность московских лиц, а наличие ее было очевидным.

Рената вышла из метро на «Сходненской», прошла два квартала, вошла в парадную... То есть не в парадную – в Москве это называют подъездом, надо привыкать.

«Зачем мне привыкать к их названиям?» – подумала она почти сердито.

Квартира встретила ее такой тишиной, что Рената невольно вздрогнула. Но тут же взяла себя в руки. В конце концов, чем еще может встретить пустая квартира, в которую, похоже, никто не входил три месяца?

В том, что это именно так, Рената убедилась, когда вошла в комнату: все здесь застыло в том трагическом беспорядке, который царил во время ее отъезда. Судя по этому беспорядку, она пыталась тогда собираться в дорогу, но вещи валялись у нее из рук, потому она и уехала без вещей.

Рената подняла с пола свою юбку – синяя, с каким-то туманным оттенком, она очень нравилась Винсенту, – и зачем-то положила в выдвинутый ящик комода. Это был настоящий комод из карельской березы; Винсент купил его на Тишинке, на блошином рынке, который, впрочем, если судить по ценам, правильнее было бы назвать антикварным. Его привлек не только старинный вид этого комода, но и его вместительность – в его многочисленных ящиках хранилось у Винсента буквально все, от документов до зимней шапки, притом хранилось в не свойственном западному человеку беспорядке. Впрочем, он ведь был не только западным, но и творческим человеком, а им это, наверное, всем присуще.

Рената улыбнулась. Ее уже не удивляло, что она думает о Винсенте не с болью, а с такой вот спокойной ясностью. Ребенок, который ожидал своей жизни у нее внутри, не позволял ей думать иначе ни о чем и ни о ком.

В комодe был выдвинут не один, а все ящики, и из каждого выглядывали или даже свисали какие-нибудь ее вещи. Ей трудно было представить, чтобы она, со своей всем известной склонностью к порядку, могла устроить такой разор. Хотя в том ужасе и смятении, в котором она покидала этот дом, иначе и быть не могло, наверное.

Заняться уборкой Рената решила позже, а пока просто задвинула все ящики подряд. В верхнем из них стояла большая жестяная коробка из-под английского рождественского печенья – Винсент держал в ней документы и всякие бумаги. Задвигая этот ящик, Рената вдруг заметила, что прямо поверх коробки лежит большой конверт. Он белел в ящике так как-то пронзительно, что она невольно взяла его в руки.

И, только взяв, увидела, что на конверте написано ее имя.

Это было странно и тревожно. Когда Рената вскрывала конверт, руки у нее дрожали.

Почерка Винсента она не знала, ведь они никогда не писали друг другу писем. Но никто, кроме него, не мог написать слова, которыми испещрен был вложенный в конверт плотный белый лист...

«Моя дорогая, – писал Винсент, – я всегда стеснялся разговаривать с

тобой об устройстве нашей жизни. Я хотел, чтобы ты стала моей женой, и я хотел тебе это предложить. Но вдруг ты сказала бы, что моя жизнь для тебя не слишком серьезная?»

Рената почувствовала, что глаза ей застилают слезы. Господи, о чем он думал! Разве было для нее что-нибудь серьезнее его жизни?

«В тебе есть такая гармония, такое совершенство – как в искусстве, – читала она дальше. – Не в каких-нибудь его произведениях, а во всем искусстве, ты понимаешь? И я боялся, что я не совпадаю с твоей гармонией. Возможно, это все-таки непонятно. И я не стал бы писать тебе такие непонятные вещи, если бы не мое здоровье, которое не становится лучше, к сожалению. Я надеюсь, что операция все-таки обойдется хорошо, но пока мне не хочется про нее думать, а хочется поставить спектакль. Но все-таки я понимаю, что должен быть готов не только к радостным событиям. Если бы не это, я попросил бы тебя выйти за меня замуж. Но предлагать тебе это раньше моей операции было бы от меня нехорошо. Потому что неизвестно, чем она закончится. Но все-таки я хотел бы привести свои дела в порядок так, как будто ты уже моя жена. Конечно, ты не отвечала мне согласием. Но не сердись на меня за мою самонадеянность. Я написал документ на эту квартиру, чтобы она была твоя. Это помогает мне думать, что ты уже согласилась быть моей женой. И поэтому мне хочется что-нибудь тебе оставить. Что-нибудь из моего имущества. Не смейся над этим. У русских другое отношение к этому, я знаю. Но ведь я все-таки западный человек. И еще я всегда беспокоился, что ты думаешь обо мне как о ребенке, а мне бы не хотелось, чтобы это было так».

Рената улыбнулась сквозь слезы, несмотря даже на ошеломление, которое вызвало у нее Винсентово решение. Какие у него, оказывается, в самом деле детские были опасения! Могла ли она думать о нем как о ребенке?

«Но, возможно, я беспокоюсь напрасно. Ведь мне самому кажется, что ты намного младше меня, и я сам чувствую такое желание тебя защитить, как будто ты совсем юная девушка. И я не ошибаюсь – в тебе действительно есть очень юное, и это в тебе самое главное. Поверь мне, иногда я бываю очень проницателен по отношению к людям. Наверное, потому что я все-таки не очень плохой режиссер.

Но я слишком многословен. Извини меня за это. Это совсем не надо. Я люблю тебя – надо только эти слова.

Я пошлю этот конверт моей матери в Амстердам. Я не хотел бы, чтобы ты нашла его, если со мной все будет в порядке. Если со мной что-нибудь случится, то моя мать, конечно, приедет в Москву. И тогда она привезет

этот конверт для тебя».

Рената стояла в оцепенении. Ей казалось, что она слышит голос Винсента.

«Но как же так?.. – растерянно подумала она. – И когда же его мать сюда это письмо положила?»

В сущности, это не имело значения. Может быть, в те дни, когда приезжала, чтобы увезти тело своего сына домой; Рената не помнила, как сама она провела те дни. А может, мать Винсента приезжала из Амстердама еще раз, уже в то время, когда Рената была в Петербурге.

Все это было неважно. Рената не сознавала сейчас даже смысл Винсентова письма и тем более смысл бумаги с водяными знаками, которая лежала в конверте вместе с письмом. Она как наяву слышала только его голос – эти нежные, чуть смущенные интонации.

Осознать же смысл произошедшего ей еще только предстояло.

Глава 8

Рената проснулась рано, и это было совершенно ни к чему. Поезд уходил только к вечеру – она собиралась взять билет на скоростной экспресс.

Так что незачем ей было рано просыпаться. Все равно предстояло как-то протянуть время до отъезда.

Рената боялась, что ночь в этой квартире окажется для нее тяжелой. Все-таки здесь даже стены были пронизаны воспоминаниями, которые теперь должны были бы восприниматься ею как мучительные.

Но ничего подобного она не чувствовала. Даже наоборот, всю ночь ей снилось что-то легкое и ласковое. Как слова Винсента в письме – ведь они тоже не доставили ей боли.

Рената снова зажмурилась, потянулась и попыталась вспомнить, что же было там, во сне. Вспомнить этого она не смогла, но не расстроилась, а только улыбнулась: потом вспомнится.

Раз уж предстояло как-то проводить время, лучше всего было выйти на улицу. День выдался солнечный, и ей явно полезна была сейчас такая прогулка. То есть не ей, конечно, а ребенку.

Ехать в центр города не хотелось, и она пошла в Братцевский парк, который находился рядом с домом. И это тоже было ново для нее – то, что она не боится идти туда одна, хотя они с Винсентом часто гуляли в этом парке, и его дорожки, его деревья были поэтому так же пронизаны воспоминаниями, как пронизаны ими были стены в их недолгом общем доме.

Парк был единственной старинной частью этого спального района. Судя по усадебному дворцу, да и по живописному расположению всего парка – на высоком склоне над рекой Сходней, – когда-то здесь было загородное имение, и принадлежало оно какому-нибудь весьма состоятельному дворянскому семейству. Это было понятно уже по тому, с каким вкусом был выстроен дворец; у Ренаты, как и у любого жителя Петербурга, глаз на такие приметы был наметанный. Но все-таки каждый раз, когда они с Винсентом гуляли здесь, она не забывала ему сказать, что с Летним садом этот парк, конечно, не сравнить. Он не спорил – только улыбался и сжимал ее руку.

И вот теперь она шла по центральной аллее Братцева одна. Осенние листья светились у нее над головой, а легкие их тени играли под ногами.

«Как странно совпало, – думала Рената, наступая на эти нежные тени каким-то непредсказуемым, но не случайным порядком. – Ведь я что угодно могла предполагать про эту квартиру, только не то, что она оставлена мне. Да еще вот так, с документом... Зачем Винсент все-таки это сделал? – И тут же она ответила себе: – Да ведь он сам об этом написал. Как он написал, так и есть».

Это была правда. Винсент никогда не говорил того, что не считал правдой. Во всяком случае, ей – никогда.

«В самом деле он странный, этот город, – подумала Рената. – Не зря я сразу те слова вспомнила – про странноприимный дом. Потому он меня в этот раз так легко и принял! – вдруг догадалась она. – Ну да, я ведь теперь тоже странность, и еще какая!»

Эта неожиданная догадка поразила ее своей точностью. Рената всегда считала себя типичным образчиком того, что принято называть скучнейшей нормой. Вся ее жизнь была – сплошная обыденность, во всяком случае, она была уверена, что это так. И вдруг именно сейчас она представила, как увидел бы ее любой нормальный посторонний человек, если бы она вздумала пересказать ему обстоятельства своей жизни.

В юности влюбилась в мужчину, который и в мыслях не держал в нее влюбляться, рассталась из-за этого с женихом, однако родила все же от жениха, но ему об этом даже не сообщила... Двадцать с лишним лет жила после этого как во сне, как в зачарованном царстве – теперь она понимала это так ясно, что ее не смущала даже краснота такого сравнения, – а потом вдруг влюбилась в юношу, в мальчика почти, точно как принцесса из сказки влюбляется в сказочного же принца, безоглядно и самозабвенно, в полной готовности ко всему, и решила родить от него ребенка, хотя он умер... И все это, весь этот полный набор странностей воплотился в ее жизни без тени сомнений и колебаний.

Стоит ли удивляться, что ей так легко нашлось место в Москве, в этом странноприимном городе!

День был воскресный, парк был полон гуляющих. Мимо Ренаты, чуть не сбив ее с ног, пронеслась стайка детей. Один из них катил на блестящем самокате. Она инстинктивно отшатнулась от них и поспешила свернуть в боковую аллею, которая вела к парковой ротонде. Здесь, по крайней мере, было тихо. То есть не тихо, конечно, – совсем рядом гудела Московская кольцевая дорога, – но хотя бы малоллюдно.

Вернее, совсем никого здесь не было. Ротонда, под купол которой Рената вошла, была облезлая, давно не штукатуренная. Но классическая простота и строгость ее форм все равно поражала воображение. Рената села

в ротонде на скамейку, закрыла глаза. Ей хотелось думать и думать об уже произошедшем и еще происходящем в ее жизни, ей необходимо было думать об этом долго и созерцательно.

– Помогите! – вдруг услышала она и, вздрогнув, открыла глаза.

Кричал мужчина, и Рената сразу же увидела его на повороте аллеи, близ ротонды. Он придерживал за плечи невысокую женщину, и даже на расстоянии было видно, как она бледна и как подгибаются у нее колени.

Реакция на такие события у Ренаты была ровно такая, как у всякого нормального врача. Она бросилась к мужчине и женщине.

– Помогите! – повторил он, едва завидев Ренату.

В его голосе ясно слышалось отчаяние.

– Что с ней? – спросила Рената. – Она идти может? Или вы – можете вы ее до ротонды довести, донести?

– Не знаю, – растерянно произнес мужчина. – Я донесу...

Он был полноватый, одышливый, но высокий и, кажется, довольно сильный. Во всяком случае, хоть он и не подхватил женщину на руки каким-нибудь романтическим образом, но не довел, а в самом деле донес ее до ротонды – ее ноги почти не касались земли.

Когда женщина была уложена на скамейку, Рената легонько похлопала ее по щекам. Щеки были бледные и отечные. И не только щеки – все ее лицо было одутловатым; природа такой одутловатости была Ренате понятна. На всякий случай она пощупала ее колени, лодыжки – все это тоже отекло сильнейшим образом.

– Вы ее муж? Она что, беременна? – спросила Рената. – Сколько ей лет?

Женщина была маленькая и худая, точнее, тонкая и явно не молоденькая. Впрочем, точный возраст определить при ее бессознательном состоянии было затруднительно.

– Сорок, – растерянно пробормотал мужчина. – Сорок ей. Ну да, муж. Беременная, да. А как вы догадались? Еще же не видно.

– К сожалению, видно, – вздохнула Рената. – Гестоз у нее не диагностировали, не знаете?

– Не знаю... – так же растерянно произнес мужчина. И с отчаянием добавил: – Ничего у нее не диагностировали! Она и у врача ни разу не была!

Обычно сорокалетние женщины относились к своей беременности более трепетно. Но и примеров абсолютной безответственности Рената тоже повидала достаточно. Поэтому она не стала пенять незнакомым людям на неправильность их поведения. Тем более что один из этих людей вообще лежал без чувств.

Впрочем, как раз в эту минуту ресницы у женщины дрогнули. Глаза приоткрылись – они были черные, как ночь.

«Как две ночи», – ни с того ни с сего подумала Рената.

Видимо, собственная беременность повлияла на нее неожиданным образом: она стала склонна к банальным определениям. Это была единственная примета беременности, которая ее не радовала.

Взгляд женщины быстро становился осмысленным. И сразу же в нем начала плескаться тревога.

– Вам лучше? – спросила Рената. – Головокружения часто бывают?

– Часто, – ответил вместо нее муж. – В любую минуту обморок. Я ее одну никуда не отпускаю.

– Головные боли?

– Да, – тихо ответила женщина. – Все время голова болит.

– Давление повышенное?

Женщина молчала.

– Не меряет она давление, – уныло проговорил муж.

Рената взяла женщину за руку. Пульс был частый, тоже тревожный, но это еще ничего не значило. А вот если на фоне отеков повышено давление...

– Вам срочно надо в больницу, – сказала Рената. – Вы можете потерять ребенка.

На самом деле можно было потерять не только ребенка, но и жизнь, но говорить об этом она не стала.

– Нет! – с неожиданной страстью воскликнула женщина.

И тут же сникла, словно этим восклицанием исчерпала все свои силы.

– Это необязательно случится, – успокаивающим тоном сказала Рената. – Но если вы не ляжете в стационар, то с большой вероятностью. Не буду утомлять вас терминами, – обернулась она к мужу, – но поверьте, откладывать госпитализацию нельзя.

Что у женщины гестоз, а в перспективе возможна и преэклампсия, было для Ренаты так же очевидно, как и то, что вне больницы ее с такими показаниями оставлять нельзя.

Женщина снова закрыла глаза, как будто взгляд на этот мир был для нее тягостным.

– Не хочет она в больницу, – так же уныло произнес муж. – Хоть режь ее. К врачу даже не хочет обратиться, понимаете?

– Понимаю, – серьезно кивнула Рената. В действительности подобное поведение за все годы ее работы так и не стало ей понятно, но сталкивалась она с ним в последнее время все чаще. – В воду собирается рожать? –

понижив голос, спросила она у мужа.

– А как вы догадались? – удивился он. – Ну да. Наставника завела. Если бы хоть в ванну! Я бы дистиллированную воду налил, реанимобиль под окно вызвал – хоть как-то бы... А то ведь в море собирается, представляете? Наставник, сволочь, убить его мало, научил ее, что в Крыму чего-то там есть сакральное, и рожать поэтому надо в Черное море. А что там есть, в Крыму этом, кроме заразы?

– Скажите еще спасибо, что ее в священную реку Ганг рожать не отправляют. Вот там действительно зараза, причем экзотическая.

Несмотря на серьезность ситуации, Рената улыбнулась. Ее улыбка явно приободрила собеседника.

– Поговорите с ней, а? – попросил он. – Вы же врач, правильно? И, знаете, вы такое доверие вызываете... Поговорите, очень вас прошу! Я тут рядышком постою.

Он поспешно вышел из ротонды. Никакого желания беседовать с его женой Рената не испытывала. Она не ошиблась, вспомнив, что подобное отношение женщин к своей беременности встречается ей, как врачу, в последнее время все чаще.

Необходимость рожать в воду или в домашней постели, вокруг которой непременно следует расставить церковные свечи, или сидя на корточках, потому что так рожали наши мудрые предки, – всего этого она слышала от своих пациенток немало, и когда она это слышала, то думала только об одном: что у всех этих женщин словно бы вынули изнутри какой-то стержень, на котором держится здравость ума, живая ясность взгляда на жизнь, да и сама способность жить на этом свете. Переубедить их было ей неинтересно, но делать это приходилось все же часто.

Женщина тем временем села. Лицо ее чуть-чуть порозовело.

– Прекратилось головокружение? – спросила Рената, садясь рядом с ней.

– Кажется, да, – неуверенно ответила та. – У меня не так уж часто обмороки бывают, зря Виталик говорит!

Виталиком, по всей видимости, звали ее мужа. Рената чуть заметно улыбнулась: горячность и извиняющиеся интонации, с которыми женщина пыталась объяснить свое возмутительное поведение, звучали обнадеживающе.

– А ваше имя можно узнать? – поинтересовалась она. – Иначе неловко разговаривать. Я Рената Кирилловна.

– Алевтина Иннокентьевна. Но лучше просто Тина.

Она была такая хрупкая, такая трепетная, что тяжеловесное имя и

отчество ей в самом деле не подходили.

– Тина, ведь это у вас первая удачная беременность? – спросила Рената. Та молча кивнула. – И вы наверняка очень ее хотели?

Тина поспешно отвернулась. Можно было не сомневаться, что на глазах у нее выступили слезы. Точно так же можно было не сомневаться и в том, что беременности этой она не просто хотела, а мечтала о ней, как о самом большом счастье.

– Я... очень... – наконец проговорила она, снова поворачиваясь к Ренате.

Сквозь линзы слез ее глаза, и так огромные, казались еще больше.

– Тогда в чем же дело?

– В каком смысле – в чем? – недоуменно спросила Тина.

– Почему вы не хотите ее сохранить?

– Я не хочу?! – воскликнула она. – Да я же!.. Я ничего другого!.. Господи, да я только про ребенка и думаю!

– Не обольщайтесь на свой счет, – пожалала плечами Рената. – Вы думаете не столько о ребенке, сколько о себе.

– Ну что вы такое говорите... – ошеломленно произнесла Тина.

– Что есть, то и говорю, – жестко отрезала Рената. – Вы, судя по всему, человек увлекающийся. Причем увлечения у вас определенного толка. И все эти возвышенные игры – роды в сакральную воду и прочее в том же духе – ваше очередное увлечение. Но одно дело – расставить у себя в квартире тарелочки с благовониями, и совсем другое – рисковать ради подобных увлечений жизнью своего ребенка. Это уже, извините, просто непорядочно.

– Но я же не хочу рисковать, – со слезами в голосе проговорила Тина. – Я же наоборот!.. Если бы вы знали, сколько у меня выкидышей было! А тогда ведь я и в больнице лежала, и все-все, что врачи говорили, делала. И все равно... Я потому теперь к врачам и не хочу... Ничего же они не могут! Только организм медикаментами травить. А наставник меня ободряет, – серьезно добавила она.

Последняя фраза была произнесена тоном наивного и немного – не слишком, но достаточно – капризного ребенка. Обходиться с такими женщинами было нетрудно, и Рената знала, что умеет это делать. Правильное сочетание доверительности и решительности в голосе – и их мысли потекут в нужном направлении.

– Возможно, никакие медикаменты вам не понадобятся, – уверенно сказала Рената. – Но постоянный медицинский контроль понадобится точно. Срок у вас, наверное, недель пятнадцать?

– Шестнадцать.

– Скоро ребенок начнет шевелиться. Вероятно, он уже шевелится, но вы этого еще не чувствуете. А шевеления его надо контролировать – нет ли у него гипоксии, то есть дышит ли он. Для этого даже одного стетоскопа мало, не говоря про сакральные выслушивания руками, которые, видимо, производит ваш наставник. Нужна доплерометрия, кардиотокография... – Тина слушала заворуженно, как первоклассница, чуть не с открытым ртом. Непонятно, что именно так на нее действовало, Ренатин тон или медицинские термины, но это было и неважно – следовало ковать железо, пока горячо. Рената продолжила: – Может быть, понадобится небольшая терапия для маточно-плацентарного кровотока, но, повторяю, необязательно...

– А откуда вы узнали, что у меня дома тарелочки с благовониями расставлены? – неожиданно спросила Тина.

Откуда случайно встреченная в парке женщина знает, что такое доплерометрия и маточно-плацентарный кровоток, ее не заинтересовало.

– Вы не первая беременная, которая уповаешь на расхожую эзотерику, – сказала Рената. – И, к сожалению, также не первая, кто обращается к врачам слишком поздно.

– Я не знаю... – проговорила Тина. В ее голосе уже не слышалось ни горячности, ни слез. Она посмотрела на Ренату вопросительно. – Вы думаете, это поможет?

– Что – это?

– Если я к врачу пойду?

– Вы так говорите, словно речь идет о походе к чудотворной иконе, – улыбнулась Рената. – Обратиться к врачу – это просто норма. Житейская норма.

– А можно я к вам обращусь? – спросила Тина. – Вы ведь врач, правда?

– Правда, – кивнула Рената. – Но обратиться ко мне вряд ли получится. Я живу в Петербурге, сегодня уезжаю. Разве что когда рожать будете, – улыбнулась она, – можете к нам в больницу приехать. Если вам не покажется это странным.

– Мне ничего странным не покажется, – вздохнула Тина. – И Виталик меня куда угодно готов отвезти. Хоть в Англию, хоть даже на Марс. Да я и сама куда угодно готова... Я растерялась, понимаете? – Она шмыгнула носом, как маленькая. – Вот вы сказали, я увлекающаяся. А я не увлекающаяся, а просто подверженная влияниям. Виталик говорит, что я без царя в голове и что у меня нет характера. Но если вдуматься, у него и у самого его нет. Хотя он успешный и все такое.

Рената поняла, что разговор уходит слишком далеко от темы. Неизвестно, имелся ли царь в голове у Тининого мужа, но у нее самой такого не было точно, поэтому ее легко заносило куда угодно.

– Я попрошу вашего мужа, чтобы он вызвал «Скорую» прямо сюда, – не вопросительно, а утвердительно сказала она, вставая со скамейки. – И оставлю вам свою визитку. Если в самом деле надумаете в Петербурге рожать, милости прошу.

Правда, протягивая Тине карточку, Рената вспомнила, что сама к тому времени, возможно, будет уже не на работе, а в декрете. Да и вообще неизвестно, где она будет... Но сообщать об этом Тине она сочла необязательным. В конце концов, вряд ли та действительно отправится в Питер ради родов в какой-то неизвестной клинике.

– Не надо «Скорую», – покачала головой Тина. – Он меня и так отвезет. Хоть прямо отсюда в Лондон.

– Ну вот и прекрасно, – сказала Рената. – Счастливо вам, Тина. Все у вас будет хорошо.

– Вы правда так думаете? – с надеждой спросила она.

– Уверена.

Кивнув Тине на прощание, Рената вышла из ротонды. Виталик ожидал у поворота аллеи и сразу бросился к ней.

– Ну что? – торопливо спросил он.

– Отвезите ее в больницу, – сказала Рената. – Прямо сейчас, пока она не передумала. Вы знаете какую-нибудь приличную клинику?

– Господи! – воскликнул он. – Да я!.. Я уже все про эти дела знаю! Я же ей что только не предлагал! Где сама Алла Пугачева, то есть дочка ее, эта, как там... Да я ее куда угодно!..

– Куда угодно не надо, – улыбнулась Рената. – Дочь Пугачевой, мне кажется, рожала в Англии, туда вы еще успеете свою жену отвезти. А сейчас время дорого. Везите куда-нибудь поближе. Главное, поторопитесь.

Забыв обо всем, супруг бросился к Тине в ротонду, а Рената направилась к выходу из парка. Прогулка, конечно, получилась не такая созерцательная, как она предполагала, но, может, это было и хорошо: участвовать в простых и внешних, даже посторонних событиях было ей сейчас более необходимо, чем копаться в собственной душе.

Глава 9

– Вот от кого не ожидал, так это от тебя!

Сковородников потер ладонью лоб и нервно заходил по кабинету. Каждый раз, когда он ходил вот так вот от стены к стене, Ренате казалось, что он сейчас ударится лбом о старинные низкие своды – очень уж он был массивный.

– Почему же ты не ожидал, что я могу забеременеть? – улыбнулась Рената. – Кажется, ты наблюдаешь разнообразные беременности ежедневно и в больших количествах.

– Я даже твою беременность когда-то наблюдал, если помнишь, – хмыкнул Сковородников. – Не слишком приятные, скажу тебе, пережил ощущения, пока ты не заверила, что я не имею к ней никакого отношения. Но тогда это хоть на что-то было похоже! А теперь что?

– А что теперь изменилось? – пожала плечами Рената. – Здоровье у меня, как выяснилось, осталось просто-таки девическое. Это радует.

– Я всегда говорил, что ты не женщина, а ледяная глыба, – сердито сказал Сковородников. – Извини, конечно, но других слов не подберу. Нашла время рожать!

– Не понимаю, что тебя так возмущает.

– Да то, что не время сейчас для этого! Я же в минздрав ухожу. Как раз собирался всем сообщить. А тебя соответственно на свое место планировал. И вот тебе здрасьте-нате! Мы рожать надумали! От кого, кстати? – поинтересовался он.

– Милый Павел, ты снова не имеешь к этому никакого отношения! – засмеялась Рената.

– А ты переменилась, – покрутил головой Сковородников. – Может, и зря я тебя ледяной глыбой обозвал. Тем более что фигура у тебя, надо признать, не приобрела за все эти годы ни капли монументальности. И вообще ты осталась сексуально привлекательной, так что твоей беременности удивляться в принципе не приходится. Ладно, Рената Флори. – Он хлопнул рукой по столу. – Решение твое идиотское, это точно. Но ты его приняла. А в таком случае тебя бульдозером не сдвинешь, уж я-то знаю.

– Ну почему же меня бульдозером не сдвинешь? – не согласилась Рената. – По-моему, я всегда прислушивалась к разумным доводам.

– По работе – да. Но не в этой самой сфере. – Он покрутил рукой у себя

над головою, видимо, изображая некую возвышенную высь. – Не в личной жизни, короче. Когда уезжать собираешься?

– Через неделю.

– Как-то это все-таки глупо, по-моему, – заметил Сковородников. – Куда тебе торопиться? Рожать же, говоришь, в апреле? А сейчас еще декабрь. Доработала бы до декрета. И вообще, могла бы у нас родить, а потом уж...

– Что потом уж? Младенца в Москву перевозить под Иркины причитанья, что она меня, бедняжку, из родного дома с ребенком выгнала? Ей и без меня несладко.

– Зять так на работу и не устроился?

– Так и не устроился. И не собирается уже. Хорошо, что у них еще деньги есть, которые ему IBM при увольнении выплатила. На них пока и живут. А вообще – сломался он. То ли от действительной нагрузки надорвался, то ли с самого начала слабый был – это теперь неважно. Но сломался совершенно и, по-моему, бесповоротно. Правда, согласен с детьми сидеть, если Ирка в университет поступит. К этому у него отношение, по счастью, вполне американское. Ну, бог с ним! В общем, я хочу уехать пораньше и устроиться в Москве. Неизвестно же еще, что со мной через месяц-другой будет. Может, на сохранение придется лечь, вот и все жизнеустройство. А рожать буду у Валентины Казимировны, я с ней уже договорилась.

Валентина Казимировна заведовала в Москве роддомом такого же традиционно хорошего уровня, как тот, в котором Рената работала в Петербурге. Она была маминой институтской подругой, и доверить ей себя вместе со своим ребенком Рената могла без опаски. К тому же Валентина Казимировна пообещала, что на несколько месяцев, оставшихся до родов, оформит Ренату на работу, чтобы она могла нормально уйти в декрет.

В общем, Ренатино поведение выглядело не так уж глупо, и его можно было не считать безрассудным. Тем более что чем основательнее Иркино семейство устраивалось в Озерках, тем яснее Рената понимала: при всей ее любви к дочери и внукам такая вот единая и тесная жизнь с ними одной большой семьей – не по ней. Ни сейчас, ни тем более в будущем.

Что будет представлять собою ее жизнь в Москве, она не знала. Но в том, что должна решительно свою нынешнюю жизнь переменить, пока на это есть еще время, не сомневалась.

– Ладно, что уж теперь, – вздохнул Сковородников. – Когда едешь? На вокзал хоть тебя отвезу. Вещей же, наверное, у тебя вагон.

– Да нет, – пожала плечами Рената. – Вещей я немного с собой беру. Там все есть.

– Странная ты все-таки женщина! – хмыкнул Сквородников. – Не пойму, то ли всегда такая была, да я не замечал, то ли теперь стала. В связи с беременностью, может. Все-таки у баб при этом деле часто крыша едет, мы-то знаем.

– Может, и странная, – улыбнулась Рената. – Вот и поеду... В странноприимный дом.

Все-таки она переоценила свои силы. Надо было согласиться, чтобы Антон проводил ее до Москвы, до самой квартиры, как настаивала Ирка. Вещей у нее было хотя и немного, но все-таки больше, чем она могла бы унести сама. В Питере-то и зять, и Павел помогли загрузить их в вагон, а вот в Москве...

Впрочем, нельзя было сказать, что в Москве Рената растерялась. В конце концов, она всю жизнь устраивала свои бытовые дела сама, а потому необходимость взять носильщика и договориться с таксистом, чтобы он за отдельную плату внес ее чемоданы в квартиру, – такая необходимость не казалась ей какой-то из ряда вон выходящей. Обычные житейские хлопоты, ничего особенного.

По счастью, токсикоз у нее совершенно прекратился и чувствовала она себя прекрасно.

Телефон зазвонил у нее в сумочке сразу же, как только за таксистом закрылась дверь; Рената даже на стул присесть не успела.

– Да, Иришка, – ответила она, даже не взглянув на трубку – кто же еще мог позвонить ей в первую минуту приезда? – Все благополучно, я дома.

– Извините, – раздался в трубке мужской голос, – я говорю с Ренатой Кирилловной Флори?

– Да, – недоуменно подтвердила Рената.

У нее была почти феноменальная память на голоса, поэтому она могла ругаться, что голос говорящего ей незнаком. Впрочем, особенно удивляться не приходилось: наверняка кто-нибудь из рожавших у нее женщин дал ее телефон кому-нибудь из своих знакомых, тоже намерившихся рожать; подобное происходило довольно часто.

– Здравствуйте, Рената Кирилловна, – прозвучало в трубке. – Вы меня не помните, наверное. Но, может, жену мою помните, Тину. Вы ей месяц назад очень помогли. В Братцевском парке, когда ей плохо стало.

– Помню Тину, – сказала Рената. – Как ее самочувствие?

Она сразу же вспомнила не только хрупкую женщину с глазами как две ночи, но и ее перепуганного мужа Виталика, который готов был отвезти жену рожать в Англию или даже на Марс.

– Отлично, – сказал Виталик. – Дай бог вам здоровья.

– Ну почему же мне? – улыбнулась Рената.

– А кому? Если бы не вы, она до смерти себя довела бы, не говоря про ребенка. Мне врачи так и сказали. Я же ее тогда прямо из парка в клинику отвез.

– Что ж, я очень рада, – сказала Рената. – Надеюсь, все и дальше будет благополучно. Всего вам доброго.

Она собиралась закончить разговор. Вежливый человек, позвонил поблагодарить – о чем с ним еще беседовать? Но из трубки донеслось:

– Рената, подождите! Мне срочно надо с вами поговорить!

– Ну, говорите, – вздохнула она. – Я слушаю.

Его чересчур доверительный тон, вкупе с отсутствующим отчеством, совсем ей не понравился.

– Не хотелось бы по телефону. Я могу прямо сегодня к вам в Питер подъехать.

– Прямо сегодня не надо. Тем более что я в Москве.

– Отлично! – воскликнул Виталик. – Это вообще великолепно! Тогда я прямо сейчас к вам еду. Говорите, куда.

«Он, жена его говорила, весьма успешен, – вспомнила Рената. – Бизнесмен, наверное. Неудивительно, что так бесцеремонен. И по-московски к тому же. Мне надо – я еду. Надо ли это собеседнику – даже не обсуждается».

– Мне все-таки хотелось бы сразу узнать, в чем дело, – холодно сказала она. – Может быть, сразу же и выяснится, что приезжать вам ко мне нет необходимости.

– Рената Кирилловна, я вас очень прошу! – Тон Виталика сразу переменялся, и отчество возникло вновь. – Я вас просто умоляю! Ведь вы же видели Тину, какая она... Если опять ей что-нибудь безумное в голову придет, я себе этого не прощу.

«Видимо, мне предстоит очередная душеспасительная беседа с этой дамочкой, – подумала Рената. – Без царя в голове».

Вспомнив те Тинины слова, да и саму Тину, она все-таки улыбнулась. Было что-то очень трогательное в этой безалаберной женщине.

– Ну хорошо, приезжайте, – сказала Рената. – Вы ведь, наверное, рядом с Братцевским парком живете? Я тоже.

– Не совсем рядом, но это неважно. Сейчас же буду!

Глава 10

«Как можно было купить квартиру на такой высоте? Интересно, кто из них до этого додумался?»

Рената отошла от окна. Ей надоело всматриваться в сплошную облачную пелену, подступающую к самому стеклу.

– Уныло, правда? – сказала Тина. – В этом весь Виталик. Вечно ему чего-нибудь такого необыкновенного хочется. Обыкновенное ему скучно. Потому и на мне женился. Хотя мог бы на ком угодно, за него бы любая пошла. И горя бы не знал.

– Трудно судить, что для другого человека счастье, а что горе. Можно попасть пальцем в небо, – пожала плечами Рената.

– Это да, – кивнула Тина. – Так вы думаете, инфукол пока можно не капать?

– Инфукол вообще нельзя капать в домашних условиях.

– Но если вы будете наблюдать...

– Тина, – мягко, но решительно сказала Рената, – поймите: если я согласилась вести вашу беременность, это не значит, что я стану нарушать элементарные медицинские правила. К тому же инфукол в современном акушерстве уже не применяется. Не понимаю, откуда вы вообще о нем узнали.

Два месяца назад, впервые встретившись с Тиной, Рената правильно поняла, как надо разговаривать с этой женщиной, чтобы она не погружалась в собственные сомнительные измышления, а просто делала то, что положено. Теперь она именно так с Тиной и разговаривала, и именно так та себя и вела.

– Нет-нет, я же ничего, – поспешно сказала Тина. – Вы же лучше знаете, я понимаю.

– Я поеду, Тина.

– Ой, а я думала, вы со мной пообедаете. Кира Петровна такой борщ приготовила!

Тина сказала о борще таким тоном, каким взрослые соблазняют ребенка конфетой.

«Хорошо, что она родит, – подумала Рената. – Давно ей в мамы пора».

– Нет, спасибо, – отказалась она. – Есть мне совсем не хочется. А отдохнуть хочется.

– Так вы прямо здесь можете прилечь, – тут же предложила Тина. –

Господи, да разве места мало? Вообще, Рената... Я вам давно говорю: перебирайтесь к нам. Будем болтать про наших деток. – Она погладила свой большой живот и веселым взглядом посмотрела на Ренатин, тоже уже округлившийся. – Разве плохо?

– Прекрасно, – усмехнулась Рената.

«Не дай бог!» – подумала она при этом.

Перспектива проводить за разговорами с Тиной целые дни напролет выглядела в ее глазах просто убийственной.

– Жалко, что вы не хотите... – разочарованно протянула Тина. – Но вы же скоро придете, да?

– Приду, – кивнула Рената.

Не прийти было невозможно: она привыкла выполнять взятые на себя обязательства. Другое дело, что если бы ее житейская ситуация не сложилась так причудливо, вряд ли она подобные обязательства на себя взяла бы. Но рассуждать теперь об этом было уже поздно. Да, в конце концов, не таким уж плохим вариантом являлась вся эта умиротворяющая возня с Тиной. При всей своей безалаберности, доходящей до глупости, та была не зловредна и даже капризна в меру – как почти всякая беременная женщина.

Себе Рената подобных капризов, правда, не позволяла, но у нее и положение было другое. Не физиологическое положение, а житейское.

– Леня вас у подъезда ждет, можете ему не звонить, – сказала Тина.

– Да, – кивнула она.

Это входило в условия контракта – чтобы водитель в любую минуту готов был привезти Ренату к Мостовым и доставить обратно домой.

Туманом были залеплены все окна. Пока Рената шла через огромную квартиру в прихожую, отовсюду на нее глядела эта белесая пелена.

Машина стояла у самой ограды, на выезде из двора. Идя к ней, Рената оглянулась на дом. Он был так огромен, что закрывал собою все пространство ввысь и вширь, за ним не было видно ни неба, ни длинной Песчаной улицы. Впрочем, небо все-таки было сильнее этой палево-серой громады: облака окутывали всю верхнюю надстройку-башню, в которой жили Мостовые. Оттого в их квартире в любой пасмурный день казалось, будто находишься в самолете – на взлете, в плотной облачности.

Вообще же этот дом-новодел, имитирующий московские сталинские высотки, воспринимался не как дом, а как отдельный город – с многочисленными переходами и площадками, с какими-то оградками и башенками, с большим двором, отделенным от внешнего мира массивной решеткой, с по-своему устроенной жизнью.

Во всяком случае, Рената воспринимала его именно так. И не любила. Ее тяготил этот дом, этот отдельный мир. Он казался ей очень московским, тяжеловесным, помпезным, перенасыщенным скороспелой безвкусицей. И ни за какие благополучия она не согласилась бы в нем жить.

Завидев ее, водитель Леня завел мотор «Ниссана». Рената уже взялась за дверцу машины, но тут массивные дворовые ворота открылись и с улицы въехал «Мерседес» Виталика. В отличие от веселенькой красненькой машинки-игрушечки, которую Мостовой держал для жены, его собственный автомобиль производил то же впечатление солидности, что и он сам.

Рената остановилась, ожидая, когда «Мерседес» остановится рядом с нею. Неудобно было уезжать, не поздоровавшись с Виталиком.

Пока тот выбирался из машины, она подумала: «Удивительно! Я впервые его увидела именно в тот момент его жизни, когда он был совершенно не похож на себя обычного. И то первое впечатление уже не изменить, хотя теперь я вижу, что он совсем другой».

Действительно, как бы солидно ни выглядел при каждой встрече, почти ежедневной, Виталий Витальевич Мостовой, Рената всегда помнила, каким растерянным он был тогда в Братцевском парке, как неловко, отдуваясь, тащил свою жену в ротонду, с какой надеждой смотрел на случайно встреченную женщину, в которой почувствовал уверенность и спокойствие. И никакого ощущения надежности Виталик у нее вызвать уже не мог, как он ни старался.

Что же – жизнь направляет свой бинокль на человека в нужную ей минуту, а не тогда, когда он к этому готов.

– Здравствуйте, Виталий Витальевич, – сказала Рената.

С Тиной они давно уже обращались друг к другу по имени, хотя и на «вы», но с Виталиком она считала нужным сохранять дистанцию, несмотря даже на непростую выговариваемость его имени-отчества.

– Здравствуйте, Рената Кирилловна. Ну как она сегодня?

Этот вопрос Виталик задавал каждый раз, когда Рената навещала его супругу. И каждый раз в его голосе звучала тревога.

– По-моему, хорошо. В клинике я ее посмотрела, все исследования мы сделали. Сейчас она дома.

– А дома она... как?

– Дома с ней тоже все в порядке, – улыбнулась Рената. – Не волнуйтесь, Виталий Витальевич. Вы вовремя приняли меры. Тина здорова и, надеюсь, благополучно родит.

– А насчет родов она что? – не унимался Виталик.

Это был больной вопрос. Находиться под постоянным врачебным наблюдением, то есть не под каким-то наблюдением вообще, а именно под Ренатиным, – на это Тину еще удалось уговорить. Но рожать в воду – это было для нее непреложно, и убедить ее этого не делать не представлялось возможным.

Впрочем, Рената и не была пока особенно настойчива. Она понимала, что такие женщины, как Тина, просто не способны держать в голове несколько здравых мыслей одновременно. Так что разговор о родах лучше было отложить на потом, когда он станет уже совершенно насущным.

Все-таки было в этом что-то унижительное – вместо того чтобы работать так, как она за всю свою жизнь привыкла, теперь ей приходилось изо дня в день заниматься умиротворением вздорной дамочки. Но этот вариант представлялся Ренате сейчас не просто наиболее приемлемым, а даже единственно возможным.

Хотя два месяца назад, когда Виталик ей это предложил, она собиралась отказаться немедленно.

– Подождите, Рената Кирилловна! – видимо, по выражению лица разгадав ее намерение, воскликнул он. – Я понимаю, что вы думаете. Но не решайте второпях.

– Я никуда и не тороплюсь, – пожала плечами она. – Но...

– Ну вы же разумная женщина. Вот и рассудите, – сказал Виталик. – Фактически я вам предлагаю обычную работу по вашей специальности.

– По моей специальности я работаю в больнице, – заметила Рената. – А не на дому у пациентки.

– Ну и работайте себе в больнице! А к пациентке этой, к Тине, мой шофер вас будет в ваше свободное время привозить. И домой отвозить тоже. А я вам за это буду ежемесячно платить столько, сколько вы за год в своей больнице не получаете. Плохо вам это?

Заявление про оплату труда было сделано тем тоном, которого Рената терпеть не могла, – тоном уверенного в своей правоте и в своем праве нувориша. И произойди все это какие-нибудь четыре месяца назад, она не замедлила бы соответствующим образом ответить. Но сейчас... Видимо, сейчас ее поведение определялось не разумом, не воспитанием, не характером даже, а одним только инстинктом самосохранения, то есть правильнее сказать, сохранения своего ребенка.

И, подчиняясь этому инстинкту, Рената ответила:

– Мне это неплохо. Но это мне не свойственно.

– Всем нам что-нибудь раньше было не свойственно, – усмехнулся Виталик. – А потом жизнь по-новому повернулась, и нас повернула, а кого

и наизнанку вывернула. Я вот, например, когда-то в Министерстве бытового обслуживания штаны протирал и в мыслях не держал, что на что-нибудь другое способен. А сейчас у меня сеть химчисток по всей стране, сеть супермаркетов экономкласса, и способен я на многое. Во всяком случае, многое могу себе позволить.

Его похвальба производила, безусловно, пошлейшее впечатление. И все-таки было в ней что-то жалкое. Наверное, оттого что Виталик и сам сознавал, насколько тщетны его достижения, если они не могут ему помочь в овладении мыслями собственной жены...

Рената поморщилась от его слов. Но жалость, а вернее, сочувствие к нему у нее все-таки не исчезло.

– Рената Кирилловна, ну пожалейте меня, – словно догадавшись о ее сочувствии, вздохнул Виталик. – Ведь это первый ребенок. А лет мне сами видите сколько, да и Тине тоже. Знаете, что с ней было, когда она визитку вашу найти не могла? Как будто волшебную палочку потеряла, ей-богу!

– Как же вы в таком случае меня нашли? – удивилась Рената. – Я думала, вы просто по моей визитке позвонили.

– Да у вас, по счастью, имя-отчество-фамилия нестандартные, – объяснил он. – В городе на Неве вы единственная Рената Кирилловна Флори. Да я бы вас все равно нашел, хоть бы вы Катерина Ивановна Петрова были.

В его любви к взбалмошной жене было что-то исступленное, и это тоже вызывало сочувствие.

– Хорошо, – сказала Рената. – Но сначала давайте я все-таки устроюсь в клинику. И начну работать. Я ведь только сегодня в Москву приехала, буквально полчаса назад.

– Без вопросов, – заверил Виталик. – Только все-таки... Давайте прямо сейчас к нам съездим, а? Тину успокоим. Я, понимаете, боюсь. Ей же каждую минуту этот наставник может позвонить или дура какая-нибудь, с которой они вместе к наставнику шляются. А с вами она тогда поговорила, и как подменили ее – внятная стала. Поехали, очень вас прошу!

Если уж согласилась на определенные условия в целом, то спорить в мелочах Рената считала глупым.

Так она впервые оказалась в квартире Мостовых, вот в этом бессмысленно помпезном доме на Соколе, во дворе которого теперь, месяц спустя, беседовала с Виталием Витальевичем.

Но ответить на последний его вопрос – о Тининых планах относительно родов – ей было пока нечего.

– Подождите, Виталий Витальевич, – сказала Рената. – Давайте будем

избавляться от неприятностей по мере их появления. До родов Тине еще три месяца. То есть, если все будет идти так как идет, в больницу ей надо будет лечь через два. Вот тогда и начнем ее уговаривать.

– Что бы я без вас делал, Рената! – покрутил головой Виталик. Он понимал, почему она не переходит на общение по имени, и, кажется, уважал ее за это, но сам все же сбивался иногда. – А сами вы до тех пор не родите? – опасливо поинтересовался он.

– Я рожу гораздо позже. Разве вы не видите? – удивилась Рената.

Ей казалось, что ее небольшое пузцо явно отличается от объемного Тинино живота.

– Да кто вас, женщин, разберет, – произнес Виталик. – С виду-то вроде так, а на самом деле, может, совсем наоборот.

– Вы лучше подумайте о том, чтобы переселить Тину за город, – вздохнув, сказала Рената. – Жить в городских облаках ей совершенно ни к чему.

Вообще-то ей совсем не хотелось говорить это Виталику, потому что она прекрасно представляла его реакцию. Конечно, он сразу предложит ей выехать за город вместе с Тиной, и отказаться будет невозможно – таково их соглашение.

Живя всю жизнь в Петербурге, который являлся для нее образцом города утонченного, Рената не мыслила для себя примитивной среды обитания. Ей и Москва-то казалась бесстильной, и уж совсем не горела она желанием засесть где-нибудь на новорусском хуторе. Но и не сказать Виталику то, что считала нужным сказать как врач, она тоже не могла.

– Да я ей сто раз за город предлагал, – поморщился Виталик. – У нас на Рублевке дом.

«Ну конечно, где же еще!» – подумала Рената.

– Но он ей не нравится, – добавил Виталик. – Видно, продать придется.

– Придумайте что-нибудь еще, – пожал плечами Рената. – Неужели Рублевка – единственный вариант дачной жизни?

– Дачной? – почему-то переспросил он. И задумчиво добавил: – Дачной – не единственный.

– В общем, подумайте, поговорите с Тиной, – сказала Рената. – До свидания, Виталий Витальевич.

В зеркало отъезжающего красенького «Ниссана» она еще некоторое время видела, как Мостовой задумчиво стоит рядом со своим автомобилем. Странной была его семейная жизнь! Хотя, может, и не странной... Ее странность объяснялась любовью, а любовь не имеет ведь общих правил и является исчерпывающим объяснением для самых невероятных жизненных

перипетий. Это-то Рената знала точно.

Глава 11

– Нет, ну а все-таки, чем ваш Питер от нашей Москвы отличается?

Тина смотрела с интересом и даже с некоторым вызовом. Не то чтобы Рената считала ее глупой – по ее наблюдениям, Тине был присущ если не ум, то все же способность быстро усваивать чужие мысли и даже производить собственные, пусть и незамысловатые. Но объяснять ей вещи, в которых и сама не могла пока разобраться, Ренате все же не хотелось. К тому же у нее вызывало улыбку утверждение про «нашу Москву»: она уже знала, что Тина приехала в столицу пять лет назад из Белгорода, и даже не сама приехала, а Виталик привез, влюбившись в нее с первого взгляда во время какой-то своей деловой поездки.

Кажется, Тина заметила ее улыбку. Во всяком случае, она смутилась и сказала:

– А я за пять лет Москву очень даже полюбила. Есть в ней все-таки какая-то магия. Только вот я не понимаю, какая, потому у вас и спрашиваю.

– Я тем более этого не понимаю. И никакой особенной московской магии не чувствую.

– Это потому, что вы на окраине живете, – авторитетно заявила Тина. – Да и мы, собственно, тоже, хотя Сокол все-таки к центру поближе. Мне, конечно, Братцевский парк нравится, но все-таки это обыкновенная подмосковная деревня, больше ничего. А вот когда по Тверской гуляешь, то московский ритм сразу чувствуешь.

От этого ритма, а точнее, от напряжения, которое было буквально разлито в воздухе над Тверской, Рената чувствовала одну только усталость. Неторопливый стиль питерской жизни, к которому она привыкла, вступал с постоянной московской спешкой в резкий контраст. Притом она не стала бы утверждать, что в привычной ей петербургской неторопливости было что-то провинциальное. Различие между Петербургом и Москвой заключалось не в провинциальности и столичности, а в чем-то другом, но в чем, Рената определить не могла.

Сейчас они как раз сидели на Тверской. Не на самой улице, конечно, а в салоне красоты, который находился на втором этаже одного из ее домов.

Дома эти производили на Ренату угнетающее впечатление. На Невском дом подобного рода, то есть выстроенный в духе державного сталинского пафоса, был только один – тот самый, в котором жил когда-то ее жених Коля. Тверская же почти вся состояла из таких вот домов, в которых если и

был стиль, то он казался Ренате вульгарным. Да и вся Москва казалась ей вульгарной – пожалуй, это было главное качество этого города.

В салон красоты на Тверской заманила Ренату Тина, самой ей в голову не пришло бы сюда зайти. Она не то чтобы стеснялась заведений, от которых за версту веяло непомерной дороговизной, но не считала нужным пользоваться их услугами. Зачем платить за маникюр вдесятеро против того, что он в действительности стоит? Да и инстинкт, тот самый инстинкт заботы о будущем ребенке, не давал Ренате совершать глупые поступки, каким являлось бессмысленное выбрасывание денег.

Тина же, насколько она успела заметить, в заботах о своем будущем ребенке следовала не инстинкту, а любой внешней воле, более сильной, чем у нее. Прежде это была воля ее так называемого наставника, теперь вот – Ренатина.

Иногда Ренате казалось, что это правильно. Или, по крайней мере, гораздо менее трудно, чем во всем полагаться только на себя. Но что толку было размышлять об этом? Все равно, кроме себя, полагаться ей было не на кого, и не только сейчас, а всю жизнь, так что это стало у нее даже больше, чем просто привычкой.

Ренатин маникюр давно был готов, но ей пришлось ждать, пока завершится бесконечная процедура наращивания Тининых ногтей и украшения их стразами и какими-то разноцветными разводами; именно для этого Тина пришла в салон и проводила здесь уже не первый час кряду.

Рената листала дамский журнал, пила желтый чай и при этом злилась на себя так, словно не сидела в дорогом, сверкающем зеркалами помещении, где вокруг нее плясали услужливые и улыбочивые девицы, а переживала бог весть какое унижение.

Собственно, она могла в любую минуту встать и уйти, но они с Тиной собирались после салона ехать на очередное обследование в клинику, где та наблюдалась, поэтому приходилось ждать.

Можно было также и погулять, пока Тина возилась с ногтями, но после того как ночной дождь сменился утренним ноябрьским морозцем, тротуары превратились в сплошной каток. Выйти на улицу и побродить по этому катку, коротая время, Рената считала опасным. Да и не любила она гулять без цели.

Тина между тем была уверена, что Рената получает от посещения салона сплошное удовольствие.

– Зря вы не захотели тоже ногти нарастить, – говорила она, любуясь узорами на уже обработанной левой руке, пока мастерица разрисовывала ей правую. – Дело даже не в том, что это модно. А просто очень необычное

ощущение. Рука как будто бы не своя, даже голову почесать как-то не хочется. Знаете, это так странно! Я, помню, в первый раз долго не могла привыкнуть. Зато с такими ногтями как-то иначе себя чувствуешь, по-новому как-то. А в нашем с вами положении это важно.

От этого философствования на тему ногтей можно было сойти с ума.

«Кто, интересно, все-таки это придумал – без царя в голове? – изнывая от Тининой болтовни, думала Рената. – Надо же было так догадаться! Ничего точнее про нее не скажешь».

Наконец Тинин маникюр был готов.

– Давайте перед клиникой пообедаем? – жалобным голосом попросила она. – Ну, опоздаем немножко, ничего страшного.

Рената хотела было сказать, что заставлять трех врачей ожидать окончания твоего обеда – неприлично. Но, взглянув на часы, решила, что пообедать они успеют, а значит, можно воздержаться от замечания. Ежеминутно воспитывать взрослого человека, которого не воспитали ни родители, ни его собственная жизнь, казалось Ренате бессмысленным и тоже неприличным, поэтому она предпочитала по возможности ограничиваться по отношению к Тине лишь медицинскими наставлениями.

– Хорошо, давайте пообедаем, – кивнула она.

Обедать Тина решила в ресторане, который находился в соседнем доме. Значит, снова предстояло любоваться в его окно той же самой Тверской. Это Ренату не вдохновляло, но, в общем, не имело большого значения.

Она не заметила, в каком возрасте появилось у нее такое вот... Не столько безразличие к мелочам, сколько правильная их оценка. Она не то чтобы не любила красивую одежду, но не упивалась процессом ее покупки, не то чтобы была равнодушна к еде, но не рассматривала поход в ресторан как сколько-нибудь значительное событие...

Правда, с едой во время беременности как раз начались затруднения. Вкусы у Ренаты совершенно переменялись, и она не могла даже понять, каким образом, а потому и не представляла иногда, что ей готовить для себя дома, чтобы без отвращения это приготовленное съесть. Так что поход в ресторан был для нее сейчас, пожалуй, кстати: там было больше вероятности выбрать что-нибудь подходящее.

Ну а антураж, который еде будет сопутствовать – отделка стен, вид из окна и прочее подобное, – в самом деле не имел значения.

Стены оказались отделаны резными пластиковыми панелями, поверх которых был пущен золотой узор. За окном текла безликая Тверская.

– Вот, например, устрицы, – внимательно разглядывая очередную страницу меню, говорила Тина. – Наверное, не стоит рисковать. У меня

одна подруга устрицами отравилась, притом свежими и в Париже, в очень приличном ресторане. Они, оказывается, могут какую-то гадость из моря выпитывать, которая для человека вредная. Особенно в мае.

– Сейчас ноябрь, – машинально напомнила Рената.

– Хотите устриц? – оживилась Тина.

– Нет, спасибо. Я салат съем, только не с майонезом. И рыбу, все равно какую.

– А мне мяса дико хочется! – даже прижмурилась Тина. – Как вы думаете, это не вредно? Все-таки животный белок. К тому же в мясо переходит страх, который животное испытывает, когда его убивают. Вот у евреев, например, и у мусульман тоже умерщвлять животных может только специально обученный человек. Который так все сделает, чтобы страх не переходил в мясо. И вот я думаю...

Ее снова понесло неизвестно куда и неизвестно откуда подувшим ветерком. Но останавливать это бессмысленное движение Рената уже научилась.

– Возьмите мясо, Тина, – улыбнулась она. – Животный белок ребенку необходим.

– Но вы же не берете!

– Мне не хочется.

– Наверное, у вас девочка, а у меня мальчик, – вздохнула Тина. – А так хочется наоборот! В смысле, мне девочку хочется.

Оба плода располагались в материнских утробах так, что точно определить их пол во время УЗИ не представлялось возможным. Словно сговорились эти дети, мамы которых проводили друг с другом так много времени!

«Не хватало еще, чтобы характеры у них потом тоже похожие оказались», – с опаской подумала Рената.

Перспектива родить ребенка, который будет хоть чем-то похож на Тину, несколько ее не прельщала. Впрочем, она была уверена, что он будет похож на своего отца, и ей было неважно, кто это будет, мальчик или девочка.

– Да, а знаете, ведь Виталик хочет, чтобы мы с вами на дачу перебрались, – сказала Тина.

– На Рублевку?

Рената с трудом оторвалась от своих мыслей. Вернее, от воспоминаний – ясный взгляд Винсента вдруг представился ей так живо...

– Нет, на Рублевку я сразу сказала, что не поеду, – ответила Тина. – Там, видимо, аура такая, что мне не подходит. А это же сейчас особенно важно, чтобы аура подходила, да? Но он говорит, что вы сказали, что мне

обязательно из города надо уехать. Правда, Рената? Вы правда так считаете?

Обманывать в медицинских вопросах Тину Рената считала еще более бессовестным, чем ее мужа.

– Правда, – вздохнула она. – Вам вредно жить бог знает на каком этаже и вдыхать смог, который прилип к облакам.

– Я без вас не поеду, – быстро сказала Тина.

Это Рената и сама понимала. И так же хорошо понимала, что отказаться от Тининогo предложения ей уже не удастся.

«А зачем, собственно, мне от него отказываться?» – вдруг подумала она.

Это была здравая мысль, и причина ее здравости заключалась в том, что вот уже месяц Рената не работала в больнице.

Она просто переоценила свои силы. Это в двадцать лет она могла работать не только до декрета, но и до самых родов, и даже ночные дежурства брала. А в сорок с лишним... Объективно ее самочувствие было вполне приличным, но к концу рабочего дня она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание от усталости.

Именно поэтому неделю тому назад Рената вынуждена была прекратить работу. Вернее, не всю ее прекратить, а только в больнице. И ведение Тининой беременности осталось с этих пор ее единственным занятием и единственным источником дохода. Притом дохода очень даже неплохого – Рената с каким-то почти физическим удовольствием отмечала, что денег у нее уже сейчас отложено достаточно, чтобы продержаться первый год после рождения ребенка.

И какие в таком случае могли быть причины для того, чтобы не выехать вместе со своей пациенткой на дачу?

– Это какая-то странная дача, – сказала Тина. – Такое дворянское гнездо.

– Вы же говорите, что она не на Рублевке.

– Все равно дворянское гнездо. Виталик там в детстве жил. Какой-то там был ведомственный пансионат, что ли, а потом его приватизировали жильцы, и это стало что-то вроде коммуны.

– Так коммуна или дворянское гнездо? – уточнила Рената.

Жизнь в любом из этих заведений представлялась ей сомнительным удовольствием.

– Я, честно говоря, сама толком не знаю, – призналась Тина. – Но ведь потому и интересно!

В отличие от нее Ренате вовсе не было интересно ехать туда, где жизнь устроена непонятным образом.

– Зато там воздух точно свежий, – сказала Тина. – Это довольно далеко от Москвы, и там сосновый лес.

– А живут там в чем, в этом лесу? – поинтересовалась Рената. – В избушках?

– Ну, не в избушках, но в чем-то вроде. В каких-то домиках с верандами.

– На верандах зимой не живут.

– Ну, я точно не знаю. Просто Виталик рассказывал про веранды, он их почему-то очень запомнил. На них всегда собирались, пили чай, какие-то дачные спектакли устраивали, не то шарады разыгрывали.

– Как в дореволюционной книжке, – усмехнулась Рената.

Ей с трудом верилось в существование таких вот идиллических мест. Образ жизни, при котором на веранде разыгрываются шарады, явно остался в далеком историческом прошлом.

– Еще там есть монастырь. Он за рекой, а река неширокая, и поэтому все время слышно, как колокола звонят, – продолжала Тина. – А это ведь полезно, правда? От колокольного звона в организме правильно выстраиваются молекулы, и тогда...

– И что, там действительно можно жить зимой? – бесцеремонно перебила ее Рената. – Отопление там есть?

– Есть, – кивнула Тина. – Печки, кажется. Вообще-то я не очень вникала. Но там зимой постоянно живут все, кто на пенсии, а кто не на пенсии, те к ним на выходные приезжают. Я хочу туда поехать, – тихо сказала она. – Мне почему-то кажется, что нам там будет хорошо.

«А может, такое правда бывает? – подумала Рената. – Печки, колокольный звон за рекой?..»

– Еще там есть белки, – сказала Тина.

– Это, безусловно, решающий фактор! – засмеялась Рената. – Что ж, Тина, заказывайте. – Она кивнула на подошедшего официанта. И неизвестно, имея в виду выбор блюд или Тинино предложение, добавила: – Я подумаю.

Глава 12

Такой тишины, как на этом холме, Рената не слышала никогда в жизни.

Или невозможно слышать тишину? Ведь тишина означает отсутствие звуков... Да неважно, что она означает! Поросший сосновым лесом холм был накрыт тишиной, как шапкой.

По утрам Рената долго лежала под этой шапкой, под этой тишиной и ожидала колокольного звона. Теперь, зимой, он еле-еле проникал в бревенчатый дом, а вот летом, наверное, был слышен гулко и ясно. Особенно если оставлять на ночь окна открытыми – тогда не только колокольный звон услышишь, но и почувствуешь запах жасмина, куст которого растет прямо у стены.

Оказалось, что все это не выдумка – и бревенчатые дома с верандами, и звон монастырских колоколов за рекой. Бывает же такое на свете!

Рената была человеком сугубо городским, и городскими были все поколения семьи Флори. У них даже дачи никогда не было. И не тянуло на землю, и попросту некогда было возиться с огурцами, цветами, а тем более с дачным домом, в котором вечно проламываются какие-нибудь доски, гниют стропила или проседают стены.

В этом доме ничего подобного не происходило. Стены его, правда, потрескивали, когда топилась печка, но в потрескивании этом не слышалось никакой угрозы. Наоборот, оно звучало умиротворяюще, так же, как вечернее пение сверчка, который жил под лестницей, ведущей в мансарду.

Вот лестница действительно скрипела как-то опасно, поэтому Рената с Тиной старались вообще по ней не ходить. Они устроились внизу, в двух комнатах, двери которых выходили в третью, общую, где они ели, смотрели телевизор и пили чай.

Печка, обогревающая весь дом, тоже топилась в этой большой общей комнате. Топить ее Рената научилась быстро, хотя раньше ей никогда не приходилось этим заниматься. Березовые дрова лежали в маленькой пристройке, так что за ними можно было выходить в домашних тапках. Дрова эти были заготовлены, наверное, много лет назад и стали сухие, как порох.

Впрочем, обычно печку топил водитель Леня, которого Виталик Мостовой поселил в одном из домов по соседству.

– Сейчас колокол зазвонит, – донесся до Ренаты Тинин голос. – Сегодня

суббота, а по субботам как-то раньше звонить начинают. Или я путаю, и не по субботам, а по воскресеньям? Ну да, точно по воскресеньям, там же православный монастырь, а у православных праздничный день воскресенье, они же не иудеи, чтобы в субботу. А у мусульман какой день праздничный, вы не знаете? Мне кажется, среда. Но, может быть, и пятница. – Для того чтобы рассуждать таким вот образом часами, Тина обычно не нуждалась в отклике. Но сейчас она все-таки обратила внимание на то, что не получает ответа, и спросила из своей комнаты: – Рената, вы уже проснулись?

– Да, – не открывая глаз, ответила Рената. – Тоже звона жду.

Двери в обе спальни ночью оставались открытыми, иначе, как только печное тепло набирало силу, спать становилось слишком жарко.

– Завтра все приедут, – сказала Тина.

– Шарады разыгрывать? – улыбнулась Рената.

– А здорово было бы, если бы шарады. Что это такое, между прочим? Я слово сто раз слышала, а что оно значит, не знаю.

– Кажется, это такие загадки, которые надо показывать, как театральные сцены, – сказала Рената. – Но я тоже только приблизительно знаю, никогда в шарады не играла.

С тех пор как они поселились на этом холме со странным названием «Москва», Тина почти перестала раздражать Ренату. Здесь эта мотыльковая женщина была так же уместна, как снег и сосны, по которым прыгали белки. И как сами белки, кстати, тоже.

«Москвой» назывался, собственно, не сосновый холм, а пансионат, который был на нем расположен. То есть это когда-то был пансионат – разбросанные под соснами домики, на две-три семьи каждый. Рассказывая Ренате о его нынешнем состоянии, Тина не ошиблась: домики были выкуплены бывшими жильцами. И, видно, потому, что все они жили здесь много лет, никому не захотелось менять привычный уклад. Бывшие пансионатовцы на редкость дружно образовали какое-то сообщество вроде жилтоварищества и зажили припеваючи, тем более что в годы полной государственной неразберихи им удалось оформить в собственность своего жилтоварищества также и землю – вот этот самый холм, поросший столетними соснами.

Оказалось, что кусочек этого холма вместе с небольшим бревенчатым домом принадлежит и Виталию Мостовому. Все это досталось ему в наследство после смерти родителей, но Виталик давно забыл об этой своей неказистой собственности. И только когда Рената предложила ему придумать для жены какой-нибудь вариант дачной жизни, он вспомнил

свое детство в «Москве», и костры на склоне холма, где рос непролазный кустарник, из-за которого это местечко называли зарощкой, и две калитки, верхнюю и нижнюю, возле которых маленькие пацаны встречались для того, чтобы тайком от родителей сбегать в соседнюю деревню за зелеными яблоками, а пацаны взрослые назначали свидания девчонкам, и тоже, конечно, тайком от родителей... И про то, как взрослые в это время сидели на дощатых верандах, прогретых за день солнцем, и пили бесконечный чай из самоваров, которые имелись в каждом доме, – Виталик вспомнил тоже.

Может, конечно, все это лишь сквозь дымку лет приобрело в его сознании такой идиллический характер, а в действительности выглядело куда проще. И на верандах, может, пили не только чай, но и водку, и даже наверняка так оно и было, ведь не одни бабушки собирались на этих верандах, приезжали и отцы навестить свои дачные семейства. Но как бы там ни было, а Виталик немедленно решил, что «Москва» на сосновом холме – то самое место, где будет хорошо Тине. И даже удивился: как это он мог про такое знатное местечко позабыть?

Ренате казалось, что Виталий Витальевич рассуждал именно так. Во всяком случае, когда он приезжал в «Москву» навестить жену, вид у него был довольный, как у художника, который любит произведением рук своих. Да так оно, в общем-то, и было.

Сама же Рената радовалась каждому дню, проведенному в «Москве», так, будто никогда раньше не знала глубокого, глубинного, настоящего жизненного спокойствия. И это, в общем, тоже было именно так.

«Москва» находилась в ста километрах к северу от Москвы, но Виталик приезжал чуть не ежедневно, потому что беспокоился за жену. Остальные же обитатели «Москвы», за исключением пенсионеров и детей, живших здесь постоянно, обычно собирались на сосновом холме по выходным. И сегодня как раз был день общего сбора. А вскоре всем желающим домовладельцам вообще предстояло провести здесь целую рождественскую неделю.

– Будут настоящие святки! – рассказывала Тина за завтраком.

Поселившись в «Москве», она очень быстро перезнакомилась со всеми здешними домохозяйками и была поэтому в курсе всех событий. К тому же еду для Тины и Ренаты готовила домработница одной из постоянных дачных жительниц, немолодой дамы по имени Агния Львовна Филаретова. От Агнии Львовны Тина и узнавала местные новости.

– Настоящие святки, по-моему, бывают от Рождества до Крещения, – заметила Рената.

– Может быть. Но от Рождества до Крещения не бывает каникул, а в эту

неделю будут. И все приедут, устроят гулянья, как в старых фильмах. Ряженые будут. Все уже костюмы шьют. Давайте и мы пошьем, а, Рената?

Рената представила, как они, обе с животами, будут выглядеть в костюмах ряженных, и не смогла сдержать смех.

– Если только медведицами нарядиться, – сказала она. – Или снежными бабами.

– Еще будет спектакль, – продолжала просвещать ее Тина. – Галя Белозерская написала пьесу, а Галя Венедиктова ставит ее с детьми. Потому что взрослых, конечно, на сцену не заманишь. А я вот с удовольствием сыграла бы. Когда рожу, то обязательно буду. Вообще Виталик просто свинья, что скрывал от меня такую замечательную дачу.

Судя по всему, после родов жены спокойное существование Виталию Витальевичу не предстояло. Тина была так воодушевлена жизнью в сосновой «Москве», что собиралась перебраться сюда на постоянное жительство. Что при этом будет делать ее муж, работа которого требует его присутствия в Москве не сосновой, а обыкновенной, вряд ли ее волновало.

– Вы пойдете к Агнии Львовне, Рената? – спросила Тина. – Пойдемте! Она хорошая, хотя, по-моему, считает меня дурой. Вам так не кажется?

Ренате так не казалось – она была в этом уверена. Да и странно было бы, если бы ироничная Агния Львовна, в прошлом известная театральная критикесса, считала Тину умной.

– У Агнии Львовны просто такая манера общения, – объяснила Рената.

Ей совершенно не хотелось нарваться на очередные пустопорожние Тинины рассуждения на тему ума и глупости.

– Наверное, – согласилась Тина. – Так как, пойдете на седьмую дачу?

– Зачем?

– Костюмы шить. И вообще общаться. Вам же нравится Агния Львовна.

– Разве я сказала, что она мне нравится? – удивилась Рената.

– Ну, вы же сказали про манеру общения.

Рената хотела было объяснить, что имела в виду совсем другое, что Тина каким-то странным образом поняла ее слова... И не стала ничего объяснять. Искать логику в Тинином восприятии действительности было бессмысленно.

А вот сходить к Агнии Львовне имело смысл. Даже не именно к ней, а просто на седьмую дачу, где, кроме Филаретовой, жили еще две семьи. Одна из этих семей приезжала на дачу только летом, а вторая жила и зимой. Это, собственно, не семья была, а одна только женщина лет тридцати, которую звали Ирина. Рената навещала ее с удовольствием, потому что в ее комнате все стены были скрыты за книжными полками, и книги Ирина

охотно давала читать.

Правда, что-то давно ее не было видно.

«Может, в город поехала. И сегодня как раз приедет, – подумала Рената. – Если здесь в самом деле какие-то общие празднества намечаются».

Обитатели «Москвы» относились к своим традициям почтительно, это она уже успела понять.

– На седьмую дачу я пойду, – ответила она. – Только через час, не раньше. Попросите, чтобы Леня вас проводил.

Пойти за книжками ей хотелось, но еще больше хотелось немного отдохнуть от Тининового общества.

Рената смотрела, как, поддерживаемая Леней, Тина идет по тропинке к седьмой даче. Двигалась она осторожно и неуклюже, как уточка, и огромный живот был виден даже из-за ее спины.

«Недели две нам здесь осталось, не дольше, – с сожалением подумала Рената. – Дольше просто рискованно – ей в больницу пора будет лечиться».

Странно, но собственное состояние ее совсем не тревожило. Вообще-то Ренате не была свойственна беспечность, но эти деревья, и эти занесенные снегом веранды старых дач, и весь этот сосновый холм, этот невозможный в своей устойчивости мир действовали на нее необычным образом.

Глава 13

– Тина, с этим шитьем на коленях вы напоминаете маленькую княгиню в Лысых Горах.

Агния Львовна окинула снисходительным взглядом Тину, которая шила себе святочный костюм, сидя в круглом креслице у окна.

– В каких горах? – удивленно переспросила Тина. – Почему в лысых?

– Есть такой роман «Война и мир», – невозмутимо объяснила Агния Львовна. – Вам, возможно, приходилось слышать.

– Д-да... – покраснев, пробормотала Тина. – Только я его довольно давно читала.

– В школе, вероятно. А когда вы учились, уже были такие сборники, где все романы Толстого изложены на двух страницах?

– Еще не было.

– Тогда, конечно, о чем «Война и мир», вы не помните. Впрочем, для вас это и не имеет смысла.

– Почему для меня не имеет?

В Тинином голосе наконец прозвучали обиженные нотки.

– По той же причине, по которой вы не испытываете потребности грамотно писать, – все тем же невозмутимым тоном заметила Агния Львовна. – Ведь вы сами рассказывали, помните?

О том, что она отличается какой-то поразительной безграмотностью, Тина рассказывала здесь, на седьмой даче, уже давно – месяц назад, вскоре после того как они с Ренатой приехали в «Москву». Но Ренату не удивило, что насмешливая Агния Львовна не забыла тот рассказ.

– Я даже в десятом классе могла «корова» через «а» написать, – с наивной откровенностью сообщила тогда Тина. – Сейчас корову, конечно, уже правильно напишу, но все остальное... Хотя сейчас вообще-то – ну зачем мне грамотно писать? Я ведь с этим не сталкиваюсь.

– С чем – с этим? – уточнила Агния Львовна.

В ее живых черных глазах, окруженных сеточкой морщин, прыгали чертики.

– С тем, чтобы писать. Блог в Интернете я не веду, с подружками по телефону разговариваю. Нет, правда! – Кажется, Тина и сама только сейчас это осознала. – Я же ни строчки не пишу, даже ни буквы. Понятно, что если бы вдруг пришлось, то кучу ошибок наделала бы.

Комментировать Тинины слова Агния Львовна тогда не стала – Рената

видела, что она едва сдерживает смех.

И вот теперь тот разговор вспомнился.

– Так что помнить «Войну и мир» вам нет никакой необходимости, – подытожила Филаретова. – Но не переживайте, Тина. У вас есть другие достоинства. Ради которых на вас, вероятно, и женился Виталик.

В том, что Агния Львовна считает этот брак мезальянсом, не могло быть сомнений. Но вряд ли Тина это поняла. Она воспринимала любые слова и соответственно составленные из них предложения так, как будто читала толковый словарь – до нее доходил только прямой смысл сказанного. Наверное, поэтому на нее производили такое сильное впечатление словесно броские идеи – вроде необходимости рожать в воду, например.

– Кстати, Виталик сегодня приедет? – спросила Агния Львовна.

– Да, – ответила Тина. – Приедет и дня на три останется. Праздники же.

– Все съехались, – кивнула Филаретова.

– Даже Алеша, возможно, будет, – сказала Ирина.

Она тоже сидела у соседки, но святочный костюм не шила, а просто покачивалась в плетеном кресле-качалке. Взгляд у нее был слегка отсутствующий и даже, как Ренате казалось, не от мира сего. Впрочем, Ирина была милая, и к тому же Ренате нравилось ее имя, не зря ведь она назвала так свою дочь.

Внешность у Ирины была такая, которую принято называть породистой: тонкие длинные пальцы, легкие темные завитки на бледных висках, абрис лица, напоминающий рисунок в пушкинской рукописи.

В начале января темнело рано, поэтому было видно, что хозяева в самом деле съехались почти на все дачи: в окнах по всему парку мерцали огоньки.

– Алексей приедет? – удивленно переспросила Агния Львовна. – Медведь, что ли, умер у нас под сосной?

– Нет, – улыбнулась Ирина. – Никто не умер, а просто они с ребятами договорились встретиться. Давно не виделись.

– Никогда не замечала за Алексеем сентиментальности, – пожалала плечами Агния Львовна. – Впрочем, может быть, он изменился. Я его сто лет не видела. Вот поговорите с Алексеем Андреевичем, Тина, – добавила она, – и будут вам шарады. Ирнин брат когда-то был большим их любителем. Но, правда, с тех пор все могло перемениться, и даже наверняка переменялось. Николаша тоже явится? – повернулась она к Ирине.

– Если все, то, наверное, и он, – кивнула та. – У них ведь общая

компания была.

– Интересно, Алексей и теперь будет дразнить его до белого каления?

– Не знаю, Агния Львовна. – Ирина снова улыбнулась своей тихой улыбкой. – Вряд ли. Все-таки они уже выросли.

– Даже состарились, я бы сказала.

– Ну, еще не состарились, – возразила Ирина. – Алеше всего сорок пять. Для мужчины это не возраст.

Рената слушала их разговор вполуха, и ей нравилось именно так его слушать. Словно перекачивается по камешкам вода, и журчит, и звенит в том ровном ритме, в котором звучала и год, и два, и двадцать лет назад. Какие-то Алеша и Николаши, шарады, детские дразнилки... Ей не было до всего этого никакого дела, но слушать это журчанье времени было так же приятно, как песенку сверчка под лестницей.

И окно было подернуто инеем, и деревья, и переливался этот иней в свете фонарей, расставленных между соснами, вдоль ведущих от дачи к даче тропинок, и сосновые ветки покачивались, сбрасывая снег, от неощутимого, но видимого ветра...

С противоположной стороны седьмой дачи раздался скрип снега. Потом кто-то поднялся там по ступенькам веранды и забарабанил кулаком в соседскую дверь.

– Ну вот и Алеша, – сказала Ирина, вставая. – Пойду его встречу. А потом мы к вам заглянем. Вы не против, Агния Львовна?

– Конечно, приходите, – кивнула та. – Скажи, а Алеша по-прежнему любит коржики с маком?

– Не знаю, – улыбнулась Ирина. – Кроме вас, ведь их никто не печет.

Рената с самого начала своего пребывания в «Москве» заметила, что отношения здешних жителей какие-то не совсем обычные для дачной жизни. Во всяком случае, Ренате дачная жизнь представлялась более... расхристанной, что ли. Да, именно так – этим словечком ее бабушка когда-то называла людей, которые ведут себя как бог на душу положит.

Здесь люди вели себя ровно противоположным образом, и это было очень заметно. Например, невозможно было представить, чтобы Ирина забежала к Агнии Львовне без спросу. А между тем она выросла у соседки на глазах, и отношения у них были самые непринужденные.

И Ренате нравилось такое вот неожиданное отсутствие в «Москве» вульгарности, которую она уже готова была считать главной приметой московской жизни.

Она думала, что Ирина с братом заглянут через час-другой. Но стук в заиндевелое окошко раздался уже через десять минут. Агния Львовна

улыбнулась, подошла к окну и тоже постучала по стеклу – в ответ. И сразу после этого домашнего обмена стуками – ну могла ли непринужденность быть больше? – дверь комнаты открылась и на пороге появились двое мужчин. У них из-за спин, как цветок, выглядывала Ирина. Рената впервые видела, чтобы ее глаза сверкали так ярко.

– Здравствуйте, Агния Львовна, – сказал тот, что был повыше ростом. – Вы совсем не изменились. И коржики, наверное, испекли?

– Алеша! – укоризненно сказала Ирина. – Что же ты с порога про коржики? Тем более никто и не знал, что ты приедешь.

– А Леха же всегда что думает, то сразу и говорит, – сказал второй мужчина. Он был пониже и потолще. – Поверите, всю дорогу твердил: «Агния Львовна коржики с маком испекла!»

– И он был прав, – с обычной своей невозмутимостью произнесла Агния Львовна. – В самом деле, испекла. Здравствуй, Алеша. Здравствуй, Николаша.

– Ха! – Николаша обеими руками хлопнул себя по круглым бокам. – Не, ну почему одни хоть какую глупость сказанут, а все равно так всегда и будет? А другие вечно в дураках.

– Почему же глупость? – пожала плечами Агния Львовна. – Просто здоровое наблюдение – ничего, кроме незамысловатых коржиков, я печь не умею.

– Так Лешка же вас лет десять уже не видел! Или даже двадцать, а?

– Ты предполагаешь, что за это время я стала завзятой кулинаркой? – усмехнулась Агния Львовна. – Уверяю тебя, нет. А Алеша просто лучше, чем ты, знает природу человеческую.

За ее обычной насмешливостью сейчас угадывалась радость. Рената слушала этот разговор с интересом, а Тина – та просто с восторгом. От этого ее взгляд, обычно ускользящий, сделался почти сосредоточенным. Даже удивительно, каким образом несколько фраз, произнесенных вошедшими в комнату мужчинами, вызвали у всех находящихся в этой комнате женщин целую палитру чувств, от оживления до восторга!

– Не представите ли нас дамам, Агния Львовна? – церемонно поинтересовался Ирнин брат.

При этом, вместо того чтобы куртуазным шагом подойти к дамским ручкам, он вполне бесцеремонно прошел через всю комнату и с удовольствием плюхнулся на диван, пружины которого почему-то не заскрипели, а радостно запели.

– Рената, Тина, знакомьтесь – Алексей Дежнев, Ирнин брат и мой сосед, – сказала Агния Львовна. – А это Николаша с третьей дачи.

– Ага, с третьей. Только эти дни я у Лешки буду жить, – добавил к представлению Николаша. – А то у нас с печкой что-то, мама говорит, невозможно растопить. Да и возиться неохота. Здравствуйте, девочки!

Рената улыбнулась. Не столько этим словам из анекдота, сколько тому, что толстенький Николаша был очень смешной и нелепый.

– У вас, может, и колядки намечаются? – спросил Алексей. – Я козой наряжусь.

– Козлом, – тут же уточнил Николаша.

Алексей не обратил на это уточнение ни малейшего внимания. Он вообще производил впечатление человека, который мало интересуется окружающим миром, точнее, интересуется ровно в той степени, в какой этот мир доставляет ему удовольствие.

– А праздновать можно у нас, – сказал он. – Ир, ты не против? Большая комната все равно пустая. Протопим ее – и будет бальная зала. Вы танцуете, Тина?

– Пока нет, – покачала головой Тина. Вид у нее по-прежнему был замороженный. – Мне же скоро рожать. А когда рожу, то обязательно буду. Мне тут у вас даже в спектакле захотелось участвовать!

– А!.. – Алексей улыбнулся, но еле заметно. Улыбка мало изменила его суховатое лицо. – К Рождеству ведь здесь домашний спектакль положено ставить. Я и забыл уже.

– Вы, наверное, тоже в этих спектаклях играли, – сказала Тина.

– Я похож на человека, играющего в домашнем театре? – усмехнулся Алексей.

– Ну, я не знаю... – протянула Тина. – Я не умею различать, кто играет в театре, а кто нет.

Алексей взгляделся в ее круглые, как серые смородины, глаза и улыбнулся. На этот раз вот именно не усмехнулся, а улыбнулся. Это Ренате понравилось. Ей почему-то было бы неприятно, если бы он с первого же взгляда не разглядел, что такое Тина, и не понял бы, что обижать такое существо насмешкой – это грех.

– Только бальную залу пораньше надо протопить, – подала голос Ирина. – А то в ней холодно, как на веранде.

– Сейчас выпьем чаю, и пойдете топить. Николаша, принеси из кухни чайник, – сказала Агния Львовна.

Рената не заметила, как та вышла из комнаты. И вот теперь вернулась с большим обливным глиняным блюдом, на котором высокой горкой лежали обсыпанные маком коржики в виде кружков и полумесяцев.

Николаша отправился за чайником, Ирина принялась помогать Агнии

Львовне накрывать на стол. Как удивительно все это было, как... невиданно! Хотя – что удивительного?

«Просто я никогда не жила в таком доме, в этом все дело, – подумала Рената. – Ну да, ведь я всю жизнь прожила в панельной девятиэтажке. Перед этим еще коммуналка была, но я ее почти не помню. Да если бы и помнила, невелика радость. А здесь все по-другому».

Здесь была именно радость. Она ничем не объяснялась – просто жила в этих бревенчатых стенах. И Алексей, с удовольствием плюхнувшийся на диван, в котором радостно запели пружины, и нелепый Николаша, и маковые коржики на обливном блюде, и Агния Львовна с ее насмешливыми интонациями и с тем ласковым стуком по стеклу, которым она встретила гостей, – все это было то, из чего состояла общая радость. Ренате даже завидно стало!

«Неужели это Москва? – почему-то мелькнуло в голове. – Как странно...»

Мысль была такая быстрая, что не успела удержаться в ее сознании.

– А я буду переключать музыку! – воскликнула Тина. – Все же танцевать захотят, и никому будет не до этого. Я буду вам музыку включать!

Глава 14

Если бы кто-нибудь сказал Ренате, что на шестом месяце беременности она вздумает танцевать, она сочла бы этого человека сумасшедшим. Танцевала она последний раз, кажется, на выпускном вечере в институте, да и то лишь потому, что неудобно было отрываться от коллектива; собственной же потребности потанцевать она не испытывала никогда.

И вдруг – мало того что кружится по скрипучему дощатому полу в каком-то подобии вальса, но еще и смеется, и болтает с Николашей, который пыхтит, сжимая в объятиях ее располневшую талию.

Впрочем, каких только фокусов не выделяет в сознании беременных женщин гормональная буря, происходящая в их организмах. Ей ли было этого не знать!

– Не устала? – заботливо поинтересовался Николаша.

Он сразу же перешел с ней на «ты», и Рената не стала возражать: весь его вид свидетельствовал о том, что ему чужда всякая церемонность. В этом смысле он был исключением из неброских, но твердых правил «Москвы» и очень симпатично эти правила оттенял.

– Кажется, нет, но присяду, – ответила Рената. – Вообще-то я никогда в жизни столько не танцевала. Спасибо, Николай.

– Чего там, всегда пожалуйста. – Николаша широко улыбнулся. – Давай я тебя вон на тот стульчик посажу.

Прежде чем усадить Ренату на облезлый венский стул, он потрогал, не развалится ли тот. Стул был застелен круглым ковриком, связанным из разноцветных тряпочек.

– Кто это здесь такие вяжет? – удивилась Рената.

Очень уж по-деревенски выглядело это произведение.

– В Юрцове кто-то, – ответил Николаша. – Знаешь, за рекой возле монастыря деревня? Иринка такие штуки обожает, километрами у местных скупает. А им что – они сколько хочешь навяжут, только плати. У нее в комнате просвета нет от этих тряпок.

Только присев на стул, Рената почувствовала, что действительно устала. У нее даже голова закружилась, и ей захотелось прилечь. Да и музыка, которой руководила сидящая возле музыкального центра Тина, звучала слишком громко, просто вбивалась в уши.

Кроме Ренаты, этого, правда, никто не замечал – в не успевшей толком прогреться импровизированной бальной зале собралось человек двадцать,

все они увлеченно танцевали и смеялись.

– Я, наверное, домой пойду, – сказала Рената.

– Что такое? Плохо, да? – испугался Николаша.

– Нет, ничего. Голову немного повело. У беременных бывает.

– Так зачем сразу домой? У Иринки в спальне можешь прилечь. Жалко же уходить, – совсем по-детски объяснил он. – Сейчас малышню приведут, спектакль будут показывать. Не МХАТ, конечно, но все равно интересно. Мы в детстве тоже спектакль ставили – Гайдара, «Сказку о военной тайне». Я Мальчиша-Плохиша играл.

Рената не выдержала и расхохоталась. Кругленький Николаша наверняка был отличным исполнителем этой роли любителя варенья и печенья.

Он не обиделся, а с удовольствием посмеялся вместе с ней.

– А Алексей Андреевич кого играл? – спросила Рената, насмеявшись.

Правда, она тут же вспомнила, что Иринин брат открестился от участия в домашнем театре.

– Кибальчиша, кого ж еще, – сказал Николаша.

Почему Алексей Андреевич не желает об этом вспоминать, Рената интересоваться не стала.

– Я и правда прилягу, если Ирина будет не против, – сказала она. – А ты потанцуй.

– Иринка-то? Конечно, не против будет, можно и не спрашивать.

Николаша отвел Ренату в Ирину спальню, которая была отделена от бальной залы узким коридорчиком. Ренатина усталость усиливалась так быстро, что она с трудом добрела до кушетки, даже не успев рассмотреть эту комнату. Да, впрочем, это ей все равно не удалось бы: свет здесь не был включен, только лежали на полу голубоватые полосы от фонарей за окном.

– Спасибо, Николаша... – пробормотала она, засыпая. – Что же это я вдруг... Иди, иди танцуй...

Музыка звучала у нее в ушах все тише, а потом и вовсе затихла – Рената вплыла в сон. Это был неглубокий, но какой-то очень ясный и счастливый сон, хотя ничего определенного ей не снилось, и даже почему-то не снился Винсент, а ведь ощущение ясности и счастья было связано в последнее время только с ним... А вот теперь его не было, но счастье было, и Рената плыла в нем, как в теплой реке, плыла, как колокольный звон плыл из-за этой реки к сосновому холму, и было ей ужасно хорошо...

Только холодно. Холод она чувствовала отчетливо, но избавиться от него было невозможно: ее словно заморозило – она не могла пошевелиться и тем более не могла встать, чтобы найти какое-нибудь одеяло.

«Как жаль, – думала во сне Рената. – Если бы не холод, я плыла бы так и плыла...»

И вдруг она почувствовала, что холод исчез. На нее опустилось что-то легкое, но очень теплое и накрыло ее всю. Так, наверное, сосновый холм был накрыт снежной шапкой. Потом кто-то коснулся ее щеки жестковатой, но теплой ладонью. Рената улыбнулась, не просыпаясь.

«Какой Николаша догадливый, – проплыло у нее в голове. – Понял, что я замерзла...»

И тут все, что можно было бы считать мыслями, исчезло из ее сознания совершенно, и сон ее стал глубоким.

Глава 15

Ренате показалось, что она проспала целую ночь, что Рождество давно кончилось и наступило утро. Она подумала об этом сразу, как только открыла глаза. Даже короткого привыкания к действительности не понадобилось, сознание сразу стало ясным.

Но за окном по-прежнему стояла тьма, разрываемая лишь узкими лучами фонарей, и танцевальная музыка за стенами звучала по-прежнему громко.

«Я что, совсем недолго спала? – удивленно подумала Рената. – А как отдохнула хорошо!»

И тут же выяснилось, что все это она не подумала, а произнесла вслух.

– Зимой здесь вообще хорошо спится, особенно почему-то на Рождество, – услышала она. – Да и летом тоже.

Охнув от неожиданности, Рената обернулась на голос. В углу комнаты, в кресле, темнела мужская фигура.

– Не пугайтесь, – спокойно произнес этот человек. – Вам вредно. Да и кого бояться? Черти-лешие здесь не водятся.

– Господи, Алексей, как же вы меня в самом деле напугали! – укоризненно сказала Рената.

Сначала она узнала его по голосу, точнее, по холодноватому тону, который трудно было спутать с чьим-то другим, а потом глаза привыкли, и темнота комнаты стала не темнотой уже, а всего лишь полумраком. В этом полумраке отчетливо обрисовывалась его высокая фигура, которую тоже трудно было не узнать.

– Извините, – сказал он. – Принести воды?

– Нет, спасибо, – отказалась Рената. – Не до обморока же я все-таки испугалась. А как там Тина? – спохватилась она.

– Ваша подопечная? Ничего – веселится, счастлива. Виталька приехал, тоже на седьмом небе от счастья. Не беспокойтесь.

– Спасибо, – улыбнулась в полумраке Рената.

– За что? – удивился Дежнев.

– За исчерпывающую информацию.

Рената села на кушетке и огляделась. Обстановка комнаты была очень простая, даже непримечательная, и многие предметы этой обстановки, как и говорил Николаша, были покрыты пестрыми деревенскими коврами, связанными из тряпочек. В углу стоял трельяж. Его зеркало поблескивало

тайным глубоким блеском. Рената увидела в этом зеркале, в этой тайной глубине себя и Алексея. Она сидела на кушетке и смотрела на него снизу вверх, а он уже поднялся из кресла и теперь стоял напротив нее, чуть склонив голову, и разглядывал ее сверху вниз. Ей стало неловко под его внимательным взглядом.

«Растрепанная, наверное», – подумала Рената, машинально проводя ладонью по голове.

– Вы в самом деле из Петербурга приехали? – спросил Дежнев.

– Да, – кивнула она. – А что в этом удивительного? Вы так спрашиваете, будто я приехала с Марса.

– Да просто вы не похожи на тех петербуржцев, которые склонны перебираться в Москву.

– Какие же особые приметы есть у таких петербуржцев? – усмехнулась Рената.

– Они лишены этой вашей всеобщей петербургской заторможенности.

– Ну конечно, – сердито заметила она, – ваша лихорадочная московская спешка неизвестно куда гораздо приятнее.

– Я не сказал, что она приятнее. Но она, безусловно, эффективнее. Рабочий вопрос, который я в Москве могу решить за полчаса, в вашем Питере потребует трех бессмысленных дней, в течение которых аборигены будут бросать на тебя насмешливые взгляды и всячески демонстрировать тебе, что ты дикарь, который из-за своих непомерных амбиций неизвестно чего требует от цивилизованных и высокодуховных людей.

– Аборигены?! – возмутилась Рената.

Это слово показалось ей таким оскорбительным, что она даже покраснела. Хорошо, что это было незаметно в полумраке: не хотелось бы вызвать усмешку у этого неприятного человека.

– А что особенного в таком определении? – пожал плечами он. – Оно используется всего лишь для обозначения местных жителей. Принести словарь, чтобы вы убедились?

– Спасибо, обойдусь.

От возмущения Ренате стало жарко, и она сердито сбросила с себя одеяло.

– Ну-ну, – сказал Дежнев. – Не так резко. А то родите еще. Кто будет роды принимать?

– Да уж не вы, не волнуйтесь.

– Меня трудно взволновать.

– Это я уже заметила.

– Вы наблюдательны.

Неизвестно, чем закончилась бы эта словесная пикировка, если бы тишина на улице не взорвалась вдруг криками и громкими хлопками. И сразу небо за окном расцветилось огнями петард. Они взлетали то одна за другой, то целыми снопами сразу, их хлопки превратились в сплошную канонаду!

Рената вскрикнула и прижала руки к глазам. Ее охватил страх, и она ничего не могла с ним поделать.

Страх перед выстрелами был единственным страхом ее жизни. Даже не страхом, а паническим, необъяснимым ужасом. Она и в цирк, когда была маленькая, отказывалась ходить, потому что во время первого же представления, на которое ее повели, дрессировщик принялся палить из огромного черного пистолета. И никто не сумел ее убедить, что дядя стреляет холостыми патронами, а потому никакой опасности эти выстрелы не представляют.

И теперь – ну конечно, она знала, что хлопки петард совершенно безопасны. Но когда она их слышала, сердце у нее начинало колотиться так, что готово было выскочить из груди, и ей хотелось бежать куда глаза глядят.

Грохот за окном, сопровождаемый восторженными криками, все не прекращался. Рената прижимала руки к лицу так, что до боли придавливала глазные яблоки.

И вдруг она почувствовала, как ее руки отнимаются от лица, и это делается с такой силой, которой невозможно сопротивляться.

– Посмотрите на меня! – сказал Дежнев. – И перестаньте бояться.

Он произнес это резко, ей показалось, даже сердито. Но когда она все же решилась открыть глаза, то увидела, что он сидит перед кушеткой на корточках и снизу заглядывает ей в лицо. Это было довольно смешно. Рената улыбнулась.

– Сейчас, – виновато пробормотала она. – Это просто глупость моя. Детская глупость. Извините.

– Ничего.

Он улыбнулся тоже. Улыбка была такая, какую Рената увидела с самого начала – чуть заметная, не изменяющая внимательного и отстраненного выражения его лица.

Грохот петард пошел на убыль и наконец прекратился. И теперь уже невозможно было определить, от чего Рената успокоилась – от тишины, или от голоса Алексея, или от его взгляда, или просто от того, что он сидел перед нею на корточках.

– Вот и все, – сказала она.

– Жаль, – неожиданно произнес он.

– Чего жаль? – не поняла Рената.

– В своем детском страхе вы выглядели великолепно. Если бы я был художником, то попросил бы вас побояться еще немножко. Чтобы налюбоваться этим зрелищем и написать шедевр под названием «Испуганная беременная».

– Алексей Андреевич! – воскликнула Рената. – Ну нельзя же так!

– Почему? – удивился он. – И, кстати, как – так?

– Ну... – Рената замешкалась. – Так цинично!

– Не вижу никакого цинизма. И с юности не понимал, почему мне приписывают это качество.

– Да. – Рената невольно улыбнулась. – Агния Львовна говорила, что вы дразнили бедного Николашу до белого каления. А как вы его дразнили? – с любопытством спросила она.

– Да не дразнил я его, – пожал плечами Дежнев. – Ну что обычно говорят неуклюжим пацанам, которые ленятся подтягиваться на турнике и боятся плавать? Николашка постоянно жевал булки с маслом и медом, и я, помнится, однажды затолкал ему в булку дохлую пчелу. Ничего особенного, но ему оказалось полезно: бросился на меня с кулаками и приобрел таким образом некоторые ценные навыки.

– Мне тоже хотелось броситься на вас с кулаками, – улыбнулась Рената. – Когда вы сказали про заторможенных аборигенов.

– До чего же люди не любят правдивых оценок! Ну что такого особенного я сказал? Вы считаете, питерцы ничем не отличаются от москвичей?

– Не считаю. Конечно, отличаются.

– Ну так скажите чем, по-вашему. Только не говорите про московскую спешку. Это я уже слышал, и это слишком очевидно, чтобы я стал это слушать еще раз.

– Про спешку не буду, – послушно кивнула Рената. – Да вы и правы: это действительно слишком очевидно. И главное, это не главное. У нас человек совсем по-другому живет, в этом все дело.

– То есть?

– То есть никому ничего не доказывает, в том числе и себе. А у вас здесь все что-то доказывают и себе, и окружающим – ежеминутно. Из-за этого жизнь становится, конечно, более динамичной, но зато и более поверхностной, менее глубокой. В провинции, возможно, глубина жизни отдает болотом. Но петербургская глубина совсем не провинциальна. Согласитесь, в созерцательности содержится немало живой прелести. Тем

более нам у себя в Питере есть что созерцать.

– Живой прелести? – повторил Дежнев.

Он уже не сидел на корточках, а снова стоял перед Ренатой и смотрел на нее, чуть наклонив голову, как будто знал о ней нечто такое, чего она и сама о себе не знала. И ей снова стало неловко под его непонятым взглядом.

– Ну да, – чтобы избавиться от этой странной неловкости, поспешно ответила она. – У нас много живой прелести.

– Да, – помолчав, сказал он. – Вы правы. Очень много. И это тоже слишком очевидно, чтобы я этого не признал.

Что-то было в его словах или, может быть, в его тоне такое, от чего Ренатина неловкость лишь усилилась.

– Вы часто бываете в Петербурге? – стараясь поскорее переменить тему, спросила она.

– Нередко. А вот вы почему вдруг оказались в Москве, можно узнать? У меня сложилось впечатление, что вы патриотка города на Неве. Тогда при чем здесь наш вульгарный Вавилон? Или претенциозный Третий Рим – как там нас еще называют?

«Он как будто мысли мои читает! – подумала Рената. – Очень неприятно».

А вслух сказала:

– Здесь более удобные жилищные условия.

– То есть вы вышли замуж в столицу?

– Нет.

«Почему я должна объяснять обстоятельства своей жизни – странные обстоятельства! – постороннему человеку?» – подумала она.

И тут же с удивлением поняла, что Дежнев не кажется ей посторонним. Он, конечно, не был ей близок, но ничего чужого и чуждого она в нем не чувствовала. Видимо, поэтому ей стало неловко от того, что она ответила на его вопрос так замкнуто и сердито.

– Я не вышла замуж в столицу, – более мягким тоном произнесла Рената. – Ну, если хотите, я нашла здесь работу, которая удобна для немолодой беременной женщины.

– Немолодых беременных женщин не бывает. Беременность – физиологическая особенность молодого организма.

– Вы врач?

– Нет. Почему вы решили?

– Потому что у вас цинизм какой-то прямо медицинский, – улыбнулась Рената.

Она больше не сердилась на Алексея Андреевича. Только вот не

понимала, почему.

– Опять цинизм! Да обычный же здравый смысл. А что это за работа для вас в Москве такая прекрасная нашлась?

– Вести беременность Тины. Я врач-акушер, работаю в роддоме. То есть работала, пока... В общем, сейчас не работаю.

– Да, Виталька что-то такое говорил, – вспомнил Дежнев. – Будто бы его жена где-то в водоеме собирается рожать, не то в кустах. Вы будете принимать у нее роды в кустах?

– Надеюсь, нет, – уже без тени возмущения – привыкла к его манере! – ответила Рената. – Тина вовремя ляжет в нормальную больницу, и никаких экзотических родов не будет.

– А вы? – снова спросил он.

– А что я? – не поняла Рената. – Я тоже лягу в больницу, только позже, чем она. Все очень удачно складывается.

– Для этой дамы – безусловно. А для вас?

– Послушайте, – поморщилась Рената, – ну почему вы уверены, что можете обсуждать такие интимные вопросы с посторонней женщиной?

– Да, в самом деле. – В голосе Дежнева на мгновение мелькнуло что-то вроде удивления. – Заговорился я. А вы хоть немного отдохнули? Кажется, я сидел тихо, но вы все-таки проснулись слишком скоро.

– Так вы что, все время здесь сидели, пока я спала? – удивилась Рената.

– Ну да. Посмотрел рождественский спектакль и пришел сюда отсидеться. Отвык я уже от таких гулянок. Даже пожалел, что зазвал народ к нам – надо было на третьей даче праздновать. Хорошо, хоть комната моей сестрицы так же незыблемо тиха, как всегда.

– А про что был спектакль? – с любопытством спросила Рената.

– Да ни про что. Претенциозная сказка для взрослых. Какой-то мальчик перемещается во времени и пространстве и постигает таким образом мир. «Ты знаешь, что такое ноосфера? – Алексей передразнил чей-то возвышенный тон. – Это наш с тобой путь по звездному...» Забыл, по чему там звездному. Когда бездарные люди начинают думать, что способны создать «Маленького принца», да еще втягивают детей в свои пафосные затеи, получается крайне глупо.

– Вы суровый критик, – улыбнулась Рената. – Все-таки детский домашний спектакль. Теперь ничего подобного, по-моему, вообще на свете не бывает. Полагается умиляться.

– Не вижу ничего умилительного в том, что детей приучают к пошлости.

– Я пойду, Алексей. – Рената нащупала рядом с кроватью белые

валенки. Валенки были самой удобной обувью для передвижения зимой по «Москве»; они имелись на каждой даче по числу ее обитателей. – Вы не помните, где ваши гости оставляли шубы? Мне кажется, в какой-то маленькой комнатке.

– Помню, – кивнул он. – Сейчас принесу.

– Но вы же не знаете, которая моя. Она не шуба, а такое светло-серое пальто, и еще платок, он тоже...

– Я помню, – повторил Дежнев. – Видел в окно, как вы сюда шли. Подождите, пожалуйста. Я провожу вас домой. А то вдруг не все петарды взорвались, – добавил он.

Рената улыбнулась – очень уж серьезным тоном он постарался ее напугать.

Никаких петард на улице, конечно, не было – тишина под соснами стояла совершенная. Даже музыка, кажется, стала потише, или просто не доносилась она наружу сквозь плотно пригнанные бревна, из которых построены были здешние дома.

Оказалось, что окрестности освещены не только фонарями, но и луной. В ее ровном свете снег поблескивал на земле, крышах и соснах целыми россыпями синих и золотых искр. Было очень холодно, но это нисколько не угнетало, даже наоборот.

– Мороз! – радостно улыбнулась Рената. – Настоящий рождественский мороз, даже щеки колет, как в сказке. Градусов десять, наверное.

– Двадцать один, – сказал Дежнев.

– Не может быть! В двадцать один дышать ведь невозможно.

– Это у вас в Питере невозможно – влажность высокая. А у нас просто щеки колет. Сказочным образом, как вы романтично заметили.

– Опять вы дразнитесь! – укоризненно воскликнула Рената.

– Нисколько. Возьмите меня, пожалуйста, под руку. А то запнетесь в снегу.

– Спасибо.

Дорожки между дачами были расчищены широко, и идти рядом было просто. Высоко в соснах громко и зло вскрикнула какая-то птица.

– Кто это? – спросила Рената. – Сойка?

– Ворона.

– Ну почему же обязательно ворона?

– А других птиц здесь в эту пору года не бывает.

– Вот вы уж точно совсем не романтичны, – улыбнулась Рената.

– Еще бы не хватало, – хмыкнул Дежнев.

– Да и я ведь тоже, – сказала она. И вдруг вспомнила и снова

улыбнулась: – А знаете, я однажды над Невским гусей видела.

– Домашних? – поинтересовался он.

– Нет, наверное, диких, – серьезно ответила Рената. Он улыбнулся своей малозаметной улыбкой. – Это было весной, и они летели с юга. Я шла по Невскому и услышала, как они пели в небе.

– Пели? – переспросил Дежнев.

– Ну, я не знаю, как это правильно называется. Но мне как-то не хочется называть это криком. Все-таки это было очень слаженно и красиво.

– Почему вы смутились? – тут же заметил он.

Рената вовсе не собиралась это объяснять. Но слова произнеслись сами собой, она даже не поняла, как.

– Потому что в пересказе это в самом деле звучит чересчур романтично. Мне было двадцать лет, я была влюблена и шла на свидание. И тут эти птичьи песни в небе... То есть я шла на работу, но все равно на свидание.

– Вы были влюблены в коллегу? – уточнил Дежнев.

– Алексей Андреевич, какое это имеет значение? – улыбнулась Рената.

– Вы правы. Никакого.

Они уже подошли к четвертой даче, на которой жили Рената и Тина. Совсем небольшая была эта сосновая «Москва».

– Спасибо, что проводили, – сказала Рената, отпуская руку Дежнева. – Все-таки я, оказывается, трусиха, – с некоторым удивлением добавила она. – А я и не знала. Или от беременности трусихой стала?

– Вы долго еще будете здесь жить?

– Неделю, не больше. Тине пора в больницу.

– Но вам ведь, вы говорили, не пора.

– Да мне как-то неудобно одной здесь оставаться...

– Почему? Из-за вашего состояния боитесь?

– Нет, состояние у меня вполне сносное. Но ведь это чужая дача.

– Вы эти ваши петербургские церемонии бросьте, – усмехнулся Дежнев.

– У вас здесь церемоний тоже хватает, – возразила Рената.

– Согласен. Но у нас они хоть и пожестче, зато внятны. Почему вы думаете, что Виталька будет возражать, чтобы вы жили на его даче? Он про нее и думать забыл, даже не знаю, с чего вдруг именно сейчас вспомнил?

– Но ведь и вы тоже именно сейчас вспомнили. Агния Львовна говорила, что вы сюда много лет не ездили.

– Я не вспомнил. Я Ире лекарство привез. Ей постоянно надо принимать лекарство, но она об этом забывает.

Рената, конечно, не стала спрашивать, что за лекарство постоянно требуется его сестре, хотя ее насторожил какой-то странный оттенок,

прозвучавший в его голосе.

– У вас очень хорошо, – сказала она. И добавила, улыбнувшись: – Очень спокойная эта ваша «Москва». Вы правы, Алексей, глупые церемонии здесь совсем ни к чему. Я поговорю с Виталием Витальевичем.

Глава 16

– Не может быть, не может!.. Рената!.. Я... Этого не может быть!

Виталик упал в кресло, стоящее в маленьком палатном холле, и закрыл лицо руками. Пальцы его дрожали, плечи тоже, а лысина, которая просвечивала сквозь редкие волосы на макушке, была свекольного цвета. Рената даже испугалась, не случился бы у него удар.

– Виталий, ну почему же не может? – Она наклонилась к его багровой лысине. – Вы же так этого ждали. Вот оно и произошло. Тина родила. У вас дочка, Виталик!

– Я все равно н-не в-верил... – заикаясь, проговорил он. – Даже когда на ее живот смотрел... Это правда, что она родила, а?

Тон, которым он это произнес, отдавал безумием. Впрочем, это было какое-то детское и потому не страшное безумие.

– Правда, Виталик, – улыбнулась Рената. – Тина родила дочку.

– Но она же здорова? – Теперь в его голосе послышался испуг, и тоже совсем детский. – Правда же, что она здорова? То есть они обе. Вы меня не обманываете?

– Они обе совершенно здоровы. Девочка чудесная, крепенькая, щечки как у хомячка, и при этом совершенная красавица.

– Она ведь считает, что я жертву какую-то принес...

Это Виталик произнес словно бы не для Ренаты, а продолжая какой-то свой разговор непонятно с кем.

– Кто считает, девочка? – удивилась Рената.

– Да нет же – Тина. Она всегда думала, что мне не надо было на ней жениться. Говорила, что она, мол, проблемная во всех отношениях – и насчет характера, и возраст, и образования нет, и забеременеть никак не могла... И что она, мол, отлично это все понимает. А я мог бы любую красотку молоденькую, свою, московскую, выбрать и проблем никаких не иметь. Но это же не так! – с неожиданной для него страстью воскликнул Виталик. – Образование, возраст... Разве в этом дело? Я ее как только увидел – там, в Белгороде, когда в универмаг тот зашел, где она работала, – то сразу понял... – Виталик замялся, видимо, не находя слов, чтобы объяснить, что именно он понял, увидев Тину. – Она была такая женщина... Женщина «иди ко мне», понимаете? – Он наконец нашел нужные слова и страшно обрадовался их точности. – Этому невозможно было сопротивляться, да я и не хотел. Я пошел, и все. А они правда

здоровы, вы уверены?

Его тон снова переменялся на этой последней фразе – из экзальтации опять сорвался в опаску.

– Уверена, – кивнула Рената. – И все врачи уверены. Об этом вы можете не беспокоиться, Виталий. И вообще, вам надо отдохнуть. Тина спит, девочка ваша спит, и вы прилягте.

Все время, что длились Тинины схватки, десять часов подряд, Виталик не отходил от нее ни на минуту. И все то время, когда она уже рожала, он сидел в коридоре. Точнее, не сидел, а ходил как заведенный, то и дело останавливаясь и хватаясь руками за голову.

Из родзала Рената выпроводила его специально. Эта повальная мода – чтобы муж присутствовал при родах, – вообще выглядела в ее глазах сомнительной. Может быть, конечно, она чего-то не понимала, потому что у нее никогда не было мужа, но на свой счет Рената была уверена: она не хотела бы, чтобы при ее родах присутствовал кто бы то ни был, кроме врача. А уж в том, что это зрелище наверняка производит шоковое впечатление на любого медицински не подготовленного человека, на мужчину особенно, она и вовсе не сомневалась. И кому в таком случае нужно это присутствие при сугубо физиологическом процессе, если с точки зрения простейшего здравого смысла оно не нужно ни роженице, ни ее мужу?

– Поспите, Виталий, – повторила Рената. – Если они проснутся, вас сразу же разбудят.

Клиника, в которой Тина все-таки согласилась рожать, была не только хорошего медицинского уровня – она была также приспособлена к любым капризам состоятельных пациентов и их родственников. И измученный родами муж мог поспать за стеной жениной палаты.

– Вы думаете, я должен спать? – вяло пробормотал Виталик. Видимо, он и сам наконец почувствовал, как сильно устал. – Да, наверное... А вы, Рената?

– А я поеду домой. В моем присутствии больше нет необходимости.

– Вы домой хотите или в «Москву»?

Несмотря на усталость, Виталик не утратил внятного отношения к жизни и помнил обо всех ее подробностях.

«На стену он, конечно, не похож, – окинув взглядом его полнеющую фигуру, подумала Рената, – но все равно он именно из тех мужей, про которых говорят, что жены за ними как за каменной стеной. Ну и хорошо! Тина и должна быть счастлива. Женщина «иди ко мне»...» – улыбнулась она про себя.

А вслух сказала:

– В «Москву». Леня сможет меня сейчас отвезти?

– Сможет, – кивнул Виталик. Глаза у него туманились все больше и больше. – Извините, Рената. Мы потом с вами поговорим. Я многое должен вам сказать. Если бы не вы... Но потом, потом!.. Извините. А Леня и отвезет, и в «Москве» при вас поживет. Мало ли...

– Вот уж этого совершенно не нужно, – отказалась Рената. – Ваш Леня безупречен, но, Виталий, я, честное слово, не испытываю ни малейшей необходимости в том, чтобы меня опекал посторонний человек. И чувствую я себя отлично, и рожать мне еще не скоро. Так что пусть он меня отвезет на свежий воздух и возвращается обратно в... В ваш Вавилон и Третий Рим, – сказала она.

Конечно, это прозвучало глупо и не к месту; Рената и сама не понимала, как у нее это вырвалось. Но, к счастью, у Виталика уже не было сил для того, чтобы замечать такие тонкости речи. Он сделал какой-то вялый жест рукой, наверное, означающий прощание, и побрел в комнату, оборудованную для отдыха счастливых мужей.

Уже в машине, глядя, как мелькает за окном этот мозаичный, этот неуловимый чувствами город, Рената подумала: «В «Москву», в «Москву»! Как хорошо...»

И блаженно зажмурилась, словно там, куда она ехала, ожидало ее какое-то небывалое счастье.

Глава 17

А может, это вот небывалое счастье и было.

Весна, во всяком случае, стояла в этом году и точно небывалая. В конце марта термометр уже показывал плюс пятнадцать, а к началу апреля температура и вовсе поднялась до двадцати, да так и осталась на этой отметке.

От такого необыкновенного тепла деревья сразу же окутались нежным лиственным туманом. Солнце ровно и ярко светило с утра до вечера, ни на минуту не уходя за облака, которые то легко летели по небу недлинными вереницами, то свободно раскидывались перистыми крыльями высоко над землей, над сосновым холмом «Москвы».

Веранда, на которой Рената теперь проводила целые дни, прогревалась солнечными лучами насквозь, и от этого ее потертые, растрескавшиеся доски уже к полудню делались такими теплыми, что на них хотелось лечь навзничь и не вставать до самого вечера.

Но она не ложилась на доски, конечно. Несмотря на блаженное состояние духа, голова у нее была на месте, и что ей можно делать, а что нельзя, она знала твердо.

По этой же причине Рената не ходила гулять далеко, несмотря на то что ее тянуло перейти речку по шаткому мостику, пройти мимо белой оштукатуренной стены монастыря, и идти потом долго-долго по вьющейся между холмами дороге к дальнему лесу, и войти наконец в этот лес, и увидеть, какой он – наверное, какой-нибудь таинственный, как в детских сказках, и, может быть, в нем водятся медведи, волки, лисы или хотя бы зайцы.

Но никуда она, конечно, не ходила. Благо, и на сосновом холме, возле самой дачи, было достаточно тихих мест, которые тешили воображение.

Рената спускалась с крыльца, отходила от дома на десяток метров и смотрела, как прямо у нее на глазах – это ей не казалось, так оно и было! – растут, поднимаясь все выше над травой, подснежники. Возможно, эти цветы, простые белые звездочки, назывались не подснежниками, а как-нибудь иначе, но ей нравилось называть их именно так. И ей казалось при этом, что ребенок вертится у нее внутри точно с таким же любопытством, с каким сама она смотрит на эти подснежники, и на монастырь за рекой, и на коричневые прошлогодние сосновые иглы, устилающие холм.

Все это были те важные составляющие жизни, значение которых по-

настоящему понимают только дети, пока они еще не изобрели для себя множество сомнительных взрослых ценностей.

И Рената сейчас тоже понимала это значение – наверное, вслед за ребенком, который крутился у нее в животе.

Грустно было думать, что скоро ей придется покинуть этот бревенчатый дом, этот холм, все это предназначенное для счастливой жизни пространство. Но сделать это надо было обязательно, и очень скоро: Рената понимала, что как бы хорошо она себя ни чувствовала, а в больницу ей, с ее-то данными, хотя бы просто возрастными, надо будет лечь пораньше. А до больницы следует еще успеть купить все, что необходимо для ребенка.

Ирка, конечно, предлагала помочь в этих необходимых перед родами хлопотах, да и просто рвалась навестить маму, но Ренате не хотелось, чтобы дочь срывалась с места. Бросать детей, пусть и на довольно толкового в уходе за ними мужа – зачем, какой срочной надобности ради?

Может, Ирка и не стала бы ее слушать, но тут какой-то бывший одноклассник, которого она случайно встретила во дворе, предложил ей временно поработать в его фирме – что-то связанное с пиаром и прочими относительной ценности услугами, – и Ирке это неожиданно понравилось настолько, что она даже няню решила взять, чтобы остаться на этой работе постоянно. Так что приезд в Москву, что бы она ни говорила, явно был ей сейчас совсем некстати.

В общем, Рената добывала на сосновом холме последние денечки, и чем меньше их оставалось, тем более пронзительное чувство они рождали в ее душе.

С ранним весенним теплом население «Москвы» заметно увеличилось. Точнее, оно увеличивалось каждые выходные, когда на дачи съезжались все их хозяева. В будние же дни круг Ренатиного общения по-прежнему составляли постоянные обитатели седьмой дачи – Агния Львовна и Ирина Дежнева.

Сегодня Рената пришла на седьмую дачу к вечернему чаю. Иногда Ирина уже была к этому времени у Агнии Львовны, а иногда приходила позже – поднималась по ступенькам веранды, только когда на них ложились последние закатные лучи. Однажды она сказала, что ей нравится жить по солнцу, и, как бы там ни было, а она благодарна судьбе за то, что та позволила ей жить именно так.

– Не позволила, а заставила, – услышав это, тихо проговорила Агния Львовна.

Но что это значит, объяснять не стала, а Рената, конечно, не стала выспрашивать.

Сегодня к Ренатиному появлению Ирина уже сидела на веранде за круглым деревянным столом и, как обычно, думала о чем-то своем, чуть склонив голову. Этим наклоном головы она была очень похожа на своего брата, но выражением лица – нисколько. Холодноватое внимание, присущее Алексею Дежневу, невозможно было представить на лице его сестры.

– Я сегодня читала и читала, – сказала Ирина, поздоровавшись. – Все утро, весь день.

Улыбка тронула ее губы, и от этого усилилось впечатление полной погруженности в себя, которым был отмечен весь ее облик.

– Наверное, книга вас сильно увлекла, – заметила Рената.

Она не очень понимала, какое чувство вызывает у нее Ирина. Это была какая-то странная смесь тревоги из-за Ирининового внутреннего состояния и спокойствия из-за неторопливого течения времени, в котором та постоянно пребывала. Но как бы там ни было, эта странная женщина с тонким, нервных очертаний лицом вызывала у нее несомненную приязнь.

«Странноприимность! – подумала Рената. – Я стала как-то по-особенному странноприимна. По-московски, что ли?»

– Да, книга необыкновенно увлекательная, – кивнула Ирина. – Хотя сюжета у нее никакого нет, это, по сути, просто большое эссе. «Биография Лондона» Питера Акройда, знаете?

Рената никогда не слышала о такой книге, да и об авторе этом не слышала тоже.

– Нет, к сожалению, – ответила она.

– Я могу вам дать, – предложила Ирина. – В самом деле очень интересно. Даже удивительно, почему я раньше за нее не взялась, мне ведь ее Алеша еще год назад из Лондона привез.

– Так она на английском! – сказала Рената. – Тогда я не смогу прочитать, наверное. Я английский плохо знаю. В институте нас иностранным языкам почти ведь не учили. Вы моложе и не помните – в те времена это без надобности было, все равно дальше Эстонии почти никто не ездил. Конечно, потом, когда литература западная появилась, я сама, насколько могла, английский подучила. Но в основном то, что по работе нужно было – медицинскую лексику. А что, Алексей Андреевич в Лондоне живет? – спросила она без паузы.

Рената и сама не знала, почему спросила об этом. После того рождественского вечера Дежнев ни разу не приехал в «Москву», и она уже успела его забыть. Так просто, наверное, спросила – к слову пришлось.

– Я тоже сама английский выучила, – сказала Ирина. – В школе он у меня был, конечно, но в школе я занималась всеми предметами довольно

поверхностно. А потом Алеша начал привозить мне из Лондона книги, и я сама не заметила, как заинтересовалась и выучила язык. Это вообще в его манере, вот так вот воспитывать.

– Как – вот так вот? – спросила Рената.

Опять-таки непонятно, зачем спросила.

– По видимости незаметно, но по сути действительно, – сказала Ирина.

На первый Ренатин вопрос – о том, где живет ее брат, – она так и не ответила. Она вообще часто оставляла без ответа какие-нибудь вопросы или прекращала говорить на какие-нибудь темы, если они казались ей неважными.

Агния Львовна принесла на веранду поднос, уставленный многочисленными вазочками и плетеными сухарницами. В вазочках были разные сорта варенья, а в сухарницах – печенья. Сладости водились в ее доме постоянно, в больших количествах, и всегда предлагались гостям. Ренату удивляло только одно: почему при таком ненавязчивом гостеприимстве и хлебосольности Агния Львовна не сделалась заправской стряпухой – ее собственные кулинарные умения в самом деле ограничивались маковыми коржиками.

Она давно собиралась спросить ее об этом и вот сейчас наконец спросила.

– Ничего удивительного, – пожала плечами Агния Львовна. – Я же всю жизнь была критикесса, богемная дама и в душе считала все эти киндер-кюхен-кирхе мещанскими глупостями. А сейчас уже поздно что-то менять. И если нет киндеров, то стоит ли особенно увлекаться кюхеном? Дамы, на старости лет свихнувшиеся на обустройстве своего одинокого быта, всегда казались мне идиотками. Моя Катя, домработница, печет вполне приличные пироги, а варенье можно купить в Юрцове чуть не в каждом доме. Там, где водки поменьше пьют, конечно. Так что вы правы, что решились родить, Рената, – неожиданно заключила она. – Когда, кстати? Ваш живот уже выглядит угрожающе, по-моему. И вообще вы сегодня какая-то изможденная.

– Да нет, пока еще ничего живот мой выглядит, – улыбнулась Рената. – И срок у меня через пять недель только.

– Ну, вам лучше знать, – кивнула Агния Львовна. – Садитесь к столу. Обе Гали собирались сегодня зайти, Белозерская и Венедиктова. Но ждать мы их не будем, а то самовар перестоит.

Растопка самовара была отдельным и очень приятным ритуалом. За время жизни в «Москве» он успел так понравиться Ренате, что ей уже не верилось даже: неужели раньше, да что там раньше, всю свою жизнь она

прожила без этого? И жаль было, что вскоре снова придется забыть этот милый дачный обычай.

Обычаи здешнего хлебосольства вообще были глубоки и разнообразны. По утрам, например, к Агнии Львовне заходили пить кофе со сливками, которые специально для этого собирались накануне вечером с крынки деревенского молока в фарфоровый сливочник. Рената только здесь узнала, что вкус кофе с настоящими сливками совершенно отличается от вкуса кофе с магазинным молоком.

К обеду гостям подавалась темно-розовая домашняя настойка на смородиновых почках, и от одной ее рюмочки по всему телу растекалась ровно та порция тепла, которая была необходима для хорошего настроения.

И другие были милые обычаи, к которым она успела привыкнуть.

Срок родов в самом деле был еще не скоро, но, наверное, Агния Львовна была права в своей наблюдательности: сегодня Рената действительно чувствовала себя неважно. Правда, ребенок был активен, толкался и вертелся в животе, так что видимого основания для волнений не было. Но поторопиться в город все же следовало, и Рената решила, что поедет не позже как послезавтра. И уже завтра надо было позвонить Виталию Витальевичу – тот взял с нее слово, что она обратится к нему сразу, как только решит уехать из «Москвы» в Москву, и он сразу же пришлет за ней Леню.

– Да, Алеша в Лондоне, – сказала Ирина, когда они расселись за столом. – Он уехал сразу после Рождества и вот только теперь возвращается.

Иногда она отвечала на вопросы несколько позже, чем они задавались; Рената уже привыкла и к этой ее необычной манере.

– Ему бы и совсем уже в Лондон пора перебраться, – заметила Агния Львовна. – Что это за жизнь на два дома?

– Не знаю, – ответила Ирина. – Мне кажется, он привык. В конце концов, он всю жизнь так живет. То есть не всю свою жизнь, конечно, в детстве он так не жил. Но ведь его детство давно закончилось.

– Безусловно, – усмехнулась Агния Львовна.

– Ну вот, – не заметив ее усмешки, продолжала Ирина, – а большую часть остальной своей жизни он уже прожил иначе. Так что ему поздно что-то менять. Да он уже и не хочет, наверное.

– Пей чай, Иринка, – сказала Агния Львовна. – Не задумывайся.

– А откуда вы это знаете? – улыбнулась Ирина.

– Что я знаю?

– Именно так маме когда-то сказал врач. Когда она... очень за меня

беспокоилась. Беспокоилась и поэтому пригласила ко мне врача. Невропатолога, может быть, или не знаю какого еще. И врач сказал маме: вашей дочери нельзя задумываться. Смешно, правда? – Ирина снова улыбнулась. – Как же можно жить, если не задумываться?

«Да вот так, как ты живешь, – подумала Рената. – На границе болезни. Что же с тобой случилось, из-за чего ты такая?»

Впрочем, больше, чем Иренино, ее беспокоило сейчас собственное здоровье. Она не понимала, откуда вдруг взялось это беспокойство и когда оно вообще появилось. По времени оно совпало со словами Ирины о том, что детство ее брата закончилось; это Рената почему-то запомнила. Но, по сути, оно никак не могло быть, конечно, связано с теми словами.

Тревога, неизвестно отчего проснувшись в ней, мгновенно пробудила и то физиологическое ощущение, которое в сфере человеческих отношений, наверное, называлось эгоизмом. Разбираться в этом Ренате сейчас не хотелось, она понимала только, что ей вдруг стали безразличны и неотмирная Ирина, и гостеприимная Агния Львовна.

– Чай у вас, как всегда, прекрасный, Агния Львовна, – сказала она. – Но я пойду. Наверное, в самом деле изможденная какая-то, вы правы. Пойду к себе, прилягу. А завтра в город уеду.

В глазах Агнии Львовны мелькнуло беспокойство.

– Вы уверены, что ехать надо завтра, а не сегодня, Рената? – спросила она. – В конце концов, можно и «Скорую» вызвать, не такая уж здесь глушь.

– Нет-нет, ничего. – Рената сама расслышала в своем голосе какую-то глупую, торопливую девчачью интонацию. – Сегодня ничего не будет.

И, провожаемая недоверчивым взглядом соседки, неуклюже ступая, она спустилась с веранды.

Глава 18

Рената проснулась от того, что какая-то огромная, страшная сила впиалась в нее изнутри.

Нет, тогда она еще не проснулась, конечно – только через минуту, когда сознание ее прояснилось уже не от боли, а просто само по себе, Рената поняла, что ощущение впивающихся в нее изнутри когтей, или не когтей, но чего-то невыносимо болезненного началось еще в полутумане сна.

«Успокойся, – отчетливо, как будто произнося вслух, подумала она. – Ничего страшного не происходит. Даже если начались схватки, то все равно ничего страшного – срок уже такой, что можно рожать. Ты сама виновата, что досидела в лесу до такого срока. А еще Тину убеждала быть благоразумной, идиотка!»

Наконец она призналась себе в полном своем идиотизме! Конечно, давно уже надо было вернуться в город, лечь в больницу – в общем, сделать все, что должно быть ясно любой беременной девчонке, не то что ей, сорокалетней женщине и профессионалу родовспоможения.

Но корить себя было теперь бессмысленно – следовало сообразить, как поскорее оказаться в Москве.

Как раз в ту минуту, когда Рената протянула руку за телефоном, лежащим на полу у кровати, боль повторилась, и еще сильнее, чем в первый раз. Теперь уже не было никакого сомнения в том, что это именно схватка.

«Несколько часов у меня, во всяком случае, есть, – подумала Рената, переждав боль. – «Скорая» успеет приехать».

Но откуда приедет и куда повезет ее «Скорая»? В поселковую больницу? В райцентр? Все эти маршруты представлялись Ренате, мягко говоря, сомнительными, но выбирать, кажется, уже не приходилось. Сейчас, накануне выходных, в «Москве» не было ни одного человека с машиной, и не бежать же ей было на шоссе, останавливая попутку.

Да, так и надо было сделать – вызвать «Скорую». Рената взяла трубку и только тут сообразила, что не знает даже, по какому номеру звонить.

«Совсем у меня голову отняло! – сердито подумала она. – Гормональная перестройка организма все-таки не шутка. Я и не предполагала, что до такой степени не шутка!»

И тут, несмотря на все самоутверждения, ей впервые стало по-настоящему страшно. Тишина стояла в доме, тишина стояла за стенами дома, тишина

окутывала весь сосновый холм и, Ренате стало казаться, все пространство вокруг этого холма – весь огромный мир, угрожающий ей и ее ребенку. От этой тишины, от этой угрозы не было спасения, ее невозможно было преодолеть, от нее хотелось бежать, но куда бежать, если она везде, везде!..

– А ну прекрати! – Это она уже не подумала даже, а громко сказала вслух. – Прекрати истерику! Звони соседям.

Телефон Агнии Львовны был ей, по счастью, известен. Рената и раньше звонила той с какими-нибудь мелкими домашними вопросами, но, конечно, не в шесть часов утра. Или теперь уже больше, не шесть часов, ну да, конечно, ведь еще только апрель, в шесть утра в апреле совсем темно, а сейчас уже рассветает...

Может быть, Агния Львовна и сама уже проснулась, не от телефонного звонка, ведь пожилые люди вообще встают рано. Голос ее, во всяком случае, не был сонным.

– Я сейчас приду, Рената, – сказала она. – Вы только, пожалуйста, лежите, не вставайте ни в коем случае.

– Извините, Агния Львовна, – виновато сказала она. – Я и сама не знаю, чем вы можете мне помочь. Надо «Скорую» вызвать. Больше все равно ведь ехать не на чем. А я не знаю номер, и вообще... Мне как-то не по себе. Совсем не по себе.

– Не вставайте, – повторила Агния Львовна.

Рената положила телефон на пол и закрыла глаза. Схватки пока не повторялись, они еще были редкими, и такая их периодичность была правильной. Но все-таки они казались ей слишком сильными, и это ее беспокоило. К тому же и голова у нее почему-то плыла, мысли туманились – от страха, наверное.

Да, она боялась. Все, что она знала о родах, знала досконально, во всех тонкостях, – все это вдруг показалось ей ненадежным, неправильным, неважным; ее охватила самая настоящая паника. Ренате стало казаться, что никакие знания и навыки ей не помогут, что умрет она непременно, и в этом не может быть ни малейшего сомнения.

От этой мысли туман в ее голове сделался плотным, потом стал спускаться вниз, к горлу; Рената почувствовала, что задыхается.

– Помогите!.. – прохрипела она.

И тут наконец на крыльце раздались быстрые шаги и сразу за ними – громкий стук в дверь.

– Я здесь!.. – с трудом проговорила Рената.

«Как же мне помогут? Ведь дверь заперта! – мелькнуло у нее в голове. – Я же всегда запираюсь на ночь. На замок и на щеколду еще».

Щеколда делала проникновение в дом совсем уж невозможным.

– Агния Львовна! – Ренате казалось, что она кричит, но голоса своего она почему-то не слышала. – Позовите кого-нибудь... Пусть выломают дверь...

«Ничего не слышно, ничего! – подумала она в отчаянии. – Она решит, что я уже умерла!»

Никакой логики не было в этих мыслях, а другие ей в голову сейчас не приходили.

Но тут и эти – бессмысленные – мысли вылетели у нее из головы. Потому что дверь задрожала от сильного удара, и не дверь только, а весь дом, всеми своими тяжелыми бревнами.

– Алеша, может, не надо? – раздался за дверью голос Агнии Львовны. – Может, она еще откроет?

– Но не открывает же, – ответил мужской голос. – Отойдите, Агния Львовна. Я поленом попробую. Надо прямо в щеколду попасть. Здесь же старое все, гнилое – откроем.

Удар в дверь, на этот раз еще более сильный, раздался снова; дом снова вздрогнул и даже как будто бы застонал. Со следующим ударом дверь распахнулась – Рената почувствовала это по сквозняку, мгновенно пробежавшему через комнату.

– Рената! – услышала она. – Вам совсем плохо?

В голосе Агнии Львовны, всегда насмешливом или невозмутимом, впервые слышалась растерянность. Рената с трудом подняла тяжелые веки, но силуэт соседки, стоящей возле ее кровати, все равно разглядела смутно.

– Не совсем... – пробормотала она. И с отчаянием добавила: – Какая же я дура!

– Безусловно, – сказал Дежнев. – Но сейчас об этом думать не время. Где вы собираетесь рожать?

В отличие от голоса Агнии Львовны его голос звучал точно так же, как всегда: ровно и холодновато. Но Рената обрадовалась этому голосу так, словно Дежнев обнял ее и расцеловал.

Впервые за это невыносимое утро она почувствовала, что голова у нее становится на место.

– В Москве. В той же клинике, что и Тина, – сказала она. – То есть я собиралась там рожать. Но теперь уже поздно. Вряд ли я успею туда добраться.

– Тогда куда вас везти? – спросил Дежнев.

– Меня – везти? – удивилась Рената.

Она чувствовала себя с каждой минутой все лучше – просто

удивительно! – и, задавая этот вопрос, смогла уже даже сесть.

– Зачем же вы садитесь? – воскликнула Агния Львовна.

– Садиться не надо, – все тем же тоном сказал Алексей Андреевич. – Я в этих ваших делах, конечно, не очень понимаю, но, по-моему, вы вот-вот родите.

– По-моему, тоже.

Рената улыбнулась, хотя с трудом сдерживала слезы. После страха, после отчаяния ее вдруг взяла очередная напасть – слезливость. Причудливые фокусы выделявала с ней гормональная буря!

– Так куда вас везти? – повторил Дежнев.

– Я хотела вызвать «Скорую», – сказала Рената. – Но оказалось, что даже номер телефона не знаю...

– Я знаю номер, – почему-то с робостью вставила Агния Львовна.

– Это не выход, – без всякой робости сказал Дежнев. – Пока «Скорая» сюда доедет, пока туда вас отвезет... И куда все-таки – туда? Ладно. – Он подошел к Ренате. Она смотрела на него снизу, с кровати, и его глаза казались ей бесстрастными, но она почему-то понимала, что это не так. – Куда ехать, вы мне по дороге успеете объяснить. Выбор, я так понимаю, у нас уже невелик. Агния Львовна, – повернулся он к соседке, – вы поможете одеться?

– Конечно.

В голосе Филаретовой наконец зазвучали привычные интонации. Видно, спокойствие, которое ни на минуту не покидало Алексея Андреевича, передалось и ей.

– Тогда я выйду на пять минут. Не вставляйте сами, – сказал он уже Ренате.

И вышел из комнаты.

Почувствовав, что его нет, Рената испугалась. Да тут еще и схватка опять опоясала ее болью. Но что ей было делать? Не орать же на весь дом. Она переждала схватку – к счастью, опять недолгую – и протянула руку за сарафаном, который Агния Львовна взяла со стула и подала ей. Потом Агния Львовна нагнулась за ее туфлями.

– Так неловко... – пробормотала Рената.

– Что неловко?

– Туфли вы мне надеваете...

– Бросьте ерунду городить, – махнула рукой Агния Львовна. – Я девчонкой в войну от голода умирала в Джекказгане, ни жевать, ни глотать уже не могла, так соседка по бараку, Голицына-старуха, мне хлеб нажевывала и в рот запихивала. Когда дело до жизни и смерти доходит, тут

уж не до неловкостей.

– А почему вы были в войну в Джебказгане? – спросила Рената.

– Повезло нам с мамой потому что. Не расстреляли, даже не в лагерь, а только на поселение отправили. Папа мой враг народа был, – объяснила она. – Штабс-капитан Преображенского полка. Ну вот вы и готовы.

– Я сейчас встану, – сказала Рената. – Сейчас, только схватка пройдет.

Она переплела руки, пережидая боль. Так, что пальцы побелели.

– Какое еще встану? Даже не думайте. Сейчас вас Алеша в машину отнесет.

– Как отнесет?

Рената так удивилась, что даже не заметила, когда закончилась очередная схватка.

– Это уж он сам разберется, как. Вы ему только объясните все же, куда вас везти.

– Простите, Агния Львовна! – с сердцем сказала Рената. – Я и сама не заметила, как у меня ум отняло совершенно. Бродила тут как блаженная, на цветочки любовалась... Меня, знаете, такая беспечность захлестнула, – пожаловалась она. – Даже непонятно, почему. Как будто всю жизнь кто-то занимался моими делами, и я привыкла на этого кого-то их перекладывать. А ведь не было такого никогда.

– Я понимаю, – улыбнулась Агния Львовна. – Это очень заметно, Рената, что вы не привыкли ни на кого ничего перекладывать. И вас поэтому жалко. Пронзительно жалко. Вам это неприятно? – заметила она.

– Да, не очень, – пробормотала Рената. – Кому же понравится выглядеть жалкой?

– Не выглядите вы жалкой, а... В общем, это совсем другое. Сейчас не время объяснять. Вот родите – потом. Ведь вы к нам когда-нибудь приедете?

– Ой, не знаю!

Рената почти всхлипнула. Ну конечно, у соседей по «Москве» были основания ее жалеть. Она и сама сейчас казалась себе какой-то облезлой курицей, которая бестолково кудахчет, не понимая, что ей делать с неведомой опасностью.

– Готовы? – донеслось из-за двери.

– Да, Алеша, входи, – ответила Агния Львовна.

Войдя в комнату, Дежнев сразу подошел к кровати.

– Обнимите меня за шею, – не терпящим возражений тоном велел он. – Только покрепче, а то уроню. Не хотелось бы.

– Я тяжелая! – каким-то не своим, тонким и глупо-жалобным голосом

пискнула Рената.

– Приемлемая. Держитесь.

Дежнев не выглядел могучим, даже наоборот, был так же тонок в кости, как его сестра, но поднял Ренату на руки легко, как будто она была эльфом из мультфильма, а не бесформенной теткой на сносях. То есть и не на сносях уже даже, а просто рожаящей теткой.

Машина стояла у ступенек веранды. Значит, он с самого начала решил везти ее в больницу.

Агния Львовна легко, как девочка – Рената никогда не видела, чтобы она так двигалась! – сбежала по ступенькам и распахнула перед Алексеем заднюю дверцу.

– Места здесь, по-моему, достаточно, – сказал он. – Так что вы спокойно можете лежать.

Говоря это, он прямо-таки вложил Ренату на заднее сиденье, как вкладывают саблю в ножны. Он сделал это осторожно, но довольно лихо – так, словно всю жизнь загружал рожениц в свою машину. Или всю жизнь вкладывал сабли в ножны? Какие все-таки глупости лезли ей в голову от растерянности и постоянно повторяющейся боли!..

– С богом! – сказала Агния Львовна. – Смотрите же, сразу сообщите, кого родили. Я любопытна как сорока.

– Обязательно, – с трудом сдерживая слезы, проговорила Рената.

Она поджала ноги, чтобы можно было закрыть машину. Дежнев захлопнул заднюю дверцу и сел за руль.

– Пока я выезжаю на шоссе, – сказал он, – вы должны сообразить, куда мы поедем. В Москву точно не успеем?

– Точно, – помотала головой Рената. – Придется в райцентр.

– Райцентр здесь – город Александров. Но ближе отсюда Переславль-Залесский.

– Красивые какие названия... – всхлипнула Рената. – Старинные... Ох, простите, Алексей! Я совсем соображать перестала. Везите куда ближе. Лишь бы в больницу!

Последнюю фразу, которая пришлась на очередную схватку, она уже не произнесла, а почти прокричала, из последних сил стараясь сдерживаться. Сначала ей было неловко перед Дежневым, но теперь, видимо, дело и правда дошло до жизни и смерти, и неловкость исчезла.

– Значит, едем в Переславль-Залесский, – сказал Алексей. Спокойствие, с которым звучал его голос, было теперь уже не холодноватым, а просто ледяным. – Можете наблюдать за дорогой. Здесь в самом деле красивые места. Будем проезжать Плещеево озеро.

– Плещеево озеро... – щурясь от боли, повторила Рената. – Как в сказке.

– Да, есть такая сказка. Про град Китеж, кажется. Правда, сколько я ни бывал в различных точках нашей родины, почти везде находилось какое-нибудь озерцо, которое местные жители с уверенностью считали прообразом града Китежа.

– Аборигены? – сквозь слезы улыбнулась Рената.

– Именно.

Лежа на заднем сиденье, она видела только его руки на руле да коротко остриженный, чуть серебристый сединой затылок.

«Москва» находилась километрах в пяти от шоссе – со стороны соснового холма вела туда лесная дорога, незаасфальтированная, но плотная и ровная. Сейчас, утром буднего дня, она была пустыня.

– Открыть окно? – спросил Дежнев. – Подышите воздухом. Может, легче вам будет.

– Мне ничего... – щурясь от боли, пробормотала Рената. И тут же, чтобы не закричать, воскликнула: – Да-да, откройте, пожалуйста!

Стекло опустилось, в лицо хлынул лесной воздух, и ей в самом деле стало легче.

– Это, конечно, непростительная глупость с моей стороны, – сказала она, – что я до таких пор у вас досидела. Но мне так хорошо было! У вас здесь вся жизнь состоит из таких чудесных подробностей... Знаете, ведь у меня никогда ничего такого не было. У меня было – работа, дом, работа. Нет, я не жалею, я жила так, как считала нужным, и никто меня не заставлял жить так, а не иначе. Но вот это все... Самовар этот на веранде... Коржики с маком...

Рената говорила лихорадочно, слишком быстро, речь ее путалась. Но ей почему-то казалось очень важным сказать ему все это.

– Это вы еще летом здесь не жили, – не оборачиваясь, сказал Дежнев. – На Ивана Купалу мы всегда костры жгли и в озере купались. В поход по реке ходили, к часовне. В лесу часовня есть над родником – как у Нестерова на картине, честное слово.

– И шарады загадывали?

– Да.

– А я ведь не очень-то и представляю, что это такое.

– Увидите. Иногда придумаешь что-нибудь довольно трудное, а потом не знаешь, как это показать. Например – мороз крепчал. Попробуйте изобразите!

Терпеть боль, слыша его голос, было, кажется, как-то полегче.

И тут Рената поняла, что терпеть больше не имеет смысла. Она знала о

родах все, что можно было знать, она и сама когда-то рожала, но теперь она поняла, что с ней происходит, не с помощью знаний или опыта. Она просто почувствовала это каким-то звериным чутьем, и это же чутье подсказало ей, что спешить уже никуда не нужно.

Но когда в ней заговорило это звериное чутье, включился одновременно с ним и ее трезвый разум, который до сих пор был подавлен болью и страхом, и голова ее заработала четко и ясно.

– Алексей, – сказала Рената, – остановите, пожалуйста. Мы не успеем. Я не ожидала, что схватки будут такими недолгими. Надо позвонить, чтобы «Скорая» ехала сюда. И надо что-нибудь здесь подстелить.

Машина съехала к обочине и остановилась. Алексей вышел из нее и распахнул все дверцы. Лес шелестел и щебетал, журчала вдали какая-то вода – ручей, может. От сильных весенних запахов у Ренаты кружилась голова. Хотя, наверное, не от запахов она кружилась.

– Я уже позвонил, – сказал Дежнев. – На всякий случай. Так что «Скорая», я думаю, едет нам навстречу. Вот плед. Пойдет?

– Да. И аптечку дайте мне, пожалуйста. А сами отойдите подальше.

Дежнев достал из-под сиденья аптечку и, обойдя машину, остановился у Ренатиных ног.

– Вы можете немного приподняться? – спросил он. – Я плед подстелю. Или, может, на траву вас положить?

– Не надо на траву. Земля еще холодная, – выговорила она, задыхаясь. – Отойдите же скорее!

– Отходить я не буду. – В его голосе уже не просто звенели льдинки – в нем громыхали куски льда. – Вы будете мне говорить, что надо делать. Последовательно.

И, услышав это «последовательно», Рената поняла, что возражать ему не надо. Она поняла это так же ясно, как то, что роды уже начинаются. Его голос был таким же знаком незыблемости мира, как рождение и смерть.

– Хорошо, – сказала она. – Не бойтесь. Это, конечно, будет неприятно, но вряд ли трудно. Ребенок лежал правильно и теперь идет правильно. Он сам все сделает, и я тоже. Не бойтесь. Вы только чуть-чуть поможете. В самом конце.

Боль была уже невыносимой. Да, она больше не вызывала паники, но терпеть ее все-таки было нелегко.

– Дайте руку, пожалуйста!

Рената сама не поняла, как вырвались у нее эти слова. В том, чтобы Алексей держал ее за руку, не было никакой медицинской необходимости.

Он резко сдвинул передние сиденья и сразу оказался рядом с нею. Рука

у него была жесткая и теплая. Рената схватилась за нее так сильно, что у нее самой свело пальцы. Боль внутри из опоясывающей сделалась режущей, рвущей. Это было хорошо – значит, осталось недолго.

– Вы... туда все-таки не смотрите... – проговорила она. – Я... сама буду...

– Глупостей не говори, – сказал Алексей. – Как ты будешь сама? Говори, что делать.

– Я буду дышать, – выдохнула Рената. – Глубоко и часто. Не бойся, это так надо.

– Дыши.

Ей показалось, что он улыбнулся. Но она не была в этом уверена, потому что лицо его различала смутно. Только его рука была для нее сейчас явственна – она держалась за его руку, как утопающий держится за ветку, наклоненную над водой.

Ребенок рванулся из нее так сильно, что Рената не выдержала и вскрикнула.

– Уже головка видна, – сказал Алексей. Голос у него все-таки дрогнул. – Как ему помочь? Да говори же!

– Возьми в аптечке эту... – Она вдруг забыла все названия, а это было важно, что именно должен он взять. – Эту, грушку резиновую... Как только вся головка покажется, надо будет слизь ему изо рта... убрать... сразу...

– Да, я понял. – Он наклонился к ее раздвинутым ногам. – Сейчас... Все! А теперь что делать?

– Н-ничего не надо... – простонала Рената. – Не трогай его, ничего... Он сам! Все правильно идет... Теперь я сама... Ой, держи меня!..

Зачем надо ее держать, было непонятно. Но Алексей сжал ее пальцы так, что бессмысленный ужас, снова подступивший было к самому сердцу, сразу отпустил ее.

Она тужилась изо всех сил, выталкивая из себя ребенка, и главным было для нее сейчас ощущение, что она делает эту работу не напрасно. Но как же это было тяжело! Вот когда сказался возраст, который до сих пор она, опьяненная своей неожиданной беременностью, совсем не ощущала.

Рената почувствовала, что у нее темнеет в глазах, что она задыхается, что сильные кровяные токи взрывают ее голову – и тут же внутри у себя она ощутила какой-то широкий пережат – и все это прекратилось.

– Вот он! – воскликнул Алексей. – Родился! Ты родила!

Он держал ребенка на руках, не на руках даже, а просто на ладонях. Пальцы у него дрожали.

– Почему он молчит? – Теперь у него задрожал уже и голос. – Почему?!

– Он сейчас... – Рената почувствовала, как по лицу ее ручьями текут слезы. – Все хорошо, сейчас закричит... Вверх не поднимай! – воскликнула она, увидев, что Алексей пытается поднести ребенка поближе к ней. – Еще пуповину не перерезали, нельзя поднимать. Положи его. И накрой пледом.

Алексей послушно положил ребенка на сиденье – на кусок марли, которую, оказывается, достал из аптечки, – и осторожно накрыл его сначала марлей, потом краем пледа.

– Давай перережем пуповину, – сказал он. – Только объясни, как.

После разнообразной боли – Ренате казалось, что за недолгое время родов она перечувствовала все возможные ее виды, – ей было теперь легко, как воздушному шарик.

– Сейчас, сейчас, – сказала она. – Еще рано перерезать. Пусть полежит немножко.

И тут ребенок наконец подал голос. И какой!

– Ого! – засмеялся Алексей. – Шаляпин прямо. Я думал, они в этом возрасте только скрипят и пищат. Это он теперь все время так будет орать?

Рената открывала рот, чтобы ответить, но слезы душили ее попеременно со смехом, поэтому изо рта вырывалось только невнятное сипенье.

Неизвестно, скоро ли ей удалось бы произнести что-нибудь осмысленное, но тут на дороге показалась машина «Скорой» – высокий неуклюжий «батон». Она загудела, затормозила, из нее выскочила полная высокая женщина с медицинским чемоданчиком.

– Господи боже ты мой! – крикнула она. – Да что ж это вы делаете?!

Она бросилась к машине, оттеснила Алексея, наклонилась над Ренатой...

– Родила? – радостно воскликнула она. – Вот молодец какая мамочка! И папаша тоже молодец! А уж какой мальчишечка хороший!

Рената закрыла глаза. Слезы текли по ее щекам потоком, нервы то отпускало, то натягивало, как вожжи. Все физические ощущения исчезли – она не чувствовала, как врач перерезает пуповину, не смотрела, что та делает потом, правильно ли делает... Врачиха была шумная и все время что-то говорила, но Ренате казалось, что вокруг стоит полная тишина.

– Как тихо... – Своего голоса она тоже не услышала. – Алеша!..

– Да, – сказал он. – Я здесь, здесь.

Вот его голос был слышен отчетливо. Как только Рената услышала его голос, ей захотелось смеяться и говорить глупости.

– Как хорошо! – сказала она.

Язык, впрочем, шевелился с трудом.

– Неплохо.

Он улыбнулся. Глаза у него были серые и необычно поставлены на лице – домиком. От этого их выражение казалось удивленным, но в то же время внимательным. А брови у него были совсем другой формы – прямые, резким разлетом.

Рената даже своего ребенка не видела так отчетливо, как глаза этого постороннего человека.

– Спасибо тебе, – сказала она. – Очень противно было? Хорошо, что ты мне хотя бы не муж.

– Почему это так уж хорошо?

– Потому что на жену после такого смотреть не захочешь. Я, знаешь, никогда не понимала, зачем мужья рвутся при родах присутствовать. Спасибо тебе...

– Ничего. – Он снова сжал ее руку, но теперь уже не сильно, а совсем легко. – Ничего, ничего. Мальчишка и правда хороший. Я думал, они страшенькие в этом возрасте, а он, смотрю, красивый.

Он так смешно говорил «в этом возрасте»! Такая неожиданная наивность была в этих словах, и совсем не совпадали они с его тоном.

– Тебе еще больно? – спросил Алексей. – Ты совсем не кричала. Положено ведь кричать. Стеснялась, что ли?

– Уже не больно, – сквозь слезы улыбнулась Рената. – Это просто нервы. Не обращай внимания.

– Сейчас в больницу ваших отвезем, в Переславль, – вклинилась врачиха. – Повезло вам, мамочка! Папаша не растерялся. Ну да и вы тоже постарались. Даже разрывов вроде бы нету. Коля! – крикнула она водителю. – Давай носилки!

– Ты не едь, – сказала Рената. – Возвращайся в «Москву», отдохни. Скажи Агнии Львовне, что мальчик родился, – улыбнулась она.

Рената с трудом договорила все это. Глаза, губы – всю ее вдруг свело сном. Она знала, что это бывает после родов, но не предполагала, что сон накатывает так мгновенно.

Что ответил Алексей, она уже не слышала. Только все время, что плыло над ней небо в росчерке весенних веток – до той минуты, пока оно не скрылось под крышей «Скорой», куда ее внесли, – чувствовала жестковатое тепло его руки.

Часть третья

Глава 1

Алексей Андреевич Дежнев проснулся ранним утром у себя в квартире на Чистых Прудах, и обычная его жизнь началась в ту же минуту, когда он открыл глаза.

Он всегда просыпался вот так, сразу, потому что и во сне не уходил из действительности настолько, чтобы потом долго к ней привыкать. Наверное, это было плохо, потому что организм, возможно, не так хорошо отдыхал во сне, как следовало бы. Но такова была индивидуальная особенность его организма, и он к ней привык.

И, в общем, это было удобно.

Вчера он прилетел из Лондона вечерним рейсом, долго стоял в пробках, добираясь до Чистых Прудов, лег поздно и так же поздно поэтому проснулся. Летнее солнце уже всю светило в окна сквозь бежевые шторы, и от такого цвета штор, просвеченных солнцем, казалось, будто комната наполнена золотым туманом. Алексей был доволен, что послушался толкового дизайнера, который подобрал именно эту ткань для штор. Сам бы он в такие подробности не стал вникать, конечно.

Он полежал еще некоторое время в постели. Ему казалось, что он плывет в этом золотом комнатном тумане. Потом высокие напольные часы, стоящие в углу, пробили девять раз – он сосчитал удары и решил, что пора вставать. В первый после возвращения день, конечно, можно было поспать подольше, но Алексей привык вставать рано и всегда вставал рано – и в Москве, когда был один, и в Лондоне, когда приезжал к Елене. Собственно, и она ведь вставала рано – их распорядок совпадал во всем.

Его жизнь вообще во всем совпадала с самой собою. Это Алексея не угнетало. Он был не из тех, кто не может найти удовольствия ни в чем, кроме внешних бурь. Когда-то Николашка, друг детства, даже возмущался этим его качеством.

– Не, Леха, ну ты пойми, – объяснял он. – Если ты, когда напьешься, не поешь караоке и не бьешь посуду, то на кой тогда вообще напиваться? В театр сходи!

Когда он говорил это, они оба были еще очень молоды. Потом жизнь пообкатала Николашку – он как-то притих, приувыл и даже стал завидовать ровному отношению своего друга к жизни.

– По крайней мере, ты за сорок лет к этому уже привык, – говорил он. – А мне, поверишь, Леха, так что-то скучно после сорока стало... Все одно и

то же, все одно и то же. Бросился было на девок молодых, так надоело быстро – тоже ведь они все одинаковые. А потихоньку, трюх-трюх, жить я не умею. Это я не про тебя – насчет трюх-трюх, – поспешил уточнить Николашка.

Уточнял он не зря: в детстве-то за такие слова и по шее мог схлопотать от своего друга Лехи Дежнева.

То, что Николашке скучно стало жить, Алексея не удивляло. Тот с детства был невезучий, но в нем всегда трогала доброжелательная наивность, с которой он относился к жизни. Да и неважно, что именно в нем трогало – он просто был другом детства. А это, как Алексей понял с возрастом, есть категория необъяснимой приязни. Просто видишь человека, больше ничего – и сразу встает в памяти все, что связано с его обликом: все костры ночью у реки, и походы на байдарках, и драки с деревенскими на широкой поляне возле дачного холма... Николашка, правда, в драках не участвовал: его не брали драться, потому что толку от него было мало. Но неважно, брали или не брали, все равно он был частью того, что трудно объяснить словами, – был частью детства.

В нем не было ничего постороннего, и поэтому уже во взрослой своей жизни Алексей относился к нему иначе, чем ко всем другим людям.

За кофе он вспомнил, что не позвонил вчера Елене. Вряд ли она волновалась, но сообщать о том, что он уже дома, просила его всегда.

Еленин телефон был выключен, и он позвонил на домашний. Трубку взяла Лиза.

– А мама уже уехала, – сообщила она. – У нее утром совещание, и она телефон поэтому отключила. Не волнуйся, я ей потом скажу, что ты звонил.

– Ты на работу сейчас? – уточнил Алексей.

Вообще-то можно было и не уточнять: дочь всегда выходила из дому в одно и то же время и в одно и то же место – в свой банк. У нее была удачная работа, и не только потому, что высокооплачиваемая, но и потому, что она ей нравилась; Лиза считала, что это важно. В ее возрасте Алексей и сам так считал, но теперь это уже не казалось ему существенным. Теперь он любил свою работу главным образом за то, что привык к ней.

– Да, па, – сказала Лиза. – Сейчас на работу, а вечером мы с Бобби идем в театр.

– Хорошо.

В какой театр она идет с женихом, Алексей не спросил. Если сама не сказала, значит, не очень ей интересно ему это рассказывать, и, значит, можно об этом не спрашивать.

Да, вся его жизнь имела в своей основе простую логику. И была за счет

этого толково обустроена.

Следующий звонок надо было сделать сестре. Но это уже попозже, с работы: Ирина часто читала до рассвета, летом особенно, и теперь, скорее всего, еще спала. Телефон на ночь она выключать забывала, и Алексею не хотелось будить ее своим звонком. После разговора с ним она вряд ли уснет снова, значит, весь день будет ходить как в тумане. А ей этого состояния и без его звонков хватает.

Офис его фирмы располагался в двух кварталах от дома, в большом бизнес-центре на углу Мясницкой. Когда Москва еще только начинала притормаживать в пробках не вечерами, а среди бела дня, Алексей уже догадался, что скоро это будет отравлять жизнь очень существенно. Он немедленно продал здание, которое в свое время недорого купил на Юго-Западе, и снял вот этот офис рядом с домом. То здание было необычное и свое, а это – самое обыкновенное и чужое. Но оно было удобно расположено, что экономило уйму времени, а к сентиментальности он никогда не был склонен. Да и зачем сентиментальность при выборе офисного здания?

К тому же не так уж много времени он проводил в офисе: приходилось часто уезжать, потому что производства, на которых его фирма заказывала детали для высокоточной техники, располагались по большей части не в Москве – или за границей, или в Петербурге, или в отдаленных российских наукоградах.

Обычно Дежнев приходил на работу едва ли не раньше всех своих сотрудников. Но сегодня они уже были на местах, конечно, ведь он проснулся сегодня позже, чем обычно. Он шел по Чистопрудному бульвару и знал, что все его сотрудники уже на местах.

«Зачем я это знаю? – мелькнуло у него в голове. – О чем я вообще думаю?»

Но этот промельк исчез так же мгновенно, как возник. Станный, сторонний взгляд на собственную жизнь оказался недолгим, и жизнь его опять приобрела привычные черты.

Фирма, которую Дежнев организовал через несколько лет после окончания института, занималась высокоточной техникой – изготавливала комплектующие на одних предприятиях, вела сборку на других, искала заказчиков, обслуживала приборы. Когда все это было внове, Алексей не жалел, что не стал физиком-теоретиком, как мечтал в институте. А потом эта работа стала привычной, но он все равно ни о чем не жалел, потому что юношеские стремления к тому времени забылись.

Он был хорошим начальником – может, жестким, но все-таки в меру;

подчиненные больше уважали его, чем боялись, и не искали другой работы. У него и секретарша Алла Сергеевна работала много лет, хотя, он знал, ее не раз пытались переманить в другие фирмы и даже в Совмин.

Алла Сергеевна и встретила его первой, когда он вошел в приемную перед своим кабинетом. И сразу после дежурных расспросов о жене и Лизочке сообщила ему, что нового произошло за месяц его отсутствия. Ничего судьбоносного не случилось – это было главное, что Дежнев понял из ее рассказа, и это его порадовало.

Он прошел в кабинет, Алла Сергеевна принесла документы на изучение и подпись... Все шло как всегда, будто и не было его командировки, потом отпуска, будто не было долгого его отсутствия. Так оно и должно было быть, чтобы его отсутствие ощущалось как можно меньше, он сам наладил работу своей фирмы именно так, и непонятно было, почему сегодня это вдруг его... задело, кольнуло, в общем, обеспокоило.

«Вот так вот и сдохнешь в один прекрасный день, тоже никто не заметит», – подумал Алексей, просматривая документы.

Мысль была не из разумных, и неудивительно, что она вызывала раздражение. Да, он сердился на себя и поэтому никак не мог включиться в работу. Взгляд скользил по документам, не выхватывая из них главное. Никакого смысла не было в такой деятельности!

«Может, надо было подольше отдохнуть?» – подумал Алексей.

Но нет, отдыхал он достаточно: после его командировки в Новосибирск они поехали с Еленой в Испанию, жили десять дней на каталонском побережье, гуляли по Барселоне, перемежая морские ванны и интеллектуальные впечатления. Когда Елене пришло время вернуться в Лондон, она предложила ему съездить куда-нибудь одному для более подвижного отдыха – серфинга, например; сама она экстрима не любила, но считала, что мужчине он необходим. Алексей отказался – не настроен он был на организованный адреналин. Но, в общем-то, мог и в самом деле съездить куда-нибудь на океан – на длинные волны, так он их называл. Когда-то называл – когда ему нравилось с ними бороться, испытывать свои силы. Но не может же человеку всю жизнь нравиться одно и то же, вот и длинные волны со временем ему надоели.

Так что он приехал вместе с женой в Лондон, пожил у нее и вернулся в Москву, на работу.

Все это было обычно, все как всегда, и непонятно только было, почему при таком ровном жизненном фоне впустую скользит сейчас по документам его взгляд. Никогда прежде с ним этого не бывало, он не знал, как вести себя в такой ситуации, и это злило его чрезвычайно.

Алексей резко отодвинул от себя бумаги и вышел из кабинета.

– Алла Сергеевна, меня пару часов не будет, – сказал он. – В принципе я уже на работе. Если что-нибудь срочное, звоните. Но вообще-то звонить необязательно.

Секретарша почти не выказала своего отношения к такой странной начальственной установке, разве что взглянула с некоторым удивлением.

«Поеду к Ирине, – решил Алексей, выходя из офиса. – Все равно голова не работает – развеюсь на свежем воздухе. И лекарство ей, кстати, отвезу».

Он благополучно не бывал на этом самом свежем воздухе, то есть на даче, лет пятнадцать, наверное, а теперь вот зачастил. Детство, что ли, вспомнилось? Это тоже раздражало: Дежнев считал сентиментальные позывы признаком старения, а этого не хотелось, конечно.

Мясницкая встретила его живым движением, по видимости бестолковым, но на самом деле наполненным особенным, со стороны не угадываемым, смыслом. Алексей с детства любил эту улицу, и не только потому, что вырос с ней рядом. Он совпадал с ней по сути, каким бы странным это ни казалось при его сдержанном и при ее, Мясницкой, несдержанном характере.

Поездка к сестре была, конечно, затеяна очень не вовремя. Выбраться в разгар рабочего дня из Центра на Кольцевую, потом на Ярославское шоссе – это была задачка не для слабонервных. Ну да он и не был слабонервным – выберется как-нибудь.

Пробка на набережных была подвижна, но тянулась все же так вяло, что не требовала от водителя, если он никуда не спешил и не метался по рядам, напряженного внимания. Дежнев медленно двигался в сплошном потоке машин и думал о сестре.

Невеселые это были мысли.

Глава 2

Когда родилась сестричка, Алеша обрадовался.

Родители даже удивились: сыну ведь было двенадцать лет, а это как раз тот возраст, когда появление бессмысленного маленького родственника вызывает либо ревность – почему внимание вдруг стали уделять ему, а не мне? – либо равнодушие. Тем более в свои двенадцать лет Алеша был не по возрасту резкий – любому мог сказать что думает, да и думал обо всем как-то по-взрослому, без детской наивности и доверчивости.

Но маленькая девочка очень ему понравилась. Он даже катал ее в коляске по аллее у Чистых Прудов – родители отпускали его с ребенком одного, потому что он всегда был ответственный, а Иришка всегда была спокойная и во время прогулок безмятежно спала, не досажая брату.

И еще она была очень красивая. Если черты Алешиного лица прочерчивались резко, по-мужски, то у нее личико было утонченное, нежнейшего рисунка. И вся она была такая нежная, что Алеша с самого ее рождения думал, что, когда она вырастет, ему придется ее защищать. Эта мысль наполняла его гордостью.

Он не стеснялся катать Иринкину коляску по скрипящим гравием аллеям Чистопрудного бульвара, и потом, когда сестра стала постарше, не стеснялся брать ее с собой в кино. Они всем двором ходили на фильмы про индейцев в «Форум» на Садовом кольце, это было довольно далеко, надо было следить, чтобы Иришка не зазевалась и не попала под машину, но забота о ней его не угнетала. И когда Сенька Варфоломеев, закадычный дружок с пятого этажа, попытался однажды съязвить на этот счет, Алеша так врезал ему, что тот больше не повторял подобных попыток.

В общем, он любил сестру, а она так и просто его боготворила. Даже папа, доктор физико-математических наук, пожилой и величественно седой, не обладал в ее глазах таким авторитетом, как брат.

И почему это вдруг стало так? Не было, не было никакой этой маленькой девчонки, и Алеша прекрасно без нее обходился, а потом она появилась и вдруг стала самым необходимым ему человеком. Необъяснимо!

Зимой он водил ее в Александровский сад кататься с ледяной горки, которая спускалась от Кремлевской стены, и радовался от того, что она радуется этому простому развлечению. А летом, когда детей вывозили на дачу в академический поселок «Москва», возможностей обрадовать сестру

становилось еще больше. Одни костры на Ивана Купалу чего стоили! В отличие от Алексея, который даже в раннем детстве не верил ни в какие сказки, Иришка с замиранием сердца предвкушала каждый год, что непременно найдет цветок папоротника, который зацветает в волшебную ночь. И ужасно боялась ведьм и леших, которые, по ее мнению, бродили этой ночью по лесу целыми толпами.

Конечно, чем старше они оба становились, тем меньше времени проводили вместе. Иришка пошла в школу, у нее появились подруги, свои девчачьи интересы, которые брату были непонятны. А он поступил в Физтех, учеба требовала серьезных усилий и времени, у него появились девушки, которым тоже надо было уделять время... Но такое отдаление казалось им обоим естественным; по сути, они его даже и не заметили.

Дело было в том, что у Дежневых была дружная семья, в которой у каждого были свои интересы, и дети привыкли, что это не мешает ни любви, ни дружбе. Родители были уже немолоды, много работали у себя в Академии наук, и их не тянуло, например, кататься с детьми на лыжах. Ну и что? Все равно они были самыми лучшими родителями в мире. И созданный ими домашний уклад – неторопливый, со множеством традиций вроде вечерних чаепитий на прогретой солнцем дачной веранде – был самым лучшим тоже.

И когда Ирина впервые влюбилась, Алексей не увидел в этом никакого повода для беспокойства. Может, отчасти потому, что произошло это не слишком рано – сестра уже окончила школу. То есть и в школе она, наверное, в кого-то влюблялась, но брату об этом не рассказывала. Не потому что не доверяла, а потому что эти влюбленности не длились долго и не успевали глубоко ее задеть.

И вот – влюбилась всерьез.

– Ты не представляешь, какой он! – рассказывала Ирина, когда брат заехал как-то в выходной в «Москву», где она жила с конца июня, после выпускного вечера готовясь к вступительным экзаменам на филфак.

– Чем же он такой уж особенный? – усмехнулся Алексей. – С четырьмя ушами?

Он не терпел всяческих романтических бредней и не церемонился в этом смысле даже с сестрой; наверное, не зря его считали циничным.

– Нет, Алеша, – нисколько не обидевшись, возразила Ирина. – Внешне он, может быть, ничем не отличается от других людей.

– Да уж это наверняка, – успел вставить Алексей.

– Но внутренне... – Ирина не расслышала этого резонного замечания. – Внутренне он невероятно содержателен.

– И в чем состоит его содержание? Стихи пишет? Или музыку?

Ирина любила и стихи, и музыку, поэтому естественно было предположить, что ее избранник связан с этой сферой деятельности. Что ж, Алексей не имел бы ничего против такого его занятия.

Общаясь с разными людьми, к тридцати годам он успел сделать вывод, что никакое занятие само по себе не определяет человека. Дело не в занятии, а в чем-то другом, и это другое не имеет названия, но улавливается сразу. Он, во всяком случае, сразу это улавливал.

– Он что, поэт? – повторил Алексей.

– Нет. – Улыбка у Ирины была – как ветерок в вершинах деревьев. – Он почтальон.

– Кто-о?! – изумился Алексей. – Почему вдруг почтальон?

– А что в этом странного? – Ирина снова улыбнулась. – Бывают ведь на свете почтальоны. Почему бы ему им не быть?

– На свете много кто бывает, – пробормотал Алексей. Профессия Ирининогo возлюбленного его ошеломила. – Не во всех влюбляются. Сколько ему лет?

– Твой ровесник.

– Н-да... – хмыкнул Алексей. – Он что, приезжий?

С Ирины стало бы влюбиться и в дворника, явившегося в Москву на заработки из Узбекистана! Правда, раньше он не замечал за сестрой тяги к экзотике, но, выходит, просто не все о ней знал. Тридцатилетний почтальон – это была неожиданность.

– Нет, он неподалеку от нас живет, на Сретенке, – сказала Ирина. – И родился на Сретенке. И работает на нашей почте. Он папе бандероль приносил, и мы разговорились. Ты, кажется, недоволен, Алеша? – заметила она.

– А чем я должен быть доволен? – пожал плечами Алексей. – Был бы он приезжий, еще понятно: надо хоть как-то зацепиться за Москву, особо выбирать не приходится. Но мужчина, который родился на Сретенке и в тридцать лет почтальон... Может, у него со здоровьем проблемы? – спросил он почти с надеждой.

– Нет. Он очень сильный, – доверчиво призналась Ирина.

И сразу покраснела. В чем выражается сила этого прекрасного почтальона, догадаться было нетрудно.

Конечно, ничего удивительного не было в том, что отношения восемнадцатилетней девушки с мужчиной не ограничиваются влюбленными взглядами. Но Алексей рассердился. Его сестру, достойную всего самого лучшего, что есть на свете, затягивает какое-то сомнительное

болото!

– Он сейчас в городе? – стараясь не показывать своего раздражения, спросил Алексей.

«Он в Москве, она в «Москве», – подумал он при этом. – Может, с глаз долой – из сердца вон?»

– Нет, он здесь. Взял отпуск и снял комнату в Юрцове. Чтобы все время быть рядом со мной.

– Ты же так в университет не поступишь! – наконец возмутился Алексей.

Ирина жила на даче одна, и нетрудно было догадаться, что она посвящает общению с любимым не только свободное от учебников время, но и вообще все время суток.

– Ах, Алеша, какое это имеет значение! – засмеялась она. – Мне, знаешь, таким мелким теперь все кажется... Я вся на него настроена, понимаешь? Я вся – на него всего.

Что на это было сказать? Алексей опасался, что сможет произнести только что-нибудь непечатное. А главное, ни в каких его словах, ни в каких увещеваниях не было смысла. Ирина в самом деле была настроена на этого своего почтальона как антенна, это он видел ясно.

– О чем ты с ним хоть разговариваешь? – вздохнул он.

– Он очень внутренне содержательный, я же тебе говорила. Знаешь, какие у него сны? Он мне их все подробно рассказывает. Это так интересно! И вообще он очень сложный. Иногда он сам не может разобраться в своих желаниях. Ведь наши желания – это как течение сильной реки. Несет куда-то, и противиться невозможно...

«Не хватало только, чтобы он еще и психом оказался, – подумал Алексей. – Ну влипла сестра!»

– Познакомь меня с ним, – сказал он.

– Ой, Алеша, не надо! – воскликнула Ирина.

В ее голосе прозвучал испуг.

– Почему? Что особенного в том, чтобы познакомиться с братом своей подруги?

– У него все по-другому, – грустно сказала она. – Я не могу объяснить... Он не такой, как все. Совершенно незащищенный. Человек без кожи, понимаешь? В переносном смысле, конечно. Мне кажется, Высоцкий таким был.

– Высоцкий! – возмутился Алексей. – Ты вспомни, что Высоцкий к тридцати годам написал. Проще ко всему этому относиться, – резко добавил он. – Дважды два всегда четыре. Всегда и для всех.

– Для него может быть и пять. Честное слово, он не притворяется!

Алексей больше не испытывал ни малейшего желания знакомиться с этим чертовым почтальоном, который вдул в уши его сестре, что дважды два для него почему-то может быть пять, да так умело вдул, что она приобрела полную в этом уверенность. Оставалось только надеяться, что это наваждение вскоре у нее закончится. Не блаженная же она, в конце концов! Нормальная девчонка, веселая, приветливая, друзей у нее миллион...

К тому же у Алексея и не было возможности уделять много внимания всей этой истории. Он как раз уходил из научно-исследовательского института, где работал после Физтеха, организовывал свою фирму, искал партнеров, поставщиков, заказчиков... Все это требовало времени и серьезных усилий. Уж как-нибудь не до почтальона без кожи ему было!

Что ж, Ирина уже взрослая. Во всяком случае, взрослая настолько, чтобы ее невозможно было убедить в том, в чем не убеждает ее собственная жизнь.

Но когда она провалила вступительные экзамены в университет, терпение Алексея закончилось. Он решил сам познакомиться с этим содержательным почтальоном – как его зовут, кстати? даже этого Ирина не сообщила! – и не просто познакомиться, а поговорить как положено. Пусть не думает, будто имеет право ломать жизнь его сестры! Положим, в университет она может поступить и в следующем году, но ведь не факт, что поступит, если и дальше будет посвящать все свое время тому, чтобы выслушивать про какие-то дурацкие сны и вникать в подробности того, куда несет чужие мозги какое-то там течение!

Он приехал на дачу утром буднего дня, чтобы наверняка не столкнуться с родителями, которые приезжали в «Москву» только на выходные.

Дверь дачи была открыта, колыхался белый кружевной полог, которым она была занавешена от комаров. На веранде с другой стороны дома играла музыка, слышались голоса и смех. Может, Ирина ушла туда – очень уж безмолвно зиял здесь дверной проем и как-то безжизненно колыхалась занавеска... Алексею стало не по себе. Он взбежал по ступенькам, прошел в дом.

Ирины не было ни в большой общей комнате, ни в кухне, ни в ее спальне, ни в комнате у родителей, куда он на всякий случай тоже заглянул. Конечно, в «Москве» было безопасно в смысле воровства, но все-таки не было принято бросать открытой входную дверь.

На соседской веранде ее тоже не оказалось, хотя к Агнии Львовне как раз приехали из города гости и шла игра в шарады, которую Ирина всегда

любила.

Алексей встревожился так, что у него дрожали колени, когда он шел от дач к мосту, который вел через реку к монастырю и к деревне. Пришлось даже остановиться и мысленно прикрикнуть на себя, чтобы успокоиться. Ну что, в самом деле, могло с ней случиться, да еще средь бела дня? Наверняка сидит в Юрцове у своего влюбленного почтальона, он ведь комнату там ради нее снял.

В каком доме снял комнату приезжий из Москвы, Алексей узнал у первой же женщины, которую встретил на деревенской улице. Женщина оказалась словоохотливой.

– А только съехал уже, – с готовностью сообщила она. – Был да сплыл.

– Куда съехал? – задал не слишком разумный вопрос Алексей.

– Куда не знаю, – хихикнула информаторша, – а с кем – это все знают. С Наташкой-шалавой. Говорят, на БАМ подались.

– На какой еще БАМ? – опешил Алексей. – Нет теперь никакого БАМа!

Существует ли еще Байкало-Амурская магистраль, про которую во времена его детства беспрестанно напоминали газеты и телевидение, он толком не знал. Но какая разница!

– Ну, есть или нету, а Ричард этот Наташку нашу в самую Сибирь повез, – радостно сплетничала женщина.

– Какой – этот? Может, совсем не тот! – еще более глупо воскликнул Алексей.

– Тот, тот. Московский же? В Юрцове только один московский комнату снимал. К нему еще девчонка с «Москвы» все бегала. Молоденькая такая, совсем дитё, только школу кончила. Ирина – знаешь, может? Любовь у них была. Была да сплыла! – весело повторила она. – И то сказать, мимо Наташки мало кто пройдет. Ядреная девка! Ну, Ричард и повелся. Мужики, они ж все кобели, только и знают, что к сучке под хвост заглядывать, а сами...

– Вы ее сегодня не видели? – перебил Алексей.

Слушать рассуждения про Ричарда ему было неинтересно.

– Кого, Наташку?

– Ирину! Которая к Ричарду приходила.

– А!.. Да видала вроде. Ага, точно, была с утра. В комнату к нему зашла, побыла сколько-то – самого его уж не было тогда – и побежала себе.

– Куда побежала?! – рявкнул Алексей.

– Так не знаю... – Женщина наконец испугалась его бешеного лица и голоса. – Вроде к роще побежала, точно, к роще...

Не слыша и не слушая больше ее болтовню, Алексей бросился к

невысокому холму за деревней, на котором сплошь росли светлые березы.

Когда он выезжал из Москвы, сияло солнце, но здесь, в «Москве», погода переменилась совершенно; занятый поисками сестры, Алексей просто не заметил, как это произошло. И вот теперь он поднимался на холм под все нарастающий шум деревьев, такой могучий и зловещий, словно это шумели не тонкие березы с легкими ветками, а огромные кедры в глухой тайге.

Он все ускорял шаг, приближаясь к роще, и между деревьями уже бежал, оглядываясь при этом как-то затравленно.

Сестру он увидел почти сразу – она ни от кого не пряталась. Ее платье ярко белело в яркой же летней траве, и казалось, что это белеет ствол упавшей березы. В том, как Ирина лежала на траве лицом вниз, была такая безжизненность, что Алексея охватил ужас.

– Ира! – Он бросился к ней, упал рядом на колени. – Ты что, Иринка?

Она молчала, не двигалась. Он потряс ее за плечо, перевернул. Глаза у нее были закрыты.

– Ира! – снова позвал Алексей. – Тебе плохо?

Ресницы у нее дрогнули – может, от ветра? Да нет, от ветра не могут дрогнуть ресницы, даже такие длинные, как у нее! Ирина открыла глаза. Взгляд был совершенно ясный, даже слишком ясный – он был наполнен сильнейшим напряжением.

– Его нет, – сказала она.

– Ну нет и нет, – сердито хмыкнул Алексей. – Скатертью дорога!

– Я оказалась ему не нужна. Все это оказалось ему не нужно.

Отчетливость, с которой звучал ее голос, только усиливала жуткое ощущение безжизненности интонаций.

– Ира, – стараясь говорить как можно спокойнее, сказал Алексей, – так бывает, и довольно часто. Жизнь вообще довольно... жесткое событие. Этого не надо бояться.

– Я не боюсь. – Ирина улыбнулась. Улыбка была мертвая. – Она мне просто не нужна. Жизнь.

– Ну, это ты брось. – Нелегко ему давался спокойный тон! – Сто раз еще влюбишься, и это все забудется как плохой сон. Ты так к этому и относись – как к плохому сну.

Он обрадовался точно найденному определению.

– Сон?... – задумчиво проговорила Ирина. – Да, сон... Все ушло. Жизнь ушла. Помнишь, я говорила, что вся на него настроена? Сбилась настройка. Значит, только сон и остался.

Алексей не очень понимал, о чем она говорит.

«Следить за ней пока надо повнимательнее, – подумал он. – Мало ли что ей по глупости в голову придет! Вот время пройдет, и все наладится».

Алексей поднял Ирину с земли – она поддавалась машинально, руки болтались и ноги подгибались, как будто из нее вынули прочный каркас. И когда она шла с ним рядом под гудящими от ветра деревьями, каждый ее шаг говорил об одном: что сил для жизни у нее не осталось.

Алексей ни минуты не сомневался, что это у нее пройдет, и думал даже, что пройдет это гораздо скорее, чем он может рассчитывать. Ведь сестре всего восемнадцать лет. Кто в такие годы станет долго убиваться из-за неудавшейся любви? У нее же вся жизнь впереди!

Забеспокоился он только через несколько месяцев. Да и трудно было не беспокоиться, глядя на Ирину. Нет, она не казалась страдающей – не плакала, не пыталась, не дай бог, покончить с собой. Она просто... растворилась. Да, именно так – растворилась в окружающем мире, как ветерок в огромном надмирном воздухе.

Она прекратила общаться со всеми своими подружками, которых прежде было у нее немало, перестала читать, да что там читать, даже телевизор смотреть перестала – она вообще перестала интересоваться чем бы то ни было в жизни. Возвращаться в город отказалась – можно было бы сказать, что отказалась категорически, если бы такое резкое слово хоть сколько-нибудь было к ней теперь применимо. Нет, она не скандалила, не кричала – просто сидела целыми днями у себя в комнате или на дачной веранде, и даже прогуляться по окрестностям ее было не вытащить.

Конечно, она была больна. Поняв это, родители впали в панику. К Ирине стали приглашать докторов – ездить к ним сама она отказывалась. Знакомств в медицинской среде у родителей было достаточно, и врачи приглашались самые лучшие. Но они лишь высказали то, что и без них было понятно: у девочки тяжелая депрессия, которую надо лечить, причем не только медикаментами.

– Не давайте ей задумываться, – посоветовал один особенно уважаемый профессор. – Ей нельзя погружаться в себя, это для нее губительно.

И родители, которые в связи с дочкиной болезнью вышли на пенсию, и Алексей, насколько хватало времени, делали все, чтобы следовать этому совету. Ирину ни на минуту не оставляли в одиночестве, ее рассеянное внимание пытались привлечь хоть к чему-нибудь, ей взяли милого, смешного щенка лабрадора в надежде, что забота о животном ее увлечет.

Все было напрасно – она жила как во сне. Те странные слова, которые Ирина произнесла в бушующей под ветром березовой роще и на которые Алексей не обратил тогда внимания, оказались единственным точным

определением ее нынешней жизни.

– Алеша, ты не старайся зря, – сказала она однажды, когда Алексей в очередной раз попытался позвать ее в кино – помнишь, как я тебя маленькую в кино водил? – Со мной ничего страшного не происходит. Просто я погрузилась в то, во что не надо человеку погружаться.

– Во что человеку не надо погружаться? – не понял Алексей.

– В любовь, – спокойно, без тени тревоги ответила Ирина. – Наверное, она человеку не нужна. Я этого просто не понимала. А теперь понимаю, и мне легко. Мне очень легко и спокойно. А Касю отдай, пожалуйста, Никитке с пятой дачи. Ему нравятся лабрадоры.

Алексею стало не по себе от этих спокойных слов.

«А ведь она права, – мелькнуло у него в голове. – Она ведь была совершенно нормальная, веселая, живая. Пока... все это с ней не случилось. Эта любовь...»

Он прогнал эту мысль усилием воли. Алексей вообще не любил отвлеченных размышлений – все его представления о жизни складывались как следствие вполне определенных событий. И он был уверен, что такие вот неотвлеченные представления о жизни – самые правильные.

А Иренино состояние со временем сделалось для всех привычным. В конце концов, не таким уж страшным оно было. К тому же удалось подобрать для нее хорошее немецкое лекарство, и она постепенно начала даже интересоваться книгами. Только надо было следить, чтобы она не забывала это лекарство покупать, особенно после того, как один за другим умерли родители и она стала жить на даче одна. Время от времени она, правда, стала выбираться и в город, но никогда там не задерживалась.

Алексей, наоборот, много лет не ездил на дачу: слишком неприятные воспоминания были у него связаны с «Москвой» из-за Ирениной болезни. Но последнее время он стал там бывать и сам теперь привозил сестре лекарство вместе с новыми порциями книг. Книги и сейчас лежали на заднем сиденье его машины, которая медленно двигалась к выезду на Ярославское шоссе.

Он давно привык к Ирениному состоянию. И давно понял, что она права: есть вещи, в которые человек погружаться не должен. Даже прикасаться к ним не должен.

Глава 3

Ирина встретила брата на веранде. То есть она его не встречала вообще, а просто сидела на веранде и читала.

– Алеша! – улыбнулась она, поднимая глаза от книги. – Что же ты не позвонил? Я думала, ты еще в отпуске.

– Вчера вернулся. Ну как ты?

– Как всегда. Погода хорошая, я целыми днями на воздухе.

– Ну и хорошо. Я тебе книжки привез.

– Английские?

– Разные. Возьми там, в машине.

Он мог и сам принести книги в дом, но Ирине необходимо было как можно чаще совершать какие-нибудь направленные усилия.

– Ты побудешь на даче? – спросила она, спускаясь по ступенькам веранды.

– Нет, сегодня в город вернусь. Я уже на работе.

Ирина не спросила, как он отдохнул, где был. Наверное, это должно было бы его обидеть, но не обидело. Алексей привык, что сестра живет в собственном, почти аутичном мире и любые явления внешнего мира ее не интересуют. В том числе и подробности жизни брата.

«А кого они вообще интересуют, эти мои подробности?» – вдруг мелькнуло у него в голове.

Но развивать эту мысль он для себя не стал.

– Пообедай со мной, – сказала Ирина. – Я сварила зеленый борщ. Знаешь, на лугу щавель растет? Вот из него.

– Да, спасибо, – кивнул Алексей. – А сметана есть?

– Я в деревне взяла. У Кати, у которой молоко беру.

Ирина ела как птичка, и покупать продукты в деревенском магазине не составляло для нее труда. В основном она вообще питалась молоком, которое брала у одной из юрцовских хозяек.

Иногда Алексей думал, что такая вот размеренная жизнь самая правильная и есть. Правда, он не завидовал такой жизни, потому что и его собственная жизнь была построена на ровных началах. И его это устраивало. Вполне устраивало!

Англия всегда нравилась Алексею, и он был горд, когда у него появились в этой стране заказчики. Это означало, что его фирма вышла на

высокий уровень доверия, и это радовало само по себе.

Не говоря уже о том, что ему просто нравилось ездить в Лондон. Он даже немного стеснялся этого. Хотя, собственно, чего стесняться? Красивый город, и, главное, отмечен живым разнообразием.

Алексей не мог забыть, как поразил его Баку, куда он приехал однажды в командировку. Он ходил по улицам и долго не мог понять, почему такое унылое впечатление производит на него этот город. И наконец догадался – Баку был однообразен! В нем не было того множества разнорасовых лиц, к которому Алексей привык в Москве, и от этого город был монотонен во всем – в образе жизни, в поведении людей.

А Лондон сразу показался ему близким именно из-за многоликости, которой был отмечен.

И принятый в этом городе – точнее, наверное, во всей Англии – стиль общения, дистантный и доброжелательный одновременно, тоже оказался ему близок.

Особенно этот стиль был заметен в поведении его деловых партнеров, причем не только англичан, но и русских. Собственно, именно с русским эмигрантом Дежнев и наладил свои первые дела в Великобритании.

Правда, Иван Васильев был эмигрантом уже во втором поколении – в Лондоне оказались после Второй мировой войны его родители. Сначала их угнали в Германию из белорусской деревни, потом они попали в концлагерь, потом их освободили войска союзников... Так они стали европейцами, и сын их, родившийся в сорок шестом году в Лондоне, был уже настоящим англичанином, хотя свободно говорил по-русски.

К Ивану Павловичу Васильеву Дежнев и попал на первый свой ужин в английском доме.

Васильев жил в предместье, и, увидев его дом, к которому вела от ворот посыпанная мелким гравием и обсаженная невысокими кустами аллея, Алексей подумал, что хотел бы жить именно так – в таком вот доме в тихом предместье. В этой мысли не было ни тени зависти – у него к тому времени было уже достаточно денег, чтобы купить такой же загородный дом, хоть близ Москвы, хоть близ Лондона.

Так что зависти не было. Но неожиданность в самом этом желании, конечно, была. Алексей родился в мегаполисе, притом таком непросто по всему ритму своей жизни, как Москва, и это его никогда не угнетало. Он не страдал ни от многолюдства, ни от загазованности, ни от жесткости отношений, неизбежных в большом городе... И отчего вдруг вызвал у него такое душевное расположение тихий английский дом, возвышающийся в глубине небольшого старого парка?

Иван Павлович встретил Алексея у входной двери.

– Вы точны, – сказал он, улыбаясь. – Слышали, наверное, что англичане пунктуальны, и решили соответствовать?

– Да нет, – улыбнулся в ответ Алексей. – Просто привык приходить вовремя.

– А у нас вообще-то всякое бывает. Пьют англичане много и начинают с самого утра, так что опоздания случаются. Но в целом, конечно, безалаберности нет. Проходите, Алекс. Вы очень голодны? – спросил он, пропуская гостя перед собою в стеклянную дверь. – Я хотел попросить вас подождать с ужином буквально полчаса. Приедут моя дочь и внучка – они уже в пути.

Конечно, Алексей заверил Васильева, что потерпит с ужином. Да и терпеть не пришлось – не так уж он был голоден, к тому же хозяин развлекал его экскурсией по дому и, главное, по саду, которым занимался сам, и с большим воодушевлением.

Он показывал гостю какие-то особенные кусты, которые выписывал из разных стран, и тюльпаны, за луковицами которых специально ездил каждый год в Голландию, и разные дизайнерские штучки вроде окрашенных бронзовой краской старых башмаков, приспособленных под цветочные горшки – их он купил на недавней садовой выставке в Челси...

Алексей никогда не увлекался садоводческими затеями, но вдохновенный рассказ Васильева увлек его так, что полчаса пролетели незаметно.

– А вот и Елена! – сказал наконец Иван Павлович. – И Лизонька.

По садовой дорожке шла высокая молодая женщина. Она была каким-то удивительным образом похожа на дом Васильева, особенно на ту широкую, хрустящую гравием центральную аллею, которая почему-то так понравилась Алексею в первую же минуту, когда он ее увидел. Сначала он не понял, что общего у этой женщины с гравийной дорожкой, а потом догадался: общим было чувство, которое вызвали у него оба эти явления, аллея и Елена. Они обе были частью какой-то очень красивой в своей простоте и ясности жизни.

Иван Павлович представил гостя. Елена мило улыбнулась, подала руку для рукопожатия. Это показалось Алексею необычным, чтобы женщина подавала руку, но очень ему понравилось: в этом жесте чувствовалась такая же непринужденная красота, как и во всем облике Елены.

Вслед за мамой к гостю подошла Лиза. Она была симпатичная, кудрявая и тоже очень спокойная. Когда прошли в дом и уселись за стол, девочка никого не теребила, не вмешивалась во взрослый разговор и даже ела сама,

хотя на вид ей было всего лет пять.

– Вы надолго в Лондон? – спросила Елена, перекладывая с большого блюда Алексею на тарелку утиную грудку под апельсиновым соусом.

– На неделю, – ответил он. – Дела думаю закончить дня за три и еще несколько дней по Лондону погуляю. Нравится мне ваш город!

– Приятно слышать, – улыбнулась Елена. – Я тоже его люблю. Ведь я в нем родилась.

Она говорила по-русски правильно, без ошибок, но с едва слышным акцентом и с той легкой речевой неточностью, про которую невозможно даже сказать, в чем именно она состоит.

Беседуя с ней, Алексей невольно любовался ее внешностью – правильностью всех ее черт. Эта правильность производила бы, возможно, даже холодное впечатление, если бы не милая улыбка, то и дело освещавшая Еленино лицо. Что скрывается за этой улыбкой, Алексей не понимал. Сердечность? Вряд ли – с чего ей быть особенно сердечной к человеку, которого она видит в первый и, вероятно, в последний раз в жизни? Веселость? Это уж точно нет – тон, которым Елена сопровождала эту свою улыбку, был не то чтобы равнодушный, но ровный и не отмеченный той легкой нервностью, которую содержит в себе веселость, проявляемая в обществе постороннего человека.

«Воспитание, – решил Алексей. – Хорошее воспитание и хорошая порода».

В такой оценке он не почувствовал ничего оскорбительного. Слово «порода» как-то очень подходило ко всему, что он сейчас видел, – и к женщине этой, и к дому.

– Я могла бы показать вам Лондон, – вдруг сказала Елена.

Алексей удивился так, как если бы она предложила слетать с ним на Луну. При одном только взгляде на эту женщину невозможно было предположить, чтобы она стала тратить хотя бы минуту своего времени нерационально. А что рационального могло быть в том, чтобы уделять внимание постороннему человеку?

Но, конечно, он никак не выказал своего удивления.

– Спасибо, – сказал Алексей. – Мне это будет очень приятно. Лиза пойдет гулять с нами? – спросил он, доброжелательно взглянув на ненавязчивую малышку.

– Нет, – покачала головой Елена. – Она быстро устает, поэтому обычно гуляет с няней в парке возле дома. А мы с вами побродим по городу, пообедаем где-нибудь, посидим вечером в пабе. Позвоните мне, когда закончите свои дела.

Этот план Алексею понравился. Тем более что ему нравилась Елена.

Прогулка состоялась через три дня. Елена заехала за ним в отель на машине, но по городу они ходили пешком. То есть не все время пешком – и на знаменитом двухэтажном автобусе покатались, и на катере по Темзе, и метро Елена ему показала. В общем-то, они гуляли по обычному маршруту, но Алексей сразу заметил, что никакой туристической исхоженности, однообразной глянцевоности в этих, каждым путеводителем предлагаемых улицах не чувствуется.

Он не преминул сказать об этом Елене.

– Вы правы. – Она снова улыбнулась своей отстраненно-доброжелательной улыбкой. – Лондон очень живой город. Говорят, что его план напоминает фигуру лежащего юноши с какой-то античной скульптуры, которая хранится в Британском музее.

– Действительно, напоминает, – согласился Алексей.

– Но, впрочем, говорят, что это выдумка и скульптура та не сохранилась.

Она была не только красива, но и неглупа. И легка в общении – когда вечером сидели в пабе, то Алексей убедился, что и разговаривать с ней, и молчать одинаково приятно.

И так же приятно оказалось лежать с ней в постели. Даже просто лежать рядом на прохладных простынях, и тем более обнимать ее, чувствовать все ее красивое тело.

В том, что это произойдет между ними в ближайшее время, Алексей не сомневался. Он не был бабником, но опыт общения с женщинами у него к тридцати годам накопился достаточный. И он быстро понял природу взглядов, которые бросала на него Елена.

Взгляды были оценивающие. Понимание этого могло бы его оскорбить, но не оскорбило нисколько, потому что ему понятна была сама суть ее оценки.

Елена словно бы сравнивала его со своим представлением о мужчине, то есть о том мужчине, с которым ей хотелось бы жить. Алексей видел: она твердо знает, как этот мужчина должен выглядеть, как сидеть за столом в пабе, как идти по улице, как разговаривать по телефону, если ему позвонят во время прогулки с нею... Это представление было у нее очень разумно, а потому совсем не оскорбительно. Собственно, ведь он и сам, еще не отдавая себе в том отчета, взглянул на нее точно таким же оценивающим взглядом – сразу, как только ее увидел.

И когда вечером, остановив машину возле своего дома, Елена предложила ему зайти, он спросил только:

– Мы не помешаем Лизе? Она, наверное, уже спит.

– Лиза сегодня гостит у своего отца, – ответила Елена. – Мы будем одни.

И в этих словах, и в тоне, которым они были произнесены, не было ни тени пошлости. Ей понравился этот мужчина, она знала, что понравилась ему, и она сказала ему об этом прямо и точно, как говорила только что о плане Лондона.

Рациональность была в ней так абсолютна, что сияла как бриллиант. И разве сам он не был рационален, разве не считал это качество одним из необходимейших для жизни?

Грозный шум деревьев вдруг мелькнул в его ушах, и таким же мгновенным промельком пронеслось в памяти лицо сестры, белое среди белых березовых стволов, и прозвучали ее слова: «Человеку не надо погружаться в любовь...»

Алексей вздрогнул и даже головой тряхнул, прогоняя это незваное виденье.

– Спасибо, Елена, – сказал он. – Я буду рад зайти к вам.

В постели она оказалась не просто приятна, но страстна и изобретательна. У нее было гибкое тело, она была раскованна в выборе поз, и удовольствие, которое она ему доставляла, хотелось испытывать снова и снова.

Через полгода Алексей Андреевич Дежнев женился на Елене Ивановне Васильевой. Это был брак из тех, про которые говорят: расчет оказался верным. Конечно, они подписали брачный контракт, но это была скорее дань традиции, чем предосторожность: и средства, и социальное положение у них были примерно одинаковые.

Алексей хотел удочерить Лизу, но Елена сказала, что это не нужно.

– С ее отцом мы расстались – не сошлись характерами. Но он принимает участие в Лизинем воспитании, – объяснила она. – И зачем лишать его такой возможности?

Алексей тоже считал, что делать это незачем. Лиза сразу стала называть его папой; у нее просто сделалось два папы вместо одного, вот и все. Мама объяснила ей, что так бывает, а Алексей к ней искренне привязался. Да и почему было не привязаться к ребенку, тем более к такому милому и необременительному, как эта девочка?

Елена предложила ему перевести бизнес и переехать жить в Англию, но он отказался. Конечно, ее отец мог ему помочь в налаживании деловых связей, да и у самой Елены было крепкое консалтинговое агентство – она получила хорошее экономическое образование. Но Алексей объяснил, что

добьется большего успеха, если останется в России. Вникнув в суть его дел, тесть одобрил его решение, а Елена сказала:

– Тогда, я думаю, тебе стоит сосредоточить свои европейские интересы на Англии. Тем более ты и приезжать к нам в таком случае сможешь почаще.

И улыбнулась своей бриллиантовой улыбкой.

С тех пор прошло пятнадцать лет, а Алексей ни разу не пожалел о том, что женился таким, а не другим образом. Он видел множество браков, в которых муж и жена были изначально влюблены друг в друга, и ни разу не видел брака, в котором эти чувства сохранились бы в первоначальном виде на протяжении хотя бы нескольких лет. Зато браков, в которых безумная любовь перешла в полное равнодушие или даже в жгучую ненависть, – он видел предостаточно.

И о чем же ему было сожалеть?

– Алеша, – сказала Ирина, – ты не помнишь, куда я положила нашу тетрадку с шарадами?

– С чем? – Алексей вздрогнул.

– С шарадами. Помнишь, я когда-то в детстве записывала шарады?

– Помню. – Он удивленно взглянул на сестру. – Только я думал, что ты этого не помнишь.

– Я и не помнила. Но недавно вдруг вспомнилось почему-то. Во мне вообще с недавних пор что-то странное происходит.

– Что странное? – встревожился он. – Плохо себя чувствуешь?

– Нет, – улыбнулась она. – Не волнуйся. Я не чувствую себя плохо. Даже наоборот. Во мне, знаешь, как будто сдвинулось что-то. Вот как весной лед у нас на реке сдвигается. Когда я впервые это почувствовала, то думала, что испугаюсь. Но потом оказалось, что это не пугает нисколько. Наоборот – такая вдруг молодость...

– Так ты и есть молодая, – сказал Алексей. – И чего тут бояться?

– Я и говорю, что не боюсь. Я все время вспоминаю, вспоминаю... Так ясно вспоминаю, Алеша! Все, что в детстве со мной было, – ну, пока я школу не окончила... И так мне от этих воспоминаний легко, так хорошо! Даже непонятно, где они раньше были. – Ирина удивленно пожала плечами. – Вот, про шарады вспомнила. Я ведь их любила, и ты тоже любил. Помнишь, не мог придумать, как показать шараду «мороз крепчал»? – Она улыбнулась. – Ты тогда ужасно злился. Говорил, что самое простое никогда умом не поймает.

– «Мороз крепчал»?.. – переспросил Алексей.

– Ну да. Это на Рождество было. Тогда никто Рождество не праздновал, а мы здесь всегда праздновали, помнишь? У нас елка стояла в большой комнате, и все у нас собирались. И играли в шарады.

– Д-да... – пробормотал Алексей. – Помню... Рождество...

И стоило ему только произнести эти слова, как воспоминание поднялось у него внутри так сильно – к самому сердцу!

Только оно не относилось к тому давнему Рождеству, это воспоминание.

Совсем другое он вспомнил – тропинку, расчищенную в снегу между соснами, и неуклюжую фигуру женщины, которая осторожно идет по этой тропинке, и как она запнулась в снегу и чуть не упала, а потом все-таки удержала равновесие, но пока она взмахивала руками, хватаясь за воздух, он чуть окно не высадил, испугавшись, что она упадет, – он стоял тогда у окна и смотрел, как она идет под соснами, как несет перед собою большой свой живот...

Волна поднялась от сердца выше, к горлу, и Алексей чуть не задохнулся от ее нежданной силы.

– Что с тобой, Алеша? – встревоженно спросила Ирина. – Тебе плохо?

– Плохо? – Он смотрел на сестру, не понимая, о чем она спрашивает, почему звучит в ее голосе тревога. – Да... Нет!

– Ты что-то вспомнил? Что-то очень... сильное?

Иринина чуткость не поддавалась рациональному объяснению. Можно было бы даже испугаться такой ее пронизательности, если бы Алексей мог вообще чего-нибудь бояться.

Он помотал головой, отдышался и спросил почти обычным своим голосом:

– Как у тебя с дровами?

– Тебе холодно? – удивилась Ирина. – Хочешь печку растопить?

– Сейчас нет. Просто спрашиваю. Вдруг у тебя дрова кончились.

Ему хотелось заняться чем-нибудь очень простым. Ему необходимо было сейчас какое-нибудь очень простое занятие! И колка дров подошла бы как нельзя лучше.

В доме давно был оборудован хороший электрообогрев, но печки все равно сохранялись: электричество в любой момент могли отключить неизвестно на сколько, это часто бывало в деревне. Да и Ирина любила смотреть на огонь, а потому топила печи даже летом, если устанавливалась дождливая погода.

– Вообще-то да, колотые дрова закончились, – сказала она. – Только чурбаки остались.

– Пойду поколю, – сказал Алексей.

Большие березовые чурбаки высохли в дровяном сарае так, что от ударов колуна разлетались со звоном.

«В ней нет ничего особенного, – думал Алексей под этот деревянный звон. – Ничего такого, что поражало бы воображение, ничего хотя бы просто приметного. Она молодо выглядит, это от беременности, наверное – кажется, поздняя беременность делает женщину моложе, что-то я такое слышал, если это не очередной миф, конечно, – но вообще-то она не очень молода, и в ней нет поэтому задора – ни во взгляде нет, ни в улыбке...»

Но стоило ему только мысленно произнести эти слова, как он сразу же вспомнил Ренатину летящую улыбку, и сердце у него зашло так, что пришлось даже опереться о колун, чтобы перевести дыхание.

Он вспомнил, как она спала на Ириной кровати, и ее волосы перепутались с разноцветными лоскутками, из которых было сплетено покрывало, а он смотрел на нее и смотрел, и видел все черты ее лица ясно, несмотря на почти полную темноту, и вдруг догадался, что ей холодно, и накрыл ее одеялом. И вот тогда-то она, не просыпаясь, улыбнулась, и это была такая улыбка, что он не выдержал и прикоснулся к ее щеке, как будто хотел эту улыбку удержать, и сразу ему показалось, что под его ладонь попала какая-то редкостная драгоценность, но что же редкостного, самая обыкновенная женщина, не слишком молодая...

Все те же мысли, те же доводы лезли теперь ему в голову, и все так же не имели они никакого значения!

Алексей бросил колун, быстро собрал дрова, сложил их в поленницу.

– Ира, – сказал он, выходя из сарая, – я потом наколю. Я скоро приеду, – торопливо пообещал он.

– Да мне не к спеху дрова, Алеша. – В голосе сестры слышалось изумление. – Ведь лето же. Совсем тепло. Июль...

– Да. Июль, – повторил он. – Три месяца прошло. Три месяца!

Мысль о том, что он три месяца не видел ни волосы эти, легкие пряди вдоль бледных щек, ни глаза, ни улыбку, – мысль эта была для него мучительна. Как могло такое получиться, почему он был так малодушен, почему делал вид, будто не понимает, что с ним происходит, и не позволял себе признаться в том, что определяло его жизнь уже давно, с той самой минуты, когда он увидел Ренату? Необъяснимо!

– Поеду, – сказал Алексей. – Какой же я дурак!

Глава 4

Ренате казалось, что жара установилась везде, на всем земном шаре, и установилась навсегда.

Это было впечатление настолько же навязчивое, насколько и глупое. Достаточно было бы привести самой себе любой сколько-нибудь разумный довод – вроде того, например, что в Африке даже зимой гораздо жарче, чем в Москве летом, – и мысли сразу приобрели бы необходимую здравость. Но все дело было в том, что Рената не находила в себе сил для того, чтобы эти сколько-нибудь разумные доводы приводить.

Да и просто времени она для этого не находила. Маленький мальчик, которого она никак не могла по-настоящему осознать своим сыном, не только требовал всего ее времени без остатка, но требовал его даже больше, чем она могла найти, больше, кажется, чем заключалось в сутках.

Всю жизнь принимая новорожденных, Рената как-то не задумывалась об их дальнейшем существовании. То есть она, конечно, понимала, что младенцы требуют времени, да что там понимала – она сама растила когда-то младенца. Но процесс выращивания ребенка, в том числе собственного, был для нее теперь, оказывается, совершенно отвлеченным – отчасти из-за того, что сама она рожала очень давно, отчасти же из-за того, что новорожденной Ирккой занималась в основном мама, притом занималась так, что Рената этого даже не замечала.

Теперь же она была полностью предоставлена в своих заботах самой себе, и ребенок тоже был предоставлен ей. И самое главное, она все время думала о том, что никому, кроме нее, этот ребенок на всем белом свете не нужен.

Думать об этом было так страшно, что Ренате постоянно хотелось плакать.

Да и не только поэтому ее по сто раз на день бросало в слезы. Все вызывало у нее отчаяние, буквально все! Распространенное представление о том, что поздние роды способствуют омоложению женского организма, оказалось глупейшим мифом. Рената чувствовала себя не то что не омоложенной, но совершенно наоборот – измученной, выжатой до нитки.

Ее то и дело охватывала апатия, ей невыносимо хотелось спать, но стоило только коснуться головой подушки, как немедленно наваливалась бессонница, и драгоценные несколько часов, пока ребенок спал, проходили в каком-то мучительном чаду, после чего Рената вставала не только не

отдохнувшая, но совершенно разбитая.

У нее кружилась голова, гемоглобин не повышался ни от говяжьей печени, ни от специальных лекарств, и когда она изредка смотрела в зеркало, то ужасалась своему виду – какая-то бледная немочь, больше ничего.

И вдобавок ко всему у нее совсем не было молока. Рената несчетное число раз убеждала своих пациенток, что грудное вскармливание – это здоровье их детей на всю будущую жизнь и что добиваться его поэтому надо любой ценой, – и вот теперь оказалось, что сама она ничего подобного добиться не может.

Она пила чай с молоком в таких количествах, что напиток этот, ей казалось, уже выливался у нее из ушей, она принимала таблетки из пчелиного маточкиного молочка – все было напрасно, молока не было, и кормить ребенка приходилось смесями.

Это было, конечно, удобно и не было риска заработать мастит, но когда Рената подходила к кровати с бутылочкой и мальчик при этом начинал радостно дрыгать ножками, – слезы лились у нее из глаз ручьем.

В общем, она жила как в бреду и у нее не было ни сил, ни времени для того, чтобы осмыслить свое состояние. Да и ничего достойного осмысления она в своем состоянии не видела.

В довершение всех напастей мальчика мучили газы, и он плакал от этого целые ночи напролет. Когда ее выписали из роддома в Переславле-Залесском и перевезли в Москву – Ирка специально приехала на неделю из Петербурга, чтобы помочь с переездом, – Рената вызвала к ребенку хорошего педиатра из платной поликлиники на Фрунзенской набережной. Ей порекомендовала именно эту поликлинику и этого врача Валентина Казимировна, у которой она недолго успела поработать в самом начале своей московской жизни. Этот-то педиатр и определил, что у ребенка всего-навсего газы.

Убедившись, что с мальчиком не происходит ничего опасного, Рената, конечно, вздохнула с облегчением. Но долго вздыхать таким образом ей не пришлось, потому что ежедневно в двадцать один ноль-ноль ребенок начинал плакать, да не просто плакать, а кричать благим матом. Его не утешала еда, не успокаивала теплая ванна и качанье у мамы на руках – он кричал и кричал до четырех часов утра. Ровно в четыре он засыпал, но Рената была к этому времени так измучена, что уснуть уже не могла.

Она знала, что месяцам к трем газы должны успокоиться, но этот срок казался ей невыносимо долгим, а главное, она уже не верила, что они вообще хоть когда-нибудь пройдут.

«Надо бросить всю эту дурацкую московскую затею и ехать домой. – Эта мысль все чаще приходила ей в голову. – Там, по крайней мере, друзья. Коллеги. Врачи. И вообще дома стены помогают».

Особой логики в такой мысли, как и во всех других ее теперешних мыслях, не было; хотя бы это Рената понимала.

Не все ли ей равно, далеко друзья или близко – разве они будут возиться с ее ребенком? Она вовсе не собирается им это поручать!

Зачем нужны какие-то особенные врачи, если понятно, что ребенок здоров?

И, главное, каким образом помогут ей тесные домашние стены, в которых окажутся заключены трое маленьких детей и трое взрослых?

Но все это была логика, здравая человеческая логика, а жила Рената сейчас не по логике, а по надорванным, разболтанным своим нервам.

Поэтому, когда ребенок в очередной раз проплакал целую ночь, утром она, едва дождавшись рассвета, оделась сама, одела его в желтый костюмчик, в котором он был похож на цыпленка, и выбежала из квартиры, как будто за ней гнался какой-нибудь безжалостный домовой.

Площадь трех вокзалов выглядела так, словно жизнь здесь не утихала ни днем ни ночью. Было что-то нечеловеческое в ее непрекращающейся суетливости.

Рената вышла из такси – в метро она ехать с ребенком не решилась – и, потуже затянув помочи сумки-кенгурушки, в которой мирно спал у нее на груди заплакавший за ночь мальчик, направилась к зданию Ленинградского вокзала.

«Можно прямо сегодня вечером уехать, – думала она. – Если билеты будут. Ну конечно, будут, отчего им не быть? Надо взять на «Красную стрелу» или на «Невский экспресс», там вагоны комфортные».

– Девушка, идите без очереди, – предложила ей женщина в длинном шелковом плаще, на вид ее ровесница, когда Рената подошла к кассе.

При этом ровесница окинула ее сочувственным и одновременно недоуменным взглядом. Наверное, видок у нее был тот еще!

– Спасибо, – кивнула Рената и пошла к окошку.

– Подождите, почему это без очереди? – услышала она.

У самого окошка стоял мужчина respectableй наружности – вероятно, командированный, ну да, именно командированные ездят из Москвы в Петербург с такими элегантными плоскими кейсами, в которых помещаются только бритвенный прибор, смена белья и папка с документами.

Несмотря на respectableность, вид у этого мужчины был неприятный

– возможно, из-за геля, которым были густо намазаны его черные волосы. Судя по редкости этих волос, гель был нужен в основном для того, чтобы маскировать намечающуюся лысину. Мужчины, стесняющиеся своей лысины, всегда вызывали у Ренаты снисходительное сочувствие. Сейчас, правда, ничего похожего на чувства она испытывать вообще не могла, и сочувствие ей тоже было поэтому недоступно.

– Почему вы решаете за других? – повторил мужчина, переводя неприязненный взгляд с Ренаты на женщину в шелковом плаще. – Пропустите ее перед собой, если вы не спешите, а я именно спешу. И никого пропускать не обязан.

– Не волнуйтесь, – сказала Рената, окидывая его взглядом, в котором не могла скрыть презрения. – Перед вами я не встану.

– Ну вот и... – начал было мужчина. И вдруг застыл, как будто в него ударила молния. – Рената?.. – пробормотал он. – Это вы... ты?..

Она смотрела на него, узнавая и не узнавая одновременно. Он изменился разительно. И все-таки что-то давнее, невыразимо знакомое осталось в нем неизменным.

– Коля? – проговорила Рената. – Я тебя не узнала... Сразу не узнала, – добавила она. – А, в общем, ты мало изменился.

– Это ты зря, – усмехнулся он. – Я ведь не женщина, в комплиментах не нуждаюсь. Полысел, располнел. Вот ты не изменилась точно, это не в порядке комплимента. Кто это у тебя в сумке, внук?

Он взглянул на ребенка, тихо сопящего в кенгурушке. Умиления во взгляде не мелькнуло. Но и то сказать, почему он должен умиляться при взгляде на чужого ребенка? Возраст уже не тот.

– Это сын, – сказала Рената.

– Сын?! – изумился Коля. – Смелая ты женщина. Хотя, говорят, некоторым мужьям на старости лет хочется с малыми возиться. По мне, так при таком желании внуки – идеальный вариант. Возись сколько хочешь, но в принципе у них родители имеются, нет уже, значит, на тебе лишней ответственности.

– Внуки у меня тоже есть, – улыбнулась Рената. – Они в Петербурге.

– А сама ты не в Питере живешь, что ли? – удивился Коля.

– Мужчина, вы билет будете брать? – донесся из динамика сердитый голос кассирши.

– Проходи. – Коля поспешно отошел от окошка, освобождая место для Ренаты. – Извини, сразу тебя не узнал.

– Бери лучше ты, – отказалась она. – Я... потом.

– Тогда подожди минутку, – сказал Коля. – Хоть посидим где-нибудь,

расскажешь, как ты живешь.

Нельзя сказать, чтобы Рената очень стремилась сообщить ему подробности своей жизни, но поговорить все-таки хотелось. Даже не именно с ним, а хоть с кем-нибудь: течение ее дней было теперь так однообразно и замкнуто, что иногда ей казалось, будто у нее онемел язык.

– Сегодня уезжаешь? – спросила она, когда Коля отошел от кассы.

– Да. На конференции был по урологии. А ты что здесь делаешь?

– Я здесь живу.

– Замуж, что ли, в Москву вышла?

– Нет. Я не замужем.

– Ничего себе! – хмыкнул Коля. – В сорок лет не замужем младенца заиметь... У тебя же вроде дочка уже взрослая?

– Да.

По осторожной интонации, с которой он спросил про дочку, Рената догадалась, что в свое время он испытывал какие-то опасения в связи с Иркиным рождением. Точно с такими же интонациями спрашивал у нее когда-то о том, кто является отцом ее ребенка, и Павел Сквородников. Как же давно все это было и каким неважным казалось теперь!

На улице стояла жара, а в здании вокзала было прохладно, и у самого выхода работало кафе. Они сели за столик.

– Смотри ты, как крепко спит. – Коля кивнул на мальчика – видно, поспешил перевести разговор с прошлого на настоящее. – Прямо цыганский ребенок. Как его зовут?

– Винсент.

– Ничего себе имечко! Ну да это у вас семейная традиция.

– Какая традиция? – не поняла Рената.

– Да экзотика всякая. Рената Флори... Мне, помню, когда-то очень твое имя понравилось. Изысканным показалось, аристократичным. Да и сама ты чистая аристократка была. И не только тогда была. – Он окинул ее быстрым взглядом, оценивающим и равнодушным одновременно. – Говорю же, ты совсем не изменилась. Как законсервированная.

– Спасибо! – засмеялась Рената.

– И не только внешне, – добавил Коля. – Эта твоя экстравагантность... Как была, так и осталась.

– Моя экстравагантность?

Если бы он сказал, что ей присуща потребность ходить на руках, она удивилась бы меньше.

– Ну да, – кивнул он. – Тебе же и тогда обязательно что-то такое необыкновенное было нужно. Просто пожениться – это тебе скучно

показалось.

– Мне – скучно?

Рената открывала рот, как рыба. От изумления она не могла произнести ни одного внятного слова, только повторяла окончания его фраз.

Вся собственная жизнь во всем ее однообразном течении представилась ей мгновенной картинкой. Больница, метро, киоск со свежими булочками возле дома, квартира в Озерках, одиночество... Какой угодно можно было назвать ее жизнь, только не экзотической, не экстравагантной!

– Рената, Рената!.. – покачал головой Коля. – Нельзя не признавать очевидного. Ты же и сейчас производишь необычное, скажем так, впечатление. – Он снова окинул ее быстрым взглядом. – Сорок лет, не замужем, второго ребенка родила... Назвала его так, что, извини, не сразу и выговоришь. Живешь при этом почему-то не дома, а в Москве. Скажешь, все это стандартные обстоятельства среднестатистической российской женщины?

– Не знаю, Коля. – Рената наконец пришла в себя. – Я всегда казалась себе вот именно самой что ни на есть стандартной женщиной. Просто... Просто так вдруг сложились обстоятельства.

– Вдруг и просто так ничего не происходит. Ну, это, в конце концов, не мое дело.

При этой последней фразе в его голосе прозвучало облегчение. Наверное, он все-таки боялся, что несостоявшаяся невеста сообщит ему какую-нибудь излишнюю информацию из их общего прошлого.

«Какой мудрой женщиной была моя мама! – насмешливо подумала Рената. – Что, если бы я ее тогда не послушалась и рассказала ему, от кого у меня дочь?»

Она представила, что в этом случае вся ее жизнь могла бы оказаться хоть каким-нибудь образом связана с этим человеком – с этими его напыженными волосами, скрывающими лысину, с возмущением от того, что приходится пропускать без очереди женщину с ребенком... Какое счастье, что бог миловал!

– Я пойду, – сказала Рената. – Ребенок скоро проснется.

– У меня через час поезд, – торопливо доложил Коля.

– Меня не надо провожать, – улыбнулась Рената. – Я возьму такси.

Только на площади, уже у стоянки такси, она вспомнила, что даже не расспросила Колю о его нынешней жизни. Все-таки давний знакомый, неловко быть такой безразличной.

Но, в общем, даже и неловкости она, честно говоря, не испытывала. А уж интереса к жизни совершенно постороннего ей человека не испытывала

тем более. Ничем он ее не задел, неожиданно возникнув в нервном течении дней. Разве что словами об экстравагантности, которая ей якобы присуща. Но даже и над этим неожиданным заявлением ей сейчас не хотелось задумываться.

Ничто не могло нарушить тягостную растерянность, в которой она находилась. Ничто и никто. Что ж, значит, надо было просто жить. Всегда ее поведение определялось ответственностью, и не стоило на склоне лет искать каких-нибудь других мотивов для жизни. Поманила любовь, ударила в сердце боль – и прошли они обе, исчезли.

Оставалось лишь делать что должно и не ожидать от жизни того, чего никогда в ней не будет.

Глава 5

«Все-таки у него были родные. Мать, брат. Неизвестно, как они отнесутся к такому известию, но сообщить им о ребенке надо. Это просто не по-человечески, им не сообщить!»

Впервые за все время после рождения сына Рената подумала о родственниках его отца. Все-таки от встречи с Колей вышла польза: ее душевный раздрызг не прошел, но ум встал на место. Или хотя бы сдвинулся в нужном направлении. Может быть, отчасти это произошло и потому, что мальчику исполнилось два месяца, животик перестал его беспокоить, и он наконец начал спать ночами.

И вот проясняющимся своим умом Рената поняла, что не сообщить матери Винсента о рождении внука – это в высшей степени непорядочно с ее стороны.

Адреса ее она, правда, не знала, но голландский адрес Винсента был ей известен: он был указан в завещании на московскую квартиру. И Рената написала по этому адресу на следующий же день после той встречи с Колей, которая таким неожиданным образом прояснила ее сознание.

Ответа она, правда, особенно не ожидала. Скорее всего, Винсент жил отдельно от матери, ведь в Европе не принято, чтобы взрослые дети жили с родителями. Может быть, квартира, по адресу которой Рената написала, давно продана. Может быть, проходящие по этому адресу письма никому не передаются. А может быть, ее просто сочтут авантюристкой, которая пытается предъявить незнакомым людям какие-то претензии. Экстравагантные претензии! Это было бы неприятно, но Рената вполне допускала такую возможность.

Поэтому, отправив в Амстердам письмо, она сразу же и забыла о нем думать. Тем более что забот у нее хватало и без посторонних размышлений, и тревог хватало тоже.

Главная ее тревога состояла в том, что она сначала понимала лишь смутно, а теперь наконец осознала отчетливо: она никак не могла привыкнуть, приладиться душою к своему ребенку.

Это было такое странное, такое мучительное ощущение! Мальчик был чудесный – улыбчивый и милый. К тому же он был очень похож на своего отца: те же янтарные глаза и даже улыбка, еще совсем младенческая, выглядела точно такой же серьезной. Как поразило ее когда-то это золотое сияние в глазах Винсента, эта его улыбка!.. Они и теперь светили ей

откуда-то из невысказанного отдаленья и уже не ранили сердце, а только касались его чистыми лучами.

Но ощущение отдельности от своего ребенка у нее не проходило. И из-за этого Рената постоянно находилась в состоянии растерянности, которая в любую минуту готова была перерасти в панику.

В бытовом отношении, правда, она наконец привела их с мальчиком жизнь в размеренный порядок. Они вовремя ложились спать и просыпались, вовремя ели и гуляли... Но Ренатин душевный раздрызг не проходил от этого нисколько; ей ни на минуту не удавалось об этом своем раздрызге забыть.

Вот она шла теперь под кружевными кронами летних лип Братцевского парка, легкие тени листьев трепетали у нее под ногами и под колесами коляски, в которой спал ее ребенок, и все это должно было вносить в ее душу покой... Но покоя в ее душе не было.

Рената свернула в боковую аллею и вкатила коляску под купол ротонды. С тех пор как она впервые здесь сидела – это было в день знакомства с Тиной, – ротонда обветшала еще больше. Но в такой ее обветшалости была особенная, живая прелесть.

Рената села на каменную скамейку, закрыла глаза. От того, что видимый, внешний мир при этом исчез, растерянность ее стала еще сильнее, и уныние охватило ее совершенно.

«Я никогда из этого не выпутаюсь, – подумала она. – Это уже навсегда. Как же я мальчика смогу вырастить?»

– Все-таки романтичность способствует глупости, – услышала она. – Мамаша, вам не кажется, что это сооружение вот-вот обвалится вам на голову? И вашему ребенку заодно.

Рената открыла глаза. Но еще раньше, чем она увидела человека, который все это произнес, ее охватило такое счастье, что она чуть не захлебнулась им, как слишком большим глотком воды.

– Алексей Андреевич! – воскликнула она. – Господи боже мой!

– Вы преувеличиваете, – сказал он. – Ничего божественного во мне нет.

Рената рассмеялась. Потом зажмурилась, потрясла головой. Потом открыла глаза.

– Просто мне не верится, что я вас вижу, – сказала она.

– Почему же не верится?

– Потому что это... Это так хорошо – вас видеть!

– Странные все-таки реакции у молодых матерей, – пожал плечами Дежнев. – Как-то чересчур экзальтированно воспринимают самые обыкновенные явления.

– Я хотела вам позвонить.

– Ну и позвонили бы. Чего проще?

Это в самом деле было бы несложно, и телефон можно было узнать через Агнию Львовну у Ирины.

– Я не хотела вас беспокоить, – сказала Рената.

Это было именно так. Ну как воспринял бы ее звонок мужчина, которому пришлось принимать у нее роды? Как навязчивое продолжение каких-то чрезмерно близких отношений. Нетрудно было представить, каково далась ему медицинская процедура, в которую он так неожиданно оказался вовлечен! И еще проще было представить, какие ощущения должна вызывать у него после такой, мягко говоря, неприятной процедуры женщина, которая его во все это втянула. И вдруг – здрасте, эта дама стала бы еще и звонить, сообщать, например, о своем самочувствии!

Представив себе все это, Рената поежилась.

– Решили, что вызываете у меня физическое отвращение? – немедленно спросил Дежнев.

Он видел ее насквозь! Не очень это было приятно. И к тому же он не стеснялся сразу же называть вслух то, что видел.

– Н-ну... – отводя взгляд, пробормотала Рената.

– Напрасно решили. Я люблю приобретать новые навыки. А принимать роды – это оказалось навыком, безусловно, новым.

– Экстравагантным? – усмехнулась Рената.

– Да нет, – пожал плечами Дежнев. – Просто неожиданным. А почему вы так спросили?

– Я недавно встретила мужчину, которого не видела двадцать с лишним лет, – сказала Рената. – Он отец моей старшей дочери.

– Да? – безразлично-вежливым тоном произнес Дежнев.

– Да. Но он об этом не знает. Когда-то обстоятельства сложились так, что я не стала ему сообщать. А теперь уже глупо это делать, по-моему. Да он и не поверит.

– А о рождении вашего младшего сына вы его отцу сообщили? – поинтересовался Дежнев.

– Он умер. Он не знал, что я жду ребенка. Когда он умер, я еще и сама об этом не знала.

– Извините.

– Ничего. А про Винсента я сообщила теперь его матери. То есть бабушке.

– Вы сына Винсентом назвали?

Он спросил об этом без тени удивления. Просто поинтересовался, как

зовут ребенка.

– Да. Его отца тоже так звали. Он был голландец. Я написала его матери в Амстердам, что родила.

– Так почему вы спросили про экстравагантность? – напомнил Дежнев.

– Да!.. У меня, знаете, сознание какое-то... разрозненное стало после родов, – извиняющимся тоном сказала Рената. – От гормональной бури в организме, видимо.

– Вы начинаете правильно мыслить, – одобрил он. – Про гормональную бурю в организме. По крайней мере, не утверждаете, что великая буря чувств происходит у вас в сердце.

– Ну вот, этот мой давний жених, то есть отец моей дочери, он и сказал, что я экстравагантная. И имя мое, и вообще...

– Имя как имя. А что – вообще?

– Образ жизни. Но это же совершенно не так! Просто он дважды застал меня в такие моменты, когда я жила совсем иначе, чем всегда. А так – ведь моя жизнь вся была до одури обыкновенная.

– Работа – дом – работа?

– Да. Дочка рано вышла замуж, у нее стала своя жизнь, совсем отдельная. А моя пошла настолько по-заведенному, что экстравагантность – последняя характеристика, которую ей можно дать.

– Винсент проснулся, – сказал Дежнев. – Как вы его, кстати, уменьшительно называете?

– Я не знаю, – грустно сказала Рената. – Мне как-то ничего в голову не приходит.

– А что вы так расстраиваетесь? – удивился Дежнев. – Не вижу причин. Называйте хоть Венькой, например. Смотрите-ка, не ревет, – заметил он. – Я-то помню, какой у него голосище. Как у Шаляпина.

Винсент в самом деле проснулся и в самом деле не плакал, а рассматривал наклонившегося над коляской Алексея Андреевича светящимися карими глазами. Наверное, он остался доволен увиденным, потому что улыбнулся Дежневу своей серьезной улыбкой.

– Он вообще спокойный, – сказала Рената. – Серьезный, очень доброжелательный ребенок.

– Да, это я заметил. – Дежнев закашлялся. Голос его от этого прозвучал как-то глухо. – Улыбается... – Он взглянул на Ренату. – А вас что-то тревожит. Что?

Он спросил так, словно она обязана была ответить. Как ученица на уроке, честное слово! Даже смешно.

Но самое смешное состояло в том, что Рената и в самом деле послушно

ему ответила.

– Я растерялась, – сказала она. – Я как-то... не понимаю, что со мной происходит. С нами происходит. – Она кивнула на ребенка. – Как мне с ним быть, не понимаю.

Он слушал ее сбивчивую речь и смотрел на нее, как... Она не понимала, как он на нее смотрит.

– Вы устали, – сказал он наконец. – Опять вы ищете каких-то дурацких возвышенных причин! А на самом деле вы просто устали. Вам надо отдохнуть, и вы сразу поймете, что навывдумывали себе черт знает что. Возьмите няню, вот и все. Хотя бы на пару часов в день. Деньги я могу вам одолжить.

– Деньги у меня есть, – задумчиво проговорила Рената. – Но про няню я как-то не думала. И не замечаю я, что устала.

– Конечно, не замечаете. Потому что усталость сидит в вас слишком глубоко. Неужели вы не знали, что так бывает? Это с любым человеком может произойти, необязательно после родов, и ничего в этом нет особенного. А вас, значит, считают экстравагантной? – усмехнулся он.

Рената достала из кармана коляски бутылочку с чаем и стала поить ребенка.

– Выходит, что так, – не глядя на Дежнева, кивнула она. – Я об этом как-то не задумывалась, но вот если задуматься, то в посторонних глазах я в самом деле должна сейчас выглядеть странной.

– В нашем возрасте глупо придавать значение посторонним глазам.

– А вы? Вы разве не считаете меня экстравагантной?

– Не считаю.

– Почему?

– Видимо, потому что я не знал вас на протяжении тех лет, которые вы называете до одури обыкновенными.

Напившись чаю, Винсент принялся разглядывать листья у себя над головой. Рената повернулась к Дежневу. Он смотрел на нее тем внимательным взглядом, который она так запомнила. И который вспоминала все это время.

«Как же я не понимала, что все время его вспоминаю?» – недоуменно подумала она.

– Вы думаете, я переменилась? – спросила Рената.

«Зачем я его об этом спрашиваю? – мелькнуло у нее в голове. – Кто сказал, что он вообще должен об этом думать?»

– Почему бы и нет? – пожал плечами Дежнев. Голос его прозвучал так невозмутимо, словно он вот именно думал об этом постоянно и потому

нисколько не затруднился с ответом. – Наивно считать, что все перемены происходят в молодости. С возрастом их, может, случается не так много, но они куда более разительны. До неузнаваемости, – задумчиво добавил он.

Что означали его слова, вот эти, про неузнаваемость, Рената не поняла. Ей показалось, что он относит их не к ней, а к себе самому.

Винсенту надоело разглядывать листья. Он сморщил нос, собираясь заплакать. Рената сунула ему в рот пустышку и покачала коляску.

– А как вы меня нашли? – вдруг сообразила она.

– Позвонил Виталику Мостовому, узнал ваш адрес. Позвонил в вашу дверь и понял, что вас нет дома. Ну а догадаться, что в жаркий летний день вы гуляете с ребенком в ближайшем парке, не составляет большого труда. Никакой сердечной интуиции для этого не надо. Достаточно обычной логики.

Эти слова – про отсутствие сердечной интуиции – почему-то ее задели. И тон, которым они были произнесены, тоже. Хотя это был его обычный холодноватый тон.

– Может, мне его на руки взять? – вдруг спросил Дежнев. – По-моему, он собирается зареветь.

Ей казалось, что он не смотрит в сторону ребенка. Но, оказывается, и смотрел, и замечал, что тот собирается делать.

– Пожалуйста, – пожала плечами Рената. – Возьмите, если хотите. Он в подгузнике.

Алексей Андреевич взял Винсента на руки ровно в ту минуту, когда он выплюнул соску и открыл рот для решительного крика. Оказавшись у Дежнева на руках, кричать он, правда, передумал.

– Странно, что он плачет. Есть ему еще вроде бы рано, – сказала Рената.

– Скучно ему стало лежать, вот и решил заплакать.

На губах Алексея Андреевича мелькнула улыбка – неуловимая, не меняющая его лица.

– Но он никогда раньше не скучал, – упрямо возразила Рената.

– Раньше не скучал, а теперь стал скучать. Если уж наши с вами жизненные потребности меняются, то его тем более.

Дежнев держал ребенка не так, как обычно держат мужчины – никакой опаски или хотя бы неловкости в его движениях не было. Рената вспомнила, что и тогда, во время ее родов, он не выказывал страха. Только руки у него немного дрожали, когда ребенок выпал ему на ладони.

От этого воспоминания, такого неловкого и так некстати пришедшего, она покраснела и рассердилась.

– У вас есть дети? – спросила Рената.

– Есть. Дочь.

– Большая?

– Взрослая.

Это и без вопросов было понятно, что у него есть семья. Он не производил впечатления мужчины, который на пятом десятке живет в одиночестве. Вот в нем-то точно не было ничего такого... Экстравагантного!

– Нам пора домой, Алексей Андреевич, – сказала Рената. Дежнев внимательно посмотрел на нее. Ей показалось, что разлет его бровей стал еще резче, чем прежде. – Нам с Винсентом.

– Проводить вас?

– Да нет, не надо. Вы ведь, наверное, машину рядом с парком оставили?

– Да.

– Ну и зачем же вам ходить туда-сюда? Спасибо, что навестили.

Дежнев положил ребенка в коляску. Тот сразу же возмущенно заплакал.

– Все-таки он, наверное, есть захотел, – сказала Рената. – Пора ему уже овощи давать. Он ведь искусственник, им можно пораньше. До свидания, Алексей Андреевич.

– До свидания.

Его прощанье она услышала уже на ходу. Не оборачиваясь, Рената торопливо шла по аллее к выходу из парка. Слезы подступали у нее к глазам, хлюпали в горле.

«Дурацкая гормональная перестройка! – думала она. – Слезы эти дурацкие! С чего вдруг? О чем мне плакать? Все так, как и должно быть».

Глава 6

Он не ожидал, что ребенок произведет на него такое впечатление.

Это даже впечатлением нельзя было назвать – когда этот мальчик, несмышленный младенец, взглянул на него светящимися изнутри глазами, Алексей почувствовал себя так, словно его поразила молния. Хотя в глазах ребенка не было ничего разительного. Наоборот, они сияли тихой и, как показалось Алексею, совсем какой-то не детской нежностью.

Понятно было, что у него уже сейчас есть своя, очень сложная жизнь. Это понимание почему-то вызвало у Алексея тревогу и душевный трепет.

Это так удивило его, что он даже отвлекся от Ренаты. Хотя в ту минуту, когда он ее увидел, ему словно вина в горло плеснули, да еще на голодный желудок. Глупо, конечно, что ему приходили в голову только такие вот физиологические сравнения, но что делать, если его ощущения в точности соответствовали тому, что происходит с человеком, который хлебнул натошак крепкого вина? Или даже водки. Голова у Алексея закружилась, дыхание занялось. Он смотрел на Ренату и не понимал, что с ним.

Глаза у нее были особенные – дымчатые почему-то. Тогда, в «Москве», он не сумел понять, от чего этот необыкновенный тон, а теперь наконец понял: из-за очень густых темных ресниц.

Это открытие показалось ему таким большим и важным, что он не мог от него опомниться. Так и смотрел в ее светлые дымчатые глаза, в которых сияла радость.

О чем они при этом разговаривали, Алексей не понимал тоже. Она что-то говорила, он что-то говорил. Он говорил наверняка не то, что хотел сказать, для чего к ней спешил, разыскивал ее в Братцевском парке.

А тут еще ребенок проснулся и взглянул на него вот так вот... Серьезно, доверчиво. Жизнь можно было отдать за оба эти взгляда, ее дымчатый и его янтарный!

Конечно, он говорил что-то не то. Что-то холодное, циничное, может быть, – говорил, как привык за всю свою жизнь. Вся жизнь его выстроилась так, что ничего другого в ней быть не могло. Или он сам так свою жизнь выстроил?

И конечно, она ушла. Это не могло быть иначе. Алексей смотрел, как она идет по аллее в ореоле летнего света, и ему казалось, что жизнь его кончена.

Но жизнь его все-таки продолжалась.

На работе за время его отпуска накопились дела, которые не могли войти в правильное русло без его участия, и он направлял дела; это было ему привычно.

Один раз он даже встретился после работы с приятелями, но больше встречаться не стал. Не только настроения на это не было, но казалась странной сама мысль о том, что придется разговаривать с какими-то чужими людьми. О чем разговаривать, зачем?

Единственный был на свете человек, с которым он хотел разговаривать, и все равно о чем. Только не нужен он был этому единственному человеку.

Но когда приехала Елена, то разговаривать с ней все-таки пришлось, конечно. И на вечеринку какую-то пришлось пойти: ее пригласили в ресторан деловые партнеры и, как обычно, с мужем.

– Ты здоров? – спросила Елена, когда они возвращались с этой вечеринки домой.

В ресторан поехали на такси, чтобы можно было не стеснять себя в выпивке, и обратно тоже. Может, этого и не надо было: Алексей почти не пил.

По дороге домой он сел рядом с водителем, а Елена сзади. Хорошо, что она не видела его лица, когда он отвечал на ее вопрос.

– Здоров, – ответил он. – А почему ты спрашиваешь?

– У тебя странный вид.

– В чем странность?

В чем состоит странность его вида, он понимал и сам и, переспрашивая, просто поддерживал разговор.

«Нам приходится поддерживать разговор, – холодно, как не о себе и не о своей жене, подумал он при этом. – Сам собою наш разговор сойдет на нет или вообще не начнется».

– Ты весь вечер смотрел на всех отрешенно. Как будто для тебя не имеют значения дела, о которых мы говорили.

«Они действительно не имеют для меня значения», – хотел сказать Алексей.

Но не сказал, конечно. Дела эти должны были иметь для него значение, потому что касались возможных заказов его фирме, и выгодных заказов.

И вообще – то, что не имело для него теперь значения, было более глобальным, чем любые дела.

Вся его жизнь вдруг представилась ему пустыней. Именно так – пустыней. В таких вот возвышенных, никогда ему до сих пор не свойственных словах.

Алексей вдруг подумал, что все, что он прежде делал в жизни, он делал

только из страха. Его пугало то, что не поддавалось холодному уму, – все это зыбкое, непонятное, неуловимое он старательно из своей жизни исключал.

И самой странной, самой неуловимой субстанцией была, конечно, любовь. Это было что-то такое, на чем невозможно построить жизнь. А если любовь кончится? Ведь никто не знает, почему она приходит и почему кончается. И что делать, если это произойдет?

– Почему ты молчишь, Алекс? – спросила Елена.

Любовь к ней кончиться не могла, потому что никогда не начиналась. К какой банальности свелась его жизнь! Свелась... Сам он свел свою жизнь к совершенной пошлости. Как будто песенку незамысловатую спел – два притопа, три прихлопа.

– Действительно, не очень хорошо себя чувствую. Голова болит, – наконец смог произнести Алексей. – У тебя есть обратный билет?

Этого, наверное, лучше было не спрашивать: голос мог выдать его нетерпение. Но он не удержался и спросил. Ему просто надо было знать, сколько еще времени она пробудет в Москве, чтобы распределить свое терпение на весь этот срок.

– Я улетаю завтра, – ответила Елена.

Ее голос как раз-таки был совершенно спокоен. Она всегда владела собой в полной мере. Или скорее в самом деле не видела причин для беспокойства.

Алексей судорожно сглотнул слюну. То, что он живет с совершенно чужим, во всем ему посторонним человеком, вдруг представилось ему таким странным, даже диким, что горло у него сжало спазмами. Он был женат семнадцать лет, но сейчас ему показалось, что эта странность заняла не какие-то отдельные годы, а всю его жизнь, и он не мог понять, как такое могло с ним случиться, чтобы целая огромная жизнь, подаренная ему неизвестным даром, была им растрочена так бессмысленно, так жалко.

«Это от молодости со мной случилось, – вдруг понял Алексей. – От молодости, от самонадеянности».

Мысль была странная, но он чувствовал ее изумляющую точность – только сейчас он смог ее почувствовать.

Его житейская рассудительность в самом деле была неотъемлемой чертой молодости. Перед ним лежала тогда долгая жизнь, которую он не хотел, не мог позволить себе проиграть, и он инстинктивно, как животное ищет надежное логово, искал способ эту свою долгую жизнь правильно устроить. Какая глупость! Только в молодости можно думать, что удастся обмануть жизнь, взять ее в свои руки. А потом вдруг женщина посмотрит

на тебя дымчатыми глазами, вся в ореоле летнего света, и ты понимаешь, что не знал счастья. И главное, понимаешь, что твое пренебрежение самим понятием счастья, твой страх перед его непредсказуемостью – все это было постыдной и страшной ошибкой. Которую надо исправить. Но исправить ее уже невозможно, потому что жизнь твоя, конечно, еще длится, но лучшая ее часть – та, что отведена была сильным чувствам, – прошла, и прошла впустую.

– Ты слышишь, Алекс? – сказала Елена. – Я думаю, ей не стоит ехать в Австралию.

– Кому?

Алексей вздрогнул. Ее голос, всегда казавшийся ему таким мелодичным, да и был он мелодичным, – прозвучал сейчас как визг разорвавшейся скрипичной струны.

– Да Лизе же. Если Бобби считает, что его карьера лучше пойдет там, то это не относится к ее карьере.

– Бобби едет в Австралию?

Алексей спросил об этом машинально; он на минуту забыл даже, кто такой Бобби. Ах да, жених его дочери. Девочки, которую он много лет называл своей дочерью, потому что так положено среди порядочных людей: если ты женился на женщине с ребенком, то этот ребенок должен стать тебе близким.

Он вспомнил серьезный взгляд из коляски, и сердце его занялось от счастья. Наверное, он виноват перед Лизой: ничего подобного по отношению к ней он не чувствовал никогда.

Он подумал, что виноват перед ней, но вина его перед самим собой была так велика и он ощущал ее так сильно, так мучительно, что никакая другая вина не казалась ему сейчас значительной.

– Да, ему предлагают контракт, – сказала Елена. – И он зовет Лизу с собой. Но ее перспективы в Австралии не кажутся ей серьезными. Я думаю, она откажется.

– Да, наверное, – машинально кивнул Алексей.

Мысль о том, что все вот это – вся эта рассчитанная, выверенная жизнь – является и его жизнью, пронзало ему мозг, как раскаленная спица.

И, главное, ничего уже нельзя изменить. Все в нем кончено. Упущено время! Он сам его упустил.

Глава 7

Город расстилался внизу таким сложным полотном, что Рената не могла понять его замысловатый узор.

Три главных амстердамских канала соединялись короткими улочками. Судя по их названиям, в этой части города когда-то жили меховщики и скорняки: улица Рестрат – это означало улица Косули, Хартенстрат – Оленя, Беренстрат – Медведя. Была и Волчья улица, и Кожевенная, а улица Рунстрат получила название от какой-то особенной коры, которая использовалась для дубления кож.

Все это Мария рассказывала Ренате, когда они отправились гулять по той части города, где стоял дом Ван Бастенов. Рената понимала ее рассказ с пятого на десятое: по-английски они обе изъяснялись с трудом. Мария-то просто в силу своего возраста – во времена ее молодости у голландцев не очень было принято учить иностранные языки. А вот Рената чувствовала себя со своим примитивным английским неловко.

Теперь, конечно, скорняки и меховщики здесь не селились. Эта часть Амстердама называлась Золотой излучиной, потому что в ней находились самые дорогие и роскошные дома.

Они шли мимо Королевского дворца, мимо здания с башней, похожей на минарет, – когда-то здесь был Главпочтамт, а теперь располагался дорогой торговый центр с атриумом. А справа от них, у канала Херенграхт, остался дом, который показался Ренате едва ли не красивее, чем даже Королевский дворец.

Они прошли под аркадой, миновали здание Театрального общества, Музей Библии... В Музей Библии Рената с удовольствием зашла бы, но коляска так мерно покачивалась на камнях мостовой и Винсент так сладко в ней спал, что жаль было его будить.

– Давай посидим там.

Мария указала на крышу высокого старинного здания, в котором находился универмаг. На его фасаде значилась цифра «1740» – наверное, это был год строительства. В витрине внизу была выставлена мебель, очень современная, явно очень дорогая и ультрамодная.

– Маленький не проснется, – сказала Мария. – Не беспокойся. Там кафе. Мы посидим, и ты посмотришь на город сверху.

И вот они сидели теперь в этом кафе на крыше, пили кофе и чувствовали себя легко, несмотря на то что молчали. Во всяком случае,

Рената чувствовала себя именно так – ей было легко с этой суровой на вид старой женщиной с простым, изборожденным морщинами лицом.

Винсент совсем не был похож на свою маму. Тонкость черт, трепетность взгляда и облика – всего этого у Марии не было. Но нежность, с которой она смотрела на ребенка, и доброжелательность, с которой сразу отнеслась к Ренате, были неподдельны, и это было очень много.

– Ты устала? – спросила Мария.

– Нет, – покачала головой Рената. – Мне очень хорошо у вас.

– Почему ты не хочешь остаться? У меня большой дом. Ребенку было бы хорошо. Или ты могла бы жить с ним в доме Винсента. Это рядом. Я часто видела бы его.

Мария говорила ровным тоном. Но то, что больше тона и даже смысла, звучало в ее словах пронзительно.

Ренате жаль было в очередной раз ей отказывать. Но она не представляла своей жизни здесь, в этом красивом, в самом деле отдаленно похожем на Петербург городе, в доме Марии с его старинными винтовыми лестницами и высокими окнами.

– Я буду приезжать, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно мягче. – И вы приедете к нам в Москву.

Название города она произнесла твердо. Удивительно! Почему именно в Москву, почему не в Питер?

Еще удивительнее было то, что Рената почувствовала, когда произносила это слово, это имя... Она почувствовала острое желание поскорее увидеть этот город.

Рената не любила Москву. Ее раздражала московская торопливость, она чувствовала напряжение от здешней энергичности, от постоянной всеобщей устремленности куда-то. Живя в этом городе, она никак не могла его полюбить, да что не могла – даже не собиралась.

И вот сейчас она хотела вернуться в Москву. Непонятно!

«Может, я про ту «Москву» думаю? – мелькнуло у нее в голове. – Про ту, другую, под соснами...»

Но про ту «Москву» она себе думать сразу же запретила. Думать о ней было мучительно.

Ребенок завертелся было в коляске, но не проснулся, а только улыбнулся и засопел еще слаще. Ему не мешали ни уличный шум, ни музыка, звучащая в кафе.

Рената улыбнулась тоже. Когда она смотрела на своего мальчика, ее как волной окатывало одно только счастье. Растерянность, непонимание, недоумение, смещенное сознание – все это исчезло без следа. Она и сама не

понимала, когда это произошло.

Нет, это была неправда. Все она понимала, конечно.

– Вечером ты можешь оставить маленького со мной, – сказала Мария. – Анна мне поможет. А вы с Тео прогуляетесь дальше по кафе.

Анной звали няню, которую Мария взяла к Ренатиному приезду. При взгляде на нее казалось, что она приходится Марии Ван Бастен родной сестрой: такое же лицо в глубоких морщинах, спокойный взгляд. Но в отличие от Анниного в облике Марии, несмотря на кажущуюся простонародность, чувствовался какой-то особый аристократизм. Прежде Рената замечала такие вот черты простого благородства лишь во внешности Льва Толстого. У него тоже, несмотря на крестьянскую бороду и рубаху, что-то очень непростое было в лице.

Прогулки по кафе, о которых вспомнила Мария, происходили чуть ли не каждый вечер в те две недели, которые Рената с сыном провели в Амстердаме. Тео Ван Бастен, старший брат Винсента, считал кафе главной достопримечательностью города и с удовольствием показывал их Ренате.

Больше всего ей понравились традиционные «коричневые кафе», названные так из-за темного декора и деревянной мебели. В каждом из них было придумано что-нибудь такое, что отличало его от других подобных. В «Лейке» под потолком действительно были подвешены многочисленные лейки, собранные за сто лет существования этого заведения. А в кафе «Норре» пол ежедневно засыпали песком, как и триста с лишним лет назад, когда оно открылось впервые.

В этих «коричневых кафе» Тео настоял, чтобы Рената непременно пробовала енейвер. На ее вкус, это была самая обыкновенная водка, но он считал, что не обыкновенная, а настоящая амстердамская.

Рената улыбнулась тогда его молодости. Хотя улыбаться было нечему: в свои тридцать пять Тео в самом деле считался молодым, потому что молодыми считались в Амстердаме люди от двадцати четырех до сорока лет.

– А до двадцати четырех кто же они тогда? – с любопытством спросила Рената, узнав об этой странной градации.

– Еще студенты, – объяснил Тео.

И на правах молодого человека сразу же потащил ее в тренди-кафе, предназначенное специально для альтернативной молодежи. Он и в кофей-шоп предлагал зайти, попробовать марихуану, но Рената отказалась.

А сегодня он, кажется, собирался посетить ночное кафе, потому Мария и предлагала оставить ребенка с ней.

– Мне не хотелось бы сегодня в кафе, – сказала Рената. – Мы ведь уже и

так сидим в нем с вами. А вечером... Мария, вы говорили, что я могу побывать в доме Винсента. И мне хотелось бы... Ведь я уезжаю через три дня.

Рената слышала в своем голосе оправдывающиеся интонации, но не стеснялась их. Ей казалось, что Мария имеет полное право обидеться на ее скорый отъезд, а обижать ее не хотелось нисколько. Невозможно было ее обидеть после того письма, которое она прислала в ответ на Ренатино письмо, после ее немедленного приглашения приехать в Амстердам с Винсентом и после этих двух недель, полных доброты и заботы, в ее доме на улице Рестрат...

И все-таки Ренате хотелось остаться одной в доме Винсента.

– Ты не должна извиняться, – сказала Мария. – Я дам тебе ключи, и ты можешь быть там сколько хочешь. И маленького можешь оставить у меня.

– Я возьму его с собой, – сказала Рената. – Для него это тоже важно.

Глава 8

Несмотря на то что пол покачивался под ногами, Венька совсем не собирался спать. Он с любопытством вертел головой и улыбался – наверное, ему нравилось то, что он видел вокруг.

Город, если смотреть на него с воды канала, в самом деле выглядел необычно. И все-таки он не был похож на Петербург так, как того хотел, наверное, Петр Великий. Разве что ощущением какой-то камерности, интимности воды, которое Рената всегда чувствовала и у себя в Петербурге.

У себя... Бесшабашный размах московских улиц снова представился ей во всей своей красе, и она улыбнулась. Никогда она не думала, что ей придется по сердцу их свободная нерасчетливость! Это произошло само собою.

– Ма! – сказал Венька.

– Да, солнышко, – машинально ответила Рената. И тут же ахнула: – Ты «мама» сказал, да, Венечка? Ну-ка скажи еще раз!

Но он только улыбнулся. Конечно, этот ласковый слог сказался у него случайно, все-таки ему было всего полгода.

«А может, и не случайно, – подумала Рената. – Он ужасно умный!»

Она сидела с ребенком на палубе баржи и смотрела, как медленно, по-осеннему, угасает над водою городской день.

Дом, в котором жил Винсент, оказался баржей, стоящей в одном из бесчисленных амстердамских каналов.

– Эта баржа досталась ему по наследству, и Винсент не стал ее продавать, хотя это очень дорогое удовольствие, жить на воде, – объяснил Тео, провожая сюда Ренату. – Он был тогда совсем мальчишка, учился в театральной школе. Ты видишь, как он с друзьями ее разукрасил.

Баржа в самом деле была расписана яркими красками и напоминала авангардную театральную декорацию. И в ней действительно было что-то юношески вызывающее.

Но вокруг нее очень попросту плавали утки, у ее бортов плескались рыбы, а сейчас, вечером, когда Рената с Венькой вышли на палубу, то к барже подплыли даже два белых лебедя.

Венька очень им обрадовался. Он стал подпрыгивать на скамеечке, которая стояла под навесом, и улыбаться большим птицам. При этом он то и дело оглядывался на маму и что-то восхищенно ей на своем языке рассказывал, кивая на лебедей.

Нарадовавшись и наговорившись, он положил голову Ренате на плечо и уснул. Жаль было уходить с палубы. Рената посидела еще немного, держа ребенка на руках. Но вечера в октябре были уже прохладные, и она отнесла Веньку в комнату.

«Хорошо ему здесь будет спать», – подумала она, укладывая ребенка на кровать, которая вместе со всей баржей покачивалась на едва ощутимых волнах.

Рената пристегнула к кровати специальную сетку, которую загодя купила Мария. Сетка не позволяла ребенку упасть на пол.

Во всем, что делала Мария, была такая ненавязчивая и вместе с тем такая предупреждающая любовь, которая дается не многим. Веньке повезло, что у него есть такая бабушка.

Рената вернулась на палубу. Стемнело. Вода тоже стала темной, и редкие желтые листья, плывущие по ней, не были теперь видны. Только запах, сырой и свежий, напоминал об осени.

Когда Рената ехала в Амстердам, то ловила себя на предательской мысли: как она выдержит воспоминания о Винсенте, когда они подступят так близко? Но оказалось, что ее опасения напрасны. Воспоминания о нем были – как его глаза.

Воспоминания смотрели на Ренату с той же серьезной нежностью, с которой Винсент смотрел на нее, когда был жив. Мучительность – это было что-то такое, что не связывалось с ним никак.

Он разбудил в ней любовь после двадцати лет сердечной пустоты, да нет, не после каких-то лет – он разбудил в ней любовь впервые, потому что впервые она увидела, что это такое, когда мужчина любит без фальши, без житейского расчета, без оглядки.

Это было счастье. Рената не ожидала, что оно сойдет в ее жизнь, но это произошло, и смысл, которым ее жизнь от этого наполнилась, не позволял теперь ей самой ни фальшивить, ни рассчитывать что-либо в сфере чувств, ни оглядываться на житейскую целесообразность.

Она сидела на палубе баржи, смотрела на темную воду, в которой дрожали огоньки от уличных фонарей, и мысли о Винсенте были так же чисты, как его живой светящийся взгляд, как дыхание его сына, спящего в каюте его дома.

Другие мысли она прогоняла из своей головы, другие!.. Наверное, их не должно было у нее быть. Наверное... Но они приходили помимо ее воли, и в то мгновение, когда они приходили, Рената чувствовала такое счастье, с которым не имела сил, да и не хотела бороться.

Она чувствовала, как касается во сне ее щеки ладонь, теплая и жесткая,

и видела глаза – удивленным домиком, и резкий разлет бровей, и слышала голос, в котором звенят холодные льдинки, но от которого сердце почему-то заливают теплом... Как могло получиться, что все это стало ей родным, хотя явилось в ее жизни так ненадолго?

Эта мысль не давала ей покоя, но еще больше ранила ей душу другая мысль: как могло получиться, что все это исчезло?

Какой-то неправильный, неточный узор сложила жизнь, это Рената чувствовала. Но изменить этот узор она была не в силах.

Она встала со скамейки, зябко повела плечами. От воды шла сырость. Пахло мокрыми палыми листьями и немного – гниющими водорослями. Пора было спать.

Рената хотела устроиться на ночлег в той же маленькой комнатке-каюте, где спал Венька, но там была только одна узкая кровать – та, к которой и была подобрана страховочная сетка. И она легла в другой комнате, за стеной.

«Если он проснется, я сразу услышу», – подумала Рената.

Когда Венька только родился, она удивлялась этой неожиданно проявившейся особенности своего организма: она слышала, как ребенок просыпается, мгновенно, сквозь самый глубокий сон. Права была мама, когда говорила, что связь матери с ребенком особенная, не головная – страшная в чем-то связь.

Впрочем, ничего страшного Рената в своей связи с ребенком не чувствовала. Были и страх, и тоска, и растерянность, и непонимание того, как она сможет его вырастить. Было все это – и исчезло.

Исчезло, когда Алексей Дежнев сказал ей своим холодноватым голосом: «Вы просто устали. Опять вы ищете каких-то дурацких возвышенных причин! А на самом деле вы просто устали. Вам надо отдохнуть, и вы сразу поймете, что навывдумывали себе черт знает что».

Она помнила каждое его слово. Как странно! Почему это произошло?

«Да не все ли равно, почему?» – подумала Рената.

Это произошло, и это было теперь в ее сердце, как был в нем светящийся взгляд Винсента.

Рената легла, накрылась до самого носа одеялом. Несмотря на загодя включенное ею отопление, на барже было холодно. У Веньки в комнатке это не чувствовалось, может, потому что она была маленькая, а Рената мерзла даже под одеялом.

От этого непроходящего холода сон ее был неглубок. Она скользила по поверхности сна, как по льду. Да, наверное, именно так скользили по льду конькобежцы в те времена, когда амстердамские каналы еще замерзали

зимою... Они скользили по зеленоватому льду, летели навстречу друг другу, и какое же это было счастье – лететь навстречу этому взгляду необыкновенных, домиком, глаз, и широкий, резкий разлет бровей – тоже тебе навстречу, и льдинки в голосе звенят счастьем... И что же за странный стук мешает ей коснуться жесткой и теплой ладони, зачем этот стук, от холода он, что ли?..

Рената села на кровати. Стук был слышен отчетливо. Он доносился с улицы, с воды. Рената похолодела от страха.

«А вдруг это какие-нибудь бандиты? – подумала она. – Здесь же наркоманов полно! Кто сказал, что им не придет в голову переночевать на барже? Тем более на такой вот, раскрашенной... Как же я могла так рисковать?!»

Преувеличенность ночных страхов всем известна. В нормальном состоянии ума Рената, конечно, сообразила бы, что бояться нечего: рядом пришвартованы точно такие же баржи, на которых живут люди, и, случись в самом деле что-нибудь опасное, полиция прибудет через несколько минут; Тео даже рассказывал ей про что-то подобное.

Но ночной страх не принимает разумных доводов.

Рената вскочила, набросила на плечи большую марокканскую шаль, которой было накрыто стоящее у кровати кресло. Просто притаиться и ждать, что будет, казалось ей невозможным. А если это в самом деле бандиты, а если они ворвутся? А в соседней комнате спит ребенок!

Оглядевшись, она увидела большой чугунный подсвечник, стоящий на столике. Рената взяла его и, забыв надеть обувь, прокралась по узкому коридорчику к двери. За этой дверью были сходни, по которым можно было войти с улицы на баржу.

Рената замерла под дверью. Ей было страшно, и этот инстинктивный страх не давал ей произвести никакого сколько-нибудь разумного действия.

Наконец она на цыпочках подошла к маленькому круглому окошку, которое было рядом с дверью, и осторожно выглянула в него.

Улица была залита ярким светом фонарей. Вода в канале сверкала и переливалась от этого света. Набережная была пустынна. Рената перевела взгляд на сходни, перекинутые с берега. На них стоял человек. Конечно, это он стучал в дверь баржи. Она не сразу смогла разглядеть его лицо – сначала только суховатую высокую фигуру.

Но еще прежде, чем ее глаза привыкли к отблескам от воды, прежде, чем она сумела разглядеть черты лица стоящего на сходнях человека, – сердце ее замерло совсем не так, как замирало оно до этой минуты от страха.

Словно ударило что-то в ее сердце. Так неостановимый порыв ветра бросает в окно сильную дождевую волну.

Рената вскрикнула и распахнула дверь. И замерла на пороге, в одной руке по-прежнему держа подсвечник, а другую прижав ко рту.

– Почему вы босиком? – спросил Дежнев. – Хоть вы и в африканском платке, но погода-то здесь не африканская.

– А... А... – просипела она.

– Видите, уже осипли. Оденьтесь, Рената. И пустите меня, пожалуйста, в помещение. А то совсем простудитесь.

– А-ал-лексей Андреевич! – воскликнула она. – Я... Вы... Но этого же не может быть!

– Но есть же, – сказал он. – Трудно не признавать очевидного. Дайте-ка мне подсвечник. А то вы его сейчас себе на ногу уроните.

Глава 9

– Почему же ты мне об этом не рассказал?

– Сам не понимаю. Отвык, наверное, такое рассказывать. Или не привыкал никогда.

– И много их было?

– Очень много. Они собирались в клин. Я думал, это только в книжках так называют. Или в песнях, что ли. «Летит печально клин» – такая, кажется, песня была. Но они действительно собирались в такой двусторонний треугольник, в клин то есть. И кричали, трубили – не знаю, как это называется.

– Журавли, кажется, трубят.

– А гуси поют? Когда летят над Невским?

– Ну что ты смеешься! Я ведь никому про это и не рассказывала. Только тебе тогда. В «Москве», помнишь?

– Я не смеюсь. Помню.

– Журавли трубили, собирались в клин, и что потом?

– Потом собрались и улетели. На юг. Это ведь тоже осенью было. И очень это, знаешь, было пронзительно. Как сейчас.

– Мы с тобой сейчас улетим на юг?

– Теперь вот ты смеешься.

– Я не смеюсь, ну что ты! Не смеюсь... Я просто теряюсь, потому глупости говорю.

– А вот так?

– А вот так – не теряюсь... Алеша... Подожди, дай я по-другому повернусь, а то ведь рука у тебя прижата.

– Ничего...

Может, рука у него в самом деле была прижата ее плечом, но он этого не чувствовал. Он чувствовал только ее, всю ее, а не руки, не плечи; это Рената как-то знала. Но, чувствуя ее всю, он целовал ее плечи и руки так, что по всему ее телу шли острые разряды. Это повторялось и повторялось, его поцелуи, но повтора во всем этом не было. Как такое могло быть, непонятно. Но это было именно так.

Круглое окошко комнаты посветлело первыми проблесками рассвета. Они лежали в постели и целовались долго, уже несколько часов, наверное. Но как же мгновенно пролетели эти часы!

Наверное, потому что им совсем не пришлось привыкать друг к другу,

прилаживаться телами. Так же, как и сердцами не пришлось прилаживаться. Они были даны друг другу как-то сразу, и не надо было им взаимной привычки, да и привычки никакой для них не существовало.

Алексей осторожно, словно спрашивая, коснулся губами Ренатиных губ.

«Ну конечно! – без слов ответила она. – Конечно, люблю. Зачем ты спрашиваешь?»

– Я тебя люблю, – сказал он, не отнимая своих губ от ее.

И Ренате сразу стало жалко, что до сих пор она говорила с ним об этом без слов. Ей-то ведь нужны были его слова, нужны как воздух! И ему, значит, ее слова нужны были тоже.

– Я люблю тебя, Алеша, – сказала она.

Он вздрогнул, услышав это. Всем телом вздрогнул – так, как вздрагиваешь во сне, если приснится, что падаешь в пропасть.

– Ну что ты? – Рената коснулась ладонью его щеки, погладила висок – там, где заканчивался разлет бровей. – Ты испугался?

– Да. – Впервые она слышала, чтобы его голос звучал смущенно. – Я не думал, что это возможно.

– Но ты же приехал.

– Я не мог не приехать. Но все равно ни на что не надеялся.

– Тина молодец, что сказала тебе адрес, – улыбнулась Рената.

Тина была в восторге от того, что Рената едет в Амстердам к родственникам, и дотошно выпрашивала такие подробности поездки, которые казались Ренате совершенно неважными: в каком районе находится дом Винсента, далеко ли это от квартала Красных фонарей и прочее подобное. Чтобы отвязаться от этих расспросов, Ренате и пришлось назвать адрес, по которому она отправляла письмо Марии. Вот этот – адрес дома на воде...

– Она не хотела говорить. – Он тоже улыбнулся своей мгновенно исчезающей улыбкой. – Она была уверена, что ты останешься в Голландии и выйдешь здесь замуж.

Рената засмеялась. Вся Тина была в этом – с ее наивным, скользким, неизвестно откуда берущим сведения о жизни сознанием.

– Я тоже так думал, – добавил он.

– А я нет. Я о тебе думала, Алеша. Это правда, правда. Только я от себя эти мысли гнала. Из себя гнала, из сердца.

– Почему?

– Потому что... Давай не будем об этом говорить, а? Сейчас не будем...

– Давай.

Они и не могли бы сейчас ни о чем говорить, даже если бы хотели. Потому что немедленно принялись целоваться, и это их чрезвычайно увлекло.

Губы у Алексея были сухи и тревожны, и Рената целовала его в губы до тех пор, пока тревога из них не ушла. А потом стала целовать его плечи, руки... Он пытался спрятать свои руки, когда она их целовала, но потом перестал прятать, а, обхватив ее, приподнял повыше, положил на себя и стал целовать ее сам, и уж тут целовал как хотел и сколько хотел – она не сопротивлялась.

Было что-то неумелое в его страсти – как будто никогда он прежде не целовал женщину. И в этой странной его неумелости, в порывистости этой было еще что-то такое, неназываемое, от чего Ренате хотелось то плакать, то смеяться. И все время хотелось обнять его так, чтобы они стали – совсем одно.

Но вообще-то они и были уже совсем одно. Они стали общим, большим организмом, и когда он создавался из них двоих, этот единый организм, то выделилось столько энергии, что тела их, то есть общее их тело было теперь мокрым от горячего пота.

Их тела скользили друг по другу, и друг с другом сплетались, и не могли, и не хотели разделяться. Слиянье их губ было теперь таким тесным, что между ними уже не помещались слова. И пока что их не нужно было, слов. Потом, потом!.. Потом, когда они снова будут лежать рядом, отдыхая от мощного соития, и счастье их будет тихим, долгим, бесконечным...

А сейчас они проваливались в страсть, как в пропасть, и сплетенье их тел было лишь мольбой о спасении.

Рената первая вскрикнула, забилась в этом сплетении. Пот капал с ее лба на губы Алексея и впитывался в его губы, как в пересохший песок. Лицо его было таким бледным, что она испугалась бы, если бы не чувствовала, как ему хорошо. Хорошо ему, легко до звона во всем теле. Так же, как и ей самой. Да и как ему могло быть иначе, чем ей, если они были – одно?

– Глаза у тебя какие... – прошептал Алексей.

Рената уже уткнулась лбом ему в грудь и не сразу расслышала поэтому, что он сказал. А когда расслышала, то улыбнулась, не открывая глаз.

– Они же закрыты, – сказала она.

– Это все равно. Они дымчатые.

– Почему?

– Ресницы потому что темные.

– Я уж думала, это какое-то их внутреннее качество, – засмеялась

Рената. – А это, оказывается, просто эффект преломления света.

Она вдруг почувствовала, что Алексей как будто окаменел. Плечо его стало твердым, напряженным под ее щекой.

– Что, Алеша? – Рената тревожно заглянула ему в глаза. – Я тебя обидела?

– Нет.

– Ты как-то переменялся сразу. Алеша! – воскликнула она. – Не таись ты, ну пожалуйста! Зачем? Ты скажи, в чем дело, и тебе легче будет. И мне тоже.

– Я боюсь в себе цинизма, – помолчав, сказал он.

– Как это? – не поняла Рената.

– Очень просто. Может, это и не цинизмом называется, но это что-то... То, что мне всю жизнь было необходимо. Кроме детства, может. Тогда были необходимы другие вещи.

– Мальчиша-Кибальчиша в дачном спектакле играл? – улыбнулась Рената.

Алексей говорил твердым, даже жестким тоном, но она чувствовала какую-то глубинную наивность его слов – так же, как чувствовала его полную незащищенность.

– Да. Но это сейчас неважно.

– А что сейчас важно?

– Что ты совсем другая. Я тебя чувствую, я тебя люблю. Но ты другая. С тобой невозможно быть циничным, жестким, а я... Мне кажется, я другим быть уже не могу.

Рената подняла голову, заглянула ему в глаза. Он отвел взгляд.

– Алеша... – сказала она. – Какой же ты еще, оказывается, юный... Просто мальчишка, ей-богу! Ведь ты себя совсем не знаешь. Хотя, – тут же поправилась она, – и не можешь ты так себя знать. Для этого со стороны себя надо видеть, а такого ни один человек не может. Так что не переживай из-за фантомов своего воображения. Это я тебе как врач говорю. А не как врач... – Она наклонилась к его лицу, коснулась губами кончика брови. Очень ей нравился этот свободный разлет его бровей! – Я всего тебя чувствую, ты понимаешь? И ничего в тебе не чувствую такого, что было бы мне чуждо. Какое там чуждо! Да наоборот совсем. Ведь ты...

За стеной послышалось хныканье. Перегородки между каютами были тонкие, и слышно было даже, как Венька вертится на своей кровати.

– Можно, я к нему схожу? – спросил Алексей.

– Можно, – улыбнулась Рената. – Только не разговаривай с ним – не позволяй ему проснуться. Там у него бутылочка с чаем стоит возле кровати,

он попьет и дальше будет спать.

Его не было минут пять. Рената слушала, как Венька хнычет за стеной, как громко глотает чай, как постепенно успокаивается. Алексей все-таки не удержался и что-то говорил ему – что-то приговаривал, пока Венька пил.

– Спит, – сказал он, вернувшись.

– Я думала, все-таки проснется.

– Ну уж! Думаешь, я совсем с ним не умею? Я же его с рождения знаю.

Вспомнив, как происходило Венькино рождение, Рената покраснела.

– Ну а с тобой что? – Алексей сел на край кровати, положил ладонь на ее горящую щеку. – Родов застыдилась?

– Не то что застыдилась, – пробормотала Рената, – но просто подумала...

– Подумала, что все это было слишком физиологично? Нет, все-таки в цинизме есть свои преимущества. По крайней мере, смутить меня такой ерундой невозможно.

– Хорошенькая ерунда! – возмутилась Рената. – А у кого руки дрожали?

– Конечно, дрожали, – ничуть не смутился Алексей. – Все-таки ребенка держал, не котенка – не хотелось уронить. Так что беспокоился я вполне прагматично. – И добавил, помолчав: – Может, это и объясняет...

– Что – объясняет?

– То, как я... к нему отношусь. Мне кажется, что это мой ребенок. Я понимаю, понимаю, – поспешно сказал он. – Тебе так не кажется, и не должно тебе так казаться. Если отец его умер, а ты после этого родила... Конечно, ты его помнишь. Я понимаю.

– Я его помню, – тихо сказала Рената. – Я его помню. И люблю тебя. Любовь ведь вся в жизни, Алеша. Вся она из сплошной жизни состоит. Я не знаю, правильно ли это. Но это так. И я ничего не хочу с этим делать.

– И не надо.

Он вдруг сел на кровати – так порывисто, что Рената едва успела сесть тоже, ведь ее голова лежала у него на груди.

– Пойдем на палубу, а? – сказал Алексей. – Мне... душно что-то.

Улицы были еще темны, еще освещались они ночными фонарями. Но город уже наполнялся жизнью – мелькали вдоль каналов редкие велосипедисты, в иллюминаторах соседних барж загорался свет.

Алексей и Рената обошли баржу вокруг по узкой палубе и сели на низкую скамейку под навесом. Над водой холодными клубами плыл туман. Рената поежилась, поправила у себя на плечах марокканскую шаль.

– Холодно тебе? – заметил Алексей. – Сейчас вернемся, только немного воздуха глотнем. Разбередила ты меня, – объяснил он смущенным тоном.

Они смотрели на темно-зеленую воду канала, на вереницу домов вдоль него.

– Я тоже все время думал, что ты здесь останешься, – сказал Алексей. – Или в Питер к себе вернешься. Не любишь ведь ты Москву.

– Я теперь в этом не уверена... – задумчиво проговорила Рената.

– Не уверена, вернешься или нет?

– Не уверена, что в самом деле Москву не люблю. Знаешь, с каких пор я об этом задумалась? С тех пор, как тебя встретила. Она – вся ты, Москва. В тебе ее размах, свобода ее сердечная. Это непонятно, да?

– Это понятно. – Улыбка коротко тронула его губы. – Хотя несколько преувеличено. А может, и не преувеличено. Я же ее люблю. Тоже когда-то не захотел из нее уехать... Ладно! Это потом. Все потом.

Они сидели над темной водой, смотрели, как течение несет по каналу яркие осенние листья. Куда несет, в какие города, страны? Разница между городами и странами была так же неощутима, как неощутимо было движение воды. Так, покачивает немного баржу. Если обняться, то и не чувствуется это совсем.

Алексей обнял Ренату, прижал ее к себе. Сила, которая чувствовалась в его объятии, была так же неодолима, как и трепетна.

«Сплошная жизнь, – без слов повторила Рената. – И ничего я не хочу с этим делать».

FB2 document info

Document ID: mcat78-7d14a8b0-5d55-102d-9ab1-2309c0a91052

Document version: 1

Document creation date: 28 January 2010

Created using: FB Editor v2.0 software

OCR Source: Текст предоставлен издательством «ЭКСМО»

Document authors :

- MСat78

Source URLs :

- <http://www.litres.ru>

Document history:

v 1.0 – MСat78 – fb2 из изд-го текста

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon